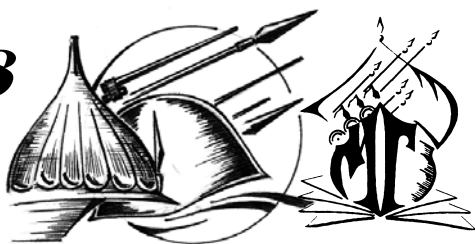

Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2011

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ГОЛОВЕНКО. Кривизна «прямых линий» с народом	3
Андрей ИВАНОВ. Бесстыдство	8
Альберт СЁМИН. Российское село идет на эшафот	55
Владимир КОЛЕСНИКОВ. Смутное время русского языка	62
Иван УХАНОВ. Возродится ли оренбургское чудо?	81

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. Жара. Рассказ	19
Нина БОЙКО. Короткие рассказы	41
Валентин МАХОНИН. Дороги дальние. Рассказы	115

ПОЭЗИЯ

Сергей ХОМУТОВ. Между будущим и прошлым. Стихи ..	92
Павел ЯВЕЦКИЙ. У украинских сёл. Стихи	97

РУССКИЙ ВОПРОС

Леонид ИВАШОВ. Главный вопрос — русский	99
--	----

Василий МЕРУЛЬСКИЙ. Русский вопрос и Чубайс	106
Елена АЛЕКСЕЕВА. Справедливый гнев на Манежной площади	109

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Галина СИЛАСТЕ. Авантюристы из-за зубчатых стен	151
---	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Алексей ЧИЧКИН. Польша — СССР: «забытые» события	156
Владимир ПОЛУШИН. Из «красного ада» в вечность	161

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Татьяна БАШКИРОВА. Стихи	190
Тойво РЯННЕЛЬ. Стихи	192
Вадим КВАШНИН. Стихи	194
Сергей СКОРЫЙ. Стихи	195
Леонид КОРНИЕНКО. А жить?! Рассказ	197
Сергей МАЛИЦКИЙ. Стекло. Рассказ	204
Мария РОЗЕНБЛИТ. Очередной сюрприз. Рассказ	209
Сергей КАЛАБУХИН. Разочарование. Рассказ	211

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Геннадий ШИМАНОВ. Отцы и дети	221
--	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания	232
Нина БОЙКО. Сынки и пасынки	267

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Валерий РОКОТОВ. Либеральный джихад	273
Вера ВОРОНИНА. Что для нас важнее?	276
Сергей КОМКОВ. Лишние учителя	280
Елизавета АЛЕКСАНДРОВА-ЗОРИНА. Виртуальный народ	284

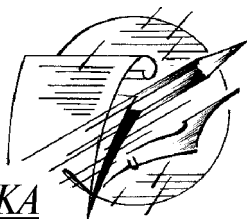
КРИВИЗНА «ПРЯМЫХ ЛИНИЙ» С НАРОДОМ

Пришпоривание внимания

Проведение премьером В.Путиным телевизионных «прямых линий» после ухода с президентского поста все больше напоминает стремление лермонтовского героя Печорина догнать уехавшую любовницу Веру. Помните сей славный эпизод из «Княжны Мэри»? Получив прощальное письмо от дамы сердца, наш герой «как безумный выскочил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса... и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск».

Эти ассоциации снова мне пришли на память, когда я слушал восторги телекомментаторов о подготовке очередного виртуального общения Владимира Владимировича с электоратом в декабре 2010 года. Причем снова было непонятно, в каком статусе он собирался выступить.

Опять было заявлено, что состоится «Разговор с Владимиром Путиным». Значит, не как с председателем правительства, так что отчета о работе за год ждать не стоило. И не с партайгеноссе «Единой России», что хотя бы подразумевало реакцию на слова президента о наметившемся политическом застое и нео-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

боснованном доминировании в обществе «партии сласти». Так от чьего имени вещание? Владимир Путин — конечно, уважаемое лицо, но это еще не профессия, и такой должности в государстве нет.

Однако нам вторично предлагалось адресовать вопросы просто гражданину Путину. То есть получалось, что лицу частному и, следовательно, никого не представляющему, ни за что не отвечающему.

Оппозиционные СМИ уже ставили вопрос: за чей счет проводилась многочасовая трансляция рекламной «прямой линии» на нескольких теле- и радиоканалах? Ведь только одна минута эфира на ТВ стоит сумасшедших денег. Ответа общественность не получила. Значит, частное лицо господин Путин говорил 4 часа в прямом эфире за государственный счет? Точнее, за счет налогоплательщика, что являлось злоупотреблением служебным положением с его стороны. На кого списали многомиллионные расходы на этот раз? В какой стране еще возможно такое? Прозвучали тогда и другие безответные вопросы, актуальные и поныне.

В 2009 году «Владимир Путин» выступил 3 декабря. А в ночь на 5 декабря случилось небывалое пожарище в пермском ночном клубе «Хромая лошадь». По словам президента Медведева, оно стало следствием царящего в стране вселенского «раздолбайства». Причем, достигло такого масштаба, что стало уже «национальной угрозой». В этих словах заключалась и цена годовалому премьерству «Владимира Путина», и итог его 8-летнего царствования на президентском троне.

Хочу напоминать, что «Хромая лошадь» унесла жизни 156 пермяков и гостей города, 80 стали пожизненными калеками... Какие выводы из того ЧП сделаны на государственном уровне? Никто дорогим россиянам не доложил.

А о той «прямой линии» гражданина Путина люди мгновенно забыли. Она тоже сгорела в огне раздолбайства. Мне, например, запомнилась лишь одна фраза: дескать, если всех жуликов сажать — кто работать будет? Комментарии, как говорится, излишни.

Что же запомнилось на этот раз?

Страна безответственных

На этот раз запомнились слащавые благодарности В.В. Путину за сотворенное им добро. Они содержались, по моим прикидкам, примерно в 35—40% всех вопросов. Получалось так, как будто он снимал личные деньги со сберкнижки и постоянно занимался благотворительностью.

Присутствовало и восхищение его фартовостью, «работоспособностью», удачливостью в международных делах, умением играть на рояле. Естественно, не обошлось без любопытства о здоровье собачек. Назовите мне еще одну страну, в которой с подачи хозяина забота о здоровье кобелька и сучки премьера ставится в разряд государственных задач и где пресс-секретарь главы правительства на полном серьезе обращается к населению страны с просьбой придумать кличку его новому щенку.

Думаю, и в процветающей стране бесконечные слащавые благодарности в адрес премьера выглядели бы дико. А что говорить про летящую под откос Россию? Тем более, как известно, все «неожиданные вопросы» населения готовятся в Кремле и согласовываются с адресатом. Под них в городах и весях подбираются счастливые граждане, которые задают своему благодетелю придуманный им же вопрос. Оттого давно уже эти «прямые линии» именуют в народе шоу и фарсом.

Честно говоря, мне поначалу казалось, что после гибели людей в пермском ночном кабаке власти начнут наводить в стране элементарный порядок. Увы, хорошие слова остались лишь словами.

В результате «раздолбайства» спецслужб 29 марта прошлого года в московском метро прогремели два взрыва, которые унесли жизни 40 пассажиров. Причем один взрыв под самим штабом ФСБ — в метро «Лубянка».

Какие выводы сделали Владимир Путин и сам президент? Получается никаких, ибо никто за смерть людей не наказан, не снят с должностей, не разжалован из генералов в лейтенанты. Почему? Наивно было бы ожидать ответа на этот вопрос на «прямой линии». Он и не прозвучал, потому что ответ на него и другие такие же острые вопросы давно известен: по кочану.

После двух следующих взрывов метана в ночь на 9 мая 2010 года кемеровская шахта «Распадская» стала братской могилой для 90 горняков. 17 тел (вдумайтесь только!) до сих пор не подняты из завалов и не преданы по христианскому обычаю земле. При этом господин Путин запретил спикеру Госдумы Грызлову создавать парламентскую комиссию для расследования этой катастрофы. Хотя этого дважды требовали три думские фракции.

Поэтому и неудивительно, что в кремлевском перечне для «Владимира Путина» не оказалось вопроса о том, почему никто из владельцев шахты не наказан, не отдан под суд, не приняты исчерпывающие меры по безопасности шахтерского труда?

А как ловко была подана тема лесных пожаров прошлым летом! Прозвучала благодарность от погорельцев одного района за то, что Владимир Владимирович построил им новые дома. И ни слова о том, почему он продал через Госдуму «Лесной кодекс», который, по мнению специалистов, и стал одной из главных причин массовых возгораний лесов, охвативших центральную часть России. В Белоруссии тоже стояла несусветная жара, однако там не сгорела ни одна деревня и в огне «раздолбайства» не погиб ни один человек. Почему? У нас — 60 жертв, сгоревших в огне. Виновников и на этот раз не оказалось. Поистине Россия страна самых безответственных начальников в мире. Оттого и живем от траура до траура.

По оценкам аналитиков, организаторы телешоу рискнули допустить «Владимиру Путину» побольше «жареных» вопросов. В надежде на его умение заговаривать зубы. Вопросы-то были, не было, как всегда, ответов по существу. Лукавство, увертки, обещания.

Для кого, например, секрет, что уже 85—90% бюджетников и пенсионеров квартплата берет за горло? Она пожирает почти все их месячные «доходы» — оклады и пенсии. На что жить? Сужу хотя бы и по своей семье. За 10 лет путинского «нефтяного изобилия» наша квартплата выросла в... 25 раз! Почему, за что такой ежегодный грабёж? Приходишь в домоуправление с недоуменным вопросом, а ответ все тот же: по кочану.

На этот раз вопрос о грабильке ЖКХ на «прямой линии» тоже прозвучал. Но каков был ответ! Мол, разве это много — ежегодный рост тарифов в «среднем» на 15—25%?

С «нулем» в багажнике

Уже не раз звучало в СМИ, что под мудрым руководством «национального лидера» Россия выбилась на 1—2-е места в мире по употреблению героина, абортam, подростковым суицидам и проституции, бездомным и потому нигде не обучающимся «гаврошам». По продаже детей-сирот в США и Европе под видом международного усыновления. Число детей-сирот стабильно держится на отметке 750—800 тысяч. Число беспризорников больше, чем после Гражданской и Отечественной войн. Их — 5—6 миллионов.

Когда эти социальные язвы будут лечиться? Ответа не было и нет.

И другая незаживающая рана. Ценой десятков тысяч убитых, раненых и искалеченных, огромных финансовых вли-

ваний, Чечня может быть, «усмирена». Но в огне, считай, весь Северный Кавказ. Почти каждый день там гремят взрывы, раздаются выстрелы и гибнут люди. Покушения на первых лиц республик — рядовые будни. «Похоронки» оттуда идут по всей России. Последствия этой бойни страна ощущает каждодневно.

Владимир Владимирович, вы — воюющий премьер. Можете доложить, когда закончите войну на Северном Кавказе? Ведь 16 лет уже воюете. По времени четыре Отечественной.

Но такие вопросы, сами понимаете, не для рекламного телешоу.

После очередного такого сеанса психотерапии считающиеся вполне лояльным Интернет-агентство «Росбалт» опубликовало разгромную статью под лобовым заголовком «Полный ноль». Цитирую: *«Про уход от сырьевой зависимости страны, из-за которой Россия в условиях мирового кризиса упала ниже всех, — ноль идей. Про стимулирование потребительского спроса, благодаря чему все развитые страны пытаются выкарабкаться из стагнации, — ноль идей. Про сокращение расходов на безмерно разросшийся при Путине бюрократический и «силовой» аппарат — ноль идей. Про борьбу с коррупцией, ставшей в последние годы государствообразующим фактором, — ноль идей. Полный ноль».*

Звучало как приговор. Его и сегодня можно повторить слово в слово: тот же ноль!

Еще в прошлом году многие СМИ заметили, что вся Россия под чутким руководством В.Путина превратилась в «Хромую лошадь».

А теперь ее сравнивают со станицей Кушевская, где в «страстном экстазе слились» бандиты, милиция и местная власть.

От редакции

После январского теракта в аэропорту Домодедово — 36 погибших и более 130 раненых. Но что реально сделано властями для предотвращения очередной такой же трагедии? Кто из нас может быть уверен в том, что нечто подобное не произойдет в стране в любой момент?

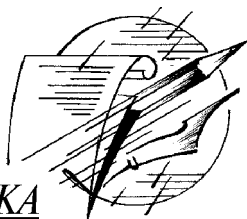
Андрей ИВАНОВ,
доктор философских наук

БЕССТЫДСТВО

Общеизвестно, что власть и стыд — понятия трудно совместимые, однако должны же быть хоть какие-то пределы властного бесстыдства. Похоже, к нашей верховной власти это не относится, и в России мы имеем дело с беспрецедентным бесстыдством.

Чтобы не остаться голословным — приведу конкретные факты, а также сопоставлю сегодняшние реалии с тем, что было при «проклятом» социализме.

1) В свое время, когда Хрущев захотел ввести в состав тогдашнего Политбюро своего зятя Аджубея, встал Сулов и заявил приблизительно следующее: «Такого партийного позора и дискредитации власти я не потерплю. Никогда в советском руководстве не было семейственности, а кадры подбирались по деловым качествам». И известный самодур Хрущев вынужден был отступить. Знал бы советский «серый кардинал», какую беспрецедентную семейственность разведет нынешняя власть. Зять-министр (прелестное словосочетание — не правда ли?) — это еще цветочки. У нас в правительстве есть министры-жены и министры-друзья

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

детства, а уж бывших сослуживцев и приятелей на других высоких государственных постах — так и вовсе пруд пруди. Близкие дружки особенно рьяно исполняют неожиданно свалившиеся на них государственные функции. Особенно усердствует неутомимый рыночник и коммерциализатор отечественного образования Андрей Фурсенко, недавно договорившийся до того, что подготовку высших научных кадров надо бы, по его мнению, сохранить в столицах, а на долю провинции в лучшем случае оставить бакалавриат — этот злосчастный выкидыш российских образовательных реформ, а еще лучше — среднее профессиональное образование. Ясное дело, что первым поддержит эту очередную реформаторскую диверсию ректор Санкт-Петербургского университета — тоже некогда ближайший соратник, но уже первого лица в государстве. Как его «продавливали» на должность ректора, и какие он завел в питерском университете унтер-офицерские порядки — о том давно ходят легенды среди работников российской высшей школы. Не означает ли все это, что мы являемся очевидцами воплощения в жизнь знаменитого кадрового принципа В.И. Ленина, что у нас в стране любая кухарка способна управлять государством? Разве что кухарка, по разумению Ильича, не должна была быть связана родственными узами с другими госуправленцами, а выполнять свои обязанности ей предстояло вполне бесплатно, что называется, по разуму и совести. Наши же властители с родственниками и друзьями государственно «кухарят» ну за очень солидные деньги. Понятно, что именно таким образом формируются властвующая камарилья, цель которой одна — любой ценой удержаться близ властной кормушки. Знаменитый советский «блат», на критике которого некогда сделали политическую карьеру творцы «русской демократии», — это нечто воистину невинное по сравнению с нынешним семейным госбесстыдством.

2) Поговорим теперь о чиновничьих судьбах и ценностях в нынешней России. Я лично к Ю.М. Лужкову относился и отношусь безо всяких симпатий. Помимо массовой московской коррупции и изувеченного архитектурного облика столицы бывший мэр печально прославился активным участием в событиях октября 1993 года. По его приказу в осажденном Белом доме были отключены все системы жизнеобеспечения. В заметании кровавых следов того преступления он также сыграл не последнюю роль, и возмездие рано или поздно должно было свершиться. Но речь сейчас не об этом, а о том, при каких обстоятельствах Лужков был снят со своего поста. Поразила формулировка: «Утратил доверие пре-

зидента!!!». Значит, можно годами бесконтрольно хозяйничать в городе, как в собственной вотчине (что называется «кормиться»), разводить взяточничество и кумовство, лишать Москву собственного архитектурного лица и при этом... «доверия не утрачивать». Напротив, быть чуть не лучшим мэром всех времен и народов. Но стоило только чиновнику высшего уровня пойти против верховной воли и посметь «свое суждение иметь», как верховный репрессивный кулак обрушился на его голову незамедлительно.

Полезно сравнить это с практикой советского прошлого. Так, даже Сталин не опускался до подбора и наказания кадров по принципу личной преданности. Не жалел людей — это да, но деловые качества подчиненных ценить умел, а нерадивых при нем карали справедливо и быстро. В качестве же привилегий (знаю это не по байкам продажных историков и журналистов, типа Сванидзе, а как внук наркома совхозов РСФСР конца 30-х годов) у сталинского чиновника были государственные квартира и дача (последняя мгновенно изымалась вместе с утратой поста); кремлевские обеды, довольно скромные по ассортименту; контрмарка для семьи в Большой театр да 2 недели отдыха летом на южном курорте. И все! Но зато высокопоставленный советский госслужащий сталинских времен головой отвечал за вверенный ему участок работы и вкалывал с раннего утра до 10—11 часов вечера. И работал при этом творчески и с выдумкой, свято веря в историческую справедливость советского строя. Как этой его верой могли манипулировать — другой вопрос, но люди в подавляющем большинстве своем трудились честно и ради общего блага, не жалея самих себя. Иначе мы никогда бы не выиграли войну и не подняли бы страну из руин. А что есть такая вещь, как взятка, — об этом советский государственный деятель даже подумать не мог. Взятка совершенно справедливо рассматривалась им как неотъемлемый атрибут порочного буржуазного общества.

А что же ныне? Событие, произошедшее с московским мэром, российский чиновник проинтерпретирует однозначно: можешь по-тихому обстрипывать любые свои излишки (брать взятки, требовать откатов, пристраивать родственничков на хлебные места и т.д.), но лишь бы ты при этом безоговорочно поддерживал и проводил в жизнь «линию партии и президента». Первое тебе при личной преданности простят (в худшем случае отправят на пенсию), но за несогласие с генеральной линией накажут примерно. Понятно, что данный импульс прокатится по государственному «телу» России сверху донизу. Еще более воспря-

нут местные «наполеончики» и, соответственно, подхалимы, а с госслужбы уйдут или затаятся до лучших времен честные государственные работники. Показательна реакция на увольнение Лужкова со стороны одного высокопоставленного функционера «Единой России». Он честно ответил на вопрос, как он относится к увольнению московского мэра: «Приказы президента исполняются, а не обсуждаются». При этом исполнять, а не обсуждать приказы президента в Российской Федерации потенциально готова чиновничья орда, размеры которой превышают общее число госслужащих в Советском Союзе, а ведь там и уровень зарплат был на порядок ниже существующего. Кстати, есть массовые трудовые пенсии рядовых граждан страны, размер которых ниже 50% от величины зарплат, с которых они уходят на пенсию; а есть государственные пенсии федеральных (про региональных не знаю) чиновников высокого уровня, размером в 2\3 от их немалых зарплат. Разве все это — не целая философия чиновничьего бесстыдства, где служат не народу и не государственным интересам, а вышестоящим начальникам и лично президенту, не забывая и про себя, любимых?

3) Теперь поговорим о фактах бесстыдства несколько иного рода. Нам постоянно твердят, что в стране и в мире кризис. Денег в государстве нет, а потому надо срочно повышать все виды налогов и на три года заморозить зарплату бюджетникам. Ссылаются при этом на практику европейских стран. Но ведь в Европе до кризиса зарплаты и социальные пособия госслужащих были существенно выше, чем в России, за исключением разве что Румынии. Даже после всех урезаний, особенно в Ирландии, жизнь людей там останется вполне комфортной. А как выжить при постоянной инфляции, к примеру, нашим учителям при средней зарплате в том же Алтайском крае около 9 тысяч рублей?!

При этом миллиарды на чемпионат мира по футболу 2018 года у нашего правительства, как выясняется, есть; как нашлись и находятся миллиарды на поддержку банкиров-спекулянтов — главных виновников кризиса в стране и в мире. Мы как-то очень легко перенимаем с Запада всякую дрянь, вроде тех же финансовых спекуляций и корпоративных тузовок, но не заимствуем положительный опыт американцев, которые регулярно и настойчиво задают своему правительству вопрос: «На что идут деньги рядовых налогоплательщиков?» И в самом деле: почему собранные с меня, бюджетника, налоги правительство бесконтрольно бросило на спасение проигравшихся банковских игроков и частных вклад-

чиков, которые, отдавая деньги банкам, должны же были знать о коммерческих рисках, на которые идут? Почему чужие долги и прогорающие вклады должны оплачиваться моими кровными и весьма скромными доходами? И пусть мне кто-нибудь здраво объяснит, почему в той же Европе и США у спасенных банков учетные ставки — всего несколько процентов годовых, а у нас они не опускаются ниже 15%? И почему наши суды в подавляющем большинстве случаев выступают на стороне банков, а не на стороне потерявших работу тружеников, когда дело касается возвращения кредитов?

В принципе, понятно, что властная камарилья и чиновничество в стране срослись с камарильей банковской. В руководстве банков сидят дети и родственники тех же высокопоставленных чиновников, а за предоставленные государственные преференции банки всегда «откатят» деньги и на предвыборные кампании, и на личные чиновничьи расходы. Посему можно сколько угодно долго повторять мифологемы об особой значимости банков для экономики, однако только в социалистическом СССР они выполняли функции, прямо соответствующие их понятию: осуществляли исключительно посреднические денежные операции и аккумулировали сбережения населения, т.е. были сугубо служебным органом.

Что же теперь? Разве это не бесстыдство, когда в том же аграрном Алтайском крае, житнице Сибири, средняя зарплата крестьянина (по строго официальным данным!) составляет около 7 тысяч рублей, а работника банковской сферы — 29 тысяч? Это, наверное, надо истолковывать так, что труд банкира в четыре раза важнее для страны, чем труд крестьянина.

Однако вернемся к нехватке денег в государстве. По данным Счетной палаты, у государства нашлось 24 млрд. рублей на поддержку ОАО Русгидро, доведшего, как известно, до аварийного состояния Саяно-Шушенскую ГЭС и прославившегося безудержным лоббированием экологически безответственных проектов Эвенкийской и Богучанской ГЭС. Значит, на культуру, науку и образование денег у государства нет, а на прямое субсидирование устаревших технологий они в немереных размерах находятся. И это при том, что развитие энергетики малых водных потоков находится у нас в зачаточном состоянии по вине в том числе и этой самой, предельно неэффективной «Русгидры».

Невозможно при разговоре о деньгах обойти и наше главное «национальное достояние» — «Газпром». Об этой организации мне уже не раз приходилось писать в связи с проектом прокладки прямого газопровода из России в Китай через

реликтовое плоскогорье Укок на Алтае. Как эта полугосударственная компания, монопольно эксплуатирующая газовые запасы страны, на самом деле относится к национальному достоянию, — говорят умопомрачительные зарплаты ее топ-менеджеров. Не забывая о себе, «национальное достояние» щедро субсидирует профессиональный спорт: в год на футбольный клуб «Зенит» и хоккейный клуб СКА оно тратит по 100 млн. долларов («Аргументы недели» №45 за 2010 год). Можно, наверное, вести себя и поскромнее на фоне нищенских зарплат тех же российских учителей и работников сельского хозяйства, тем более, что сумасшедшие деньги как-то не очень трансформируются в футбольные результаты на международной арене. Впрочем, хоккей с футболом у нас в стране любят, и для многих людей — это чуть ли не единственная радость в жизни. Может, и вправду, пусть уж лучше родные спортсмены хорошо проживут, чем лично «Миллер со товарищи» проедят газпромовские деньги?

Однако широко открыто миру «национальное достояние» вкладывает каждый год по 20 млн. долларов... в германский футбольный клуб «Шальке-04». И замораживать зарплаты иностранным тренерам и футболистам, похоже, не собирается. Ситуация складывается прелюбопытная. Фактически Германия получает от «Газпрома» тройную выгоду: углеводородное сырье, немалые проценты от вложения собственных средств в его добычу (например, через известную компанию «Рургаз») и прямые безвозмездные вливания в свой спорт высшего уровня. Представляете, уважаемый читатель, какой бы скандал поднялся в Германии, если бы компания, добывающая немецкий газ, начала вкладывать деньги в московский «Спартак» или краснодарскую «Кубань», а не в решение, скажем, германских экологических проблем. Немцы-то к своей природе относятся исключительно бережно — стеной встают, лишь бы ядерные отходы у них не захоронили. А у нас прямое корпоративное присвоение и разбазаривание денег от продажи природных ресурсов, принадлежащих, кстати, не только живущим, но и будущим поколениям россиян, — дело обыденное и даже вполне почетное! Более того, наше правительство только тем, похоже, и занимается, что лоббирует по всему миру интересы «Газпрома». И опять-таки все понятно: за свои государственные услуги власть возьмет с «Газпрома» ну очень большие деньги. Одновременно внутренние цены на газ постоянно растут, а чтобы к газовой трубе внутреннему потребителю подключиться, — приходится платить кучу денег разным газпромовским фирмам и конторам за установку и

подключение газового оборудования. Разве все это — не беспрецедентное государственно-газпромовское бесстыдство?

Двинемся дальше в исследовании вопроса: есть деньги в государстве или нет. В самое последнее время российское общество сотрясают скандалы, связанные с путинскими дачами. Одну он строит вместе с вездесущим Фурсенко и Якуниным, руководителем РАО «Российские железные дороги», под Питером на берегу живописного озера. При этом беззастенчиво попирается все отечественное — и без того ущербное — природоохранное законодательство. Нарушения столь вопиющие, что местное население организовало целое протестное движение. Информация об этом, к слову сказать, прямо блокируется в Интернете. Второй скандал разгорелся в связи со строительством так называемого «Путинского подворья» в красивейшем месте впадения р. Урсул в р. Катунь в Республике Алтай. Второй человек в государстве возжелал поместья на природе — и все вопросы по отводу земли, экологической и историко-культурной экспертизе, строительству дороги и электрической подстанции решились мгновенно при полном игнорировании интересов и мнения местного населения. При этом безнадежно искалечили уникальный ландшафт и уничтожили два десятка курганов разных эпох. Сколько ушло и уйдет миллионов рублей на строительство всего этого «рекреационного комплекса», официально принадлежащего «Газпромнефти», — остается только гадать.

Одно можно сказать с уверенностью: «отец народов» со своей скромной государственной дачей в Филях выглядит на этом фоне настоящим спартанцем. Демократ, ясное дело, выдвинет против этого свой излюбленный аргумент: зато кровавый аскет Сталин уничтожил миллионы безвинных людей. Сталина я, естественно, оправдывать здесь не буду, но задам «демократу» встречный вопрос: вы уверены, что нынешняя верховная власть не прибегнет к массовым репрессиям, если столкнется с прямой угрозой своему господству, а чиновники из силовых органов не будут их осуществлять из-за угрозы потерять работу? События октября 1993 года заставляют ответить на этот вопрос отрицательно. От нравственного бесстыдства и политического цинизма до крови, как известно, всего один шаг. А куда и почему пропали в самом начале «реформаторской» эры 12 миллионов мужчин только за первые три года преобразований (как о том сообщили близкие к Ельцину академик Т. Заславская и советник президента РФ Андерс Ослунд)? Тот же вопрос ставят обнаруженные позднее Центризбиркомом «мертвые души» среди

избирателей числом в 15 миллионов, а рядом с ними — еще немало преждевременно ушедших в мир иной граждан, что убедительно показал статистик А.Ю Пшеницын. Не состоит ли в таком случае вся социально-экономическая политика власти по отношению к массам из хронических репрессий, которые осуществляются урезаемой пайкой?

А разве это не откровенный цинизм, когда, жалуясь на нехватку денег в казне, власть упорно не хочет вводить прогрессивную шкалу налогообложения (для тех же банкиров и топ-менеджеров «Газпрома»), о чем все здравомыслящие люди говорят уже столько лет? Объяснение премьер-министра просто смехотворно: богатые начнут-де уклоняться от уплаты налогов. Но ведь у вас создана огромная налоговая служба, которая в первую очередь и призвана отлавливать бессовестных богачей, обманывающих государство. Или налоговики могут пасти только мелкий и средний бизнес, бюджетные и общественные организации, которые сегодня буквально задыхаются от налогового произвола? Экономить деньги богачей и усиливать эксплуатацию бюджетников — это не только цинизм, но и полная импотенция в сфере государственного менеджмента.

4) И еще одна грань государственного бесстыдства, о которой нельзя молчать. Наши предки совершили величайший подвиг, освоив Сибирь и дойдя до побережья Тихого океана. С этого времени Россия полностью уложилась в срединное евразийское пространство между Востоком и Западом, превратившись в ключевого субъекта всемирной истории. Это были вынуждены признать даже такие лютые ненавистники России, как геополитики Мэхэн и Макиндер, государственные деятели типа Черчилля и Бжезинского. При этом царское и советское правительство ясно осознавали, что без приоритетного развития Сибири и Дальнего Востока, без «отменных привилегий и вольностей» (М.В. Ломоносов) для ее жителей Россия азиатская будет неминуемо утрачена. Вслед за этим через считанное число лет обвалится и Россия европейская, фактически живущая за счет природных ресурсов восточных регионов страны. Этого не понимает только нынешняя власть. Иначе как объяснить, что не предпринимается никаких мер против стремительного оттока трудоспособного населения в европейскую часть страны, а в самое последнее время втайне от общественности правительством заключен ряд международных договоров, которые нельзя расценить иначе, как прямую сдачу азиатской части России. Я имею в виду в первую очередь «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири

Российской Федерации и Северо-Востоком Китайской Народной Республики (2009—2018)», о чем мне уже приходилось писать. Там все предельно ясно: с российской стороны планируются к освоению лесные массивы и десятки приграничных месторождений полезных ископаемых (железо, медь, молибден, сурьма, медь, золото и т.д.), а на китайской приграничной территории планируется строительство заводов по их промышленной переработке. Работать на наших месторождениях будут также в основном китайцы. Но если вы сегодня сами не можете осваивать эти месторождения — оставьте их для наших потомков. Зачем же так бездарно транжирить природные богатства, цена которых год от году только растет?

На очереди, по-видимому, Западная Сибирь, чему и призван послужить прямой газопровод в Китай через Алтай с сопутствующей автомобильной и — в перспективе — железной дорогой по маршруту: Урумчи (столица Синьцзяна) — Барнаул — Новосибирск. Достаточно посмотреть на карту, чтобы понять, какие геополитические последствия нас в этом случае могут ожидать. Если кто-то сомневается в том, что верховную власть Россия азиатская интересуется только как источник дешевого сырья и денежных поступлений, пусть поразмыслит над последним договором с США, по которому в Сибирь завезут для переработки и захоронения 80% отходов с американских атомных реакторов (inoСМИ.ru). Словом, власть относится к России азиатской как к сырьевой колонии, из которой нужно выжать максимум здесь и теперь, не думая о будущем.

Символично, что наша политика становится все более циничной и на западном направлении. Сотрудничество с НАТО трансформировалось в закупку западной военной техники и натовского стрелкового оружия. Теперь правительство изъявило желание участвовать в натовской системе противоракетной обороны. От кого вместе с Западом мы собираемся укрываться под ракетным щитом и против кого намереваемся воевать натовским оружием? Уж не против ли сербов, палестинцев, курдов, талибов, иранцев и северокорейцев, т.е., в конечном счете, за сугубо западные геостратегические интересы? Но разве не платила Россия самую дорогую цену, когда бездумно встраивалась в кильватер западной внешней политики, о чем еще в XVIII веке писали Ф.И. Тютчев и Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и Ф.М. Достоевский? И разве не в бесстыдном экономическом и политическом западничестве кроются причины национальной катастрофы 90-х годов? Ситуация вторично позорная, если учесть, что по после-

дним электронным опросам... 57% самих европейцев выступают за роспуск военного блока НАТО, как утратившего смысл после распада Варшавского договора. А какое во всем этом видится унижение нашей армии и наших великих ратных традиций? И ведь НАТО с Западом все равно ни на секунду не перестанут рассматривать нас как своего потенциального геополитического противника. Только люди, не знакомые с западной философией и западной геополитикой, равно как и с достижениями отечественной общественно-политической мысли, могут искренне верить, что мы можем стать полноправной частью Западного мира. Когда-то покойный мудрейший академик Н.Н. Моисеев, математически доказавший губительность ядерной войны, заметил, что «ни одна попытка «войти в Европу», сделаться не ее партнером, а частью европейского полуострова не оканчивалась успешно... Я вижу задачу русского народа не в том, чтобы «войти в Европу», а в том, чтобы разумно использовать особенности нашей цивилизации и наш природный потенциал для того, чтобы сделаться добрым (и равным) партнером Европы...» Вот как раз национального достоинства (не считать же таковым горделивое выпячивание властной груди!) и равноправного партнерства с Европой и Китаем не видно во всех внешнеполитических телодвижениях правящего режима.

5) И, наконец, последнее, личное замечание. Государственная власть вместе со своей карманной Думой отобрали у меня важнейшее и неотъемлемое моральное право, имеющее и свое совершенно определенное политико-правовое воплощение. Я имею в виду право гражданина отвергать (желательно, естественно, ненасильственно) то, что ему представляется безусловно вредоносным и/или морально неприемлемым. Лишение этого права — прямое покушение на мою гражданскую и духовную свободу, как если бы Христу приказали не говорить: «Отойди от меня, Сатана!» Но ведь именно это и сделала власть, исключив графу «Против всех» в избирательных бюллетенях и принуждая меня голосовать за одну из партий. А если все партии идейно плохи и практически недееспособны или, к примеру, мне категорически не нравится наша нынешняя российская Конституция, и актом своего протестного голосования я желаю обратить внимание общества на необходимость ее существенной корректировки? Почему меня лишают свободы в отвержении различных ипостасей зла, коль скоро я не вижу вокруг реального добра? На это у меня есть единственный ответ: власть подобного исхода панически боится, и мне оставлен единственный вариант отвергнуть властное бесстыдство: обязательно прийти на из-

бирательный участок и испортить бюллетень. Голосовать положительно за другие партии в нынешних условиях бессмысленно, ибо в справедливость выборов, организуемых нынешней властью, поверить невозможно.

Понятно, что вопрос о путях развития будущей России сложен и требует соборных усилий, причем в большей степени практических, чем теоретических. Но в любом случае нынешние ее правители должны уйти, а добиться этого можно только ненасильственными, но решительными и соборными усилиями. Так давайте сначала хотя бы дружно придем на избирательные участки и испортим бюллетени, а потом будем совершать следующие шаги по очищению нашей державы от завалов государственного бесстыдства.

ЖАРА

РАССКАЗ

Вторую неделю московские улицы плывут в мареве тридцати с лишком градусной жары. Плавится асфальт, стены домов пышут жаром, деревья начинают сбрасывать засыхающую листву, в скверах и парках пожухла трава, удушливый смог висит над городом — смесь выхлопных газов и гари, наплывающей со стороны горящих торфяников.

В квартире научного сотрудника одного из московских институтов Петра Васильевича Камаева, расположенной на двенадцатом этаже четырнадцатизэтажного панельного дома постройки семидесятых годов прошлого века, температура к ночи опускается до двадцати восьми, и ни градусом ниже, хотя окна трехкомнатной квартиры смотрят на восток и север. Не помогают ни два вентилятора, — один в детской, другой во взрослой спальнях, — ни мокрые простыни на окнах, в то время как градусник за окном ближе к полуночи показывает всего лишь двадцать два. Спят в чем мать родила, потеют, простыни и наволочки через час становятся влажными, будто кожа лягушки, в квартире все время держится запах чего-то

ПРОЗА

прокисшего. Жена за ночь не менее двух раз обтирается сама и обтирает двух девочек девяти и десяти лет мокрым полотенцем, а Петр Васильевич полусонный лезет под холодный душ, а потом долго ворочается, не находя себе места на широкой двуспальной кровати.

Наконец дирекция института, в котором работает Камаев, догадалась, что толку от работы по такой жаре никакого, и отпустила почти всех сотрудников в отпуск, пообещав оплатить его, как только станет ясно, когда этот вынужденный отпуск закончится. И едва это решение было обнародовано, как большинство ринулось к себе на дачу, в Турцию и на Кипр, а меньшинство, у кого ни дачи, ни денег, засели в своих квартирах, изыскивая средства защиты от жары и дыма.

Петр Васильевич, посоветовавшись с женой, работавшей экономистом в районной управе и не получившей от своего начальства отпуска по случаю стихийного бедствия, решил ехать с детьми в деревню, расположенную на северо-востоке Московской области, где в рубленой пятистенке доживала свой век его престарелая бабка, надеясь там переждать жару и задымление.

Сказано — сделано. Раненько утром, едва поднялось красное, похожее на очищенный от зеленой корки арбуз, солнце, запихнув в старенькую «Ладу» полусонных девочек, необходимые вещички и продукты на первый случай, Петр Васильевич чмокнул свою жену в губы, плюхнулся на горячее сиденье, включил мотор и стронул машину с места. Через пять минут он выехал на Кольцевую, через пятнадцать повернул на Ярославское шоссе, а еще через два с половиной часа свернул с магистрали на узенькое полуразбитое шоссе и километров через двадцать, повернув еще раз и еще, на этот раз на грунтовку, достиг наконец своей деревеньки, где в школьные годы проводил летние каникулы.

Деревня, нареченная когда-то именем Соломки, стояла на взгорке и насчитывала всего-навсего четырнадцать домов, при этом окна и двери половины из них были крест-накрест заколочены досками. Внизу, под взгорком, протекала речка — или, лучше сказать, речушка. Упираясь в эту речушку, заканчивалась дорога. Дальше был брод, отмеченный вешками, который смещался во время половодья то влево, то вправо. Но не слишком далеко. Так что переехать речушку на машине не представляло никакой трудности. Особенно теперь, когда она едва сочилась по мелкому речному песку, скапливаясь в ямах и омутах, в которых еще плескалась кое-какая рыба.

За речкой, если смотреть со стороны деревни, тянулись, прерываясь на неудобях, захваченные молодым березовым и

осиновым подростом поля, на которых когда-то сажали картошку и капусту, сеяли рожь и овес; с другой стороны, почти вплотную к деревушке, подступал молодой сосновый лес, посаженный в те поры, когда Петр Васильевич ходил под стол пешком, — в том смысле, что не доставал головой до столешницы, сработанной из толстых сосновых досок.

Переехав речушку, машина, усердно урча, поднялась на взгорок, проехала по улице, заросшей птичьим горцем, гусиными лапками и подорожником, до противоположного края деревни и остановилась возле мостка через глубокую канаву, тоже заросшую травой, уже поникшей, увядающей, будто на дворе не конец июля, а начало октября. За канавой высился слегка покосившийся забор, на который навалились кусты черемухи, жасмина и сирени, в заборе ворота и калитка, а за ними приземистый дом из посеревших от времени и растрескавшихся бревен. Пять окошек, окруженных резными наличниками, наполовину осыпавшимися, смотрели на речку и заречные поля, сбоку почти новое крыльцо, еще окончательно не утратившее древесной белизны, сработанное уже самим Петром Васильевичем два года тому назад. Ну и крыша — из гофрированного оцинкованного железа, заменившего солому и драньё, новенькая, сверкающая на солнце так, что издалека была бы видна, если бы ее не заслоняли три старые яблоньки, всегда усыпанные маленькими яблоками даже в самые неурожайные на яблоки годы. Да только нынешний год выдался совсем уж никудышным: среди изъеденной клещами листвы, будто пораженной ржавчиной, на яблонях можно лишь с трудом отыскать мелкие сморщенные шарики.

Пока Петр Васильевич открывал ворота, на крыльце появилась восьмидесятивосьмилетняя баба Дуня, в валенках и телогрейке, в кофте и длинной юбке, повязанная цветастым платком, и, подслеповато щурясь и прикрываясь от солнца ладонью, старалась разобрать, кто к ней пожаловал. А разобрав и охнув, зашпешила, причитая, вниз по ступенькам крыльца, держась за перила обеими руками: Петюша был любимым ее внуком, и лишь о нем она вспоминала долгими зимними вечерами после смерти своего мужа, Кондратия Семеновича.

Петр Васильевич осторожно обнял бабу Дуню, ткнулся три раза в ее морщинистые щеки губами и отпустил ее для встречи с девочками, которые, стоя друг подле друга, ожидали своей очереди. Бабу Дуню они не видели два года, проведя прошлое лето на юге, и теперь с трудом ее узнавали.

Оставив девочек с прабабушкой охать, ахать и изумляться, Петр Васильевич по мосткам переехал канаву и поставил

машину под навес с обратной стороны избы. Только после этого он огляделся вокруг, расправил плечи и смог ощутить ту разницу между Москвой и Соломками, ради которой ехал сюда и вез своих детей. Хотя солнце и здесь немилосердно пекло сквозь рубашку, однако воздух был значительно свежее и чище, чем в Москве, дышалось легко, и тело не ощущало того липкого зноя, от которого не знаешь куда деваться.

— У нас-то еще ничего, слава тебе, Осподи, — говорила баба Дуня, когда все вместе собрались за обеденным столом. — И в реке вода есть, и в колодце имеется. Грибов, правда, нету, и ягод никаких, а клубника, что ты, Петюша, сажал в прошлом годе, посохла. Ее ж поливать надо, а мне, с моими-то ногами, куды уж осилить-то. Морковку полить — и то кое-как. Совсем мелкая морковка-то. И петрушка с укропом еле-еле. Из колодезя ведро пока вытащишь, вся себя израсходуешь напрочь. Старость, Осподи, прости. Помирать пора.

— Ничего, бабуля, мы это дело поправим, — бодро пообещал Петр Васильевич. — А коза-то, коза-то... Что, жива еще? — вспомнил он.

— Жива-а! Что с ей поделается, с козой-то? Привязана возле старой черемухи. Да только с такого корму да по такой жаре много молока не жди. Полтора литра — и те кое-как. Зато гадюк развелось — тьма. И все, скажи на милость, лезут в подпол: там днем прохладнее. А на ночь вылазят. Так что вы поостерегитесь, а то, не дай, Осподи, укусит какая... Давеча встала, а она, паразитка, в сенях возле ларя лежит. Чуток не наступила. И на што такая тварь на свете живет? Пользы — никакой. Один вред. Лягушек всех поели. Оттого и комаров развелось пропасть, — вздыхала баба Дуня. — Правду сказать, по нынешней жаре не только комаров, слепней — и тех нету. Зато тли и клопа вонючего — страсть как много народилось. Сморода вся ими усыпана.

В окно постучали. Затем трубный бас пророкотал:

— Баба Дуня! Жива, что ль?

— Сашка Трофимов, — сообщила баба Дуня. — Участковый наш. Из Залесья. А тут, значит, у тетки у своей, Ковригиной Настасьи. Плоха совсем Настасья-то стала. На ладан дышит. Эка ему нейдется. Сашке-то.

Заскрипели ступени крыльца, скрипнула дверь в сенях, протопали тяжелые шаги по скрипучим половицам, затем распахнулась дверь в горницу, и на пороге возник кряжистый мужик с русой окладистой бородой и усами, в синей выцветшей рубахе-безрукавке и потертых штанах. У него

была такая мощная шея, такие широкие плечи и выпуклая грудь, такие толстые руки, что он казался одним из тех былинных богатырей, о которых рассказывалось в сказках и какие давно перевелись.

— Здравствуйте! Хлеб да соль! Не помешал? — прогудел он, продолжая подпирать дверной косяк.

— Не помешали. Проходите, — пригласил Петр Васильевич, приподнимаясь из-за стола, с любопытством разглядывая незнакомца. — Может, отобедаете с нами?

— Благодарствую, уже отобедал. Баба Дуня, небось, поведала вам, кто я такой есть, — то ли спросил, то ли подтвердил свою догадку вошедший, привыкший, судя по всему, не слишком церемониться.

— Участковый! — выпалила девятилетняя Аленка с такой поспешностью, будто боялась, что ее опередят. — А почему вы без фуражки?

— Верно, малыш. Участковый тугошный и есть. Александр Трофимовичем Трофимовым прозываюсь. А батька мой, между прочим, на все три «т», — весело прогудел Трофимов, будто в большую трубу. Затем оторвался от косяка, шагнул вперед, тиснул Петру Васильевичу руку, покивал головой: мол, как же, как же, наслышан о Петре Васильевиче, сел на лавку к стене, отер с лица пот тыльной стороной ладони. — А без фуражки я потому, малыш, что считаюсь как бы в отпуску. Но поскольку я один на весь околоток из одиннадцати деревень, постольку отпуск у меня как бы есть, и как бы его нету, — хохотнул Трофимов, будто закашлялся. — Вот приметил, что вы приехали, решил зайти и предупредить. Обстановка у нас в районе сложилась исключительно пожароопасная: всё высохло, любая искра — и... сами знаете, что будет. Шатурские болота горят, в Рязанской, Воронежской, Нижегородской губерниях горят леса и деревни. А у нас восточнее и южнее такие болота лежат, что за день не обойдешь, не объедешь. Часть из них когда-то была обводнена, а большая часть — нет. Так что все может быть. Хоть крестный ход заказывай, чтобы нас минула чаша сия, — хохотнул он и продолжил: — С батюшкой Удовским говорил давеча на сей счет: мнется, приказа сверху, вишь ты, не было. Из бывших армейских: они без приказа ни влево, ни вправо, ни взад, ни вперед. А наверху, так я понимаю, ждут, пока ситуация с погодой не прояснится окончательно, то есть пока синоптики на все сто процентов не решатся гарантировать изменение погоды к лучшему. Скажем, хотя бы дня за три. А те и сами не ведают, что нас ждет. В старые времена уже б с полмесяца во все колокола звонили о ниспослании дождя и урожая, ходи-

ли бы с хоругвями и с иконами, а тут всё посохло, а они — молчок. Вывод: бояться подрыва церковного авторитета. Из этого вытекает, что не быстро-то верят в свои молитвы.

— И-иии, Трофимы-ыч! — вступилась за местного попа баба Дуня. — Неправда твоя. Батюшка-то был у нас давеча. Велел молить Осспода о ниспослании дождя... Как же, как же... печется об нас, грешных, — и баба Дуня мелко закрестилась скрюченной щепотью, оглядываясь на почерневшие лики святых, взирающие на мир суровыми очами из темного угла.

— Ну, ниспошлет Бог, нет ли, а нам плошать не положено, — звучно шлепнул по своим огромным коленям ладонями Трофимов, прежде чем подняться. — А бочки-то свои водой все-таки наполните. А то глянул — пустые. И случ чего, я на вас, Петр Василич, рассчитываю. А то в деревне ни одного мужика, кроме нас с вами: все старухи да старухи. Иные с внуками. Есть, правда, две молодухи с детьми. А с них со всех какой спрос? Никакого. — Доскрипел половицами до двери, оглянулся. — Ну, отдыхайте пока. А там будет вино.

Затем стало слышно, как жалобно стонут под его ногами ступени крыльца. Хлопнула калитка — и в избе сгустилась тишина.

— Па, а у нас тоже будет гореть? — спросила Светлана и с любопытством глянула на отца материными карими глазами.

— Ну что ты! — постарался успокоить дочерей Петр Васильевич. — Сколько существует наша деревня, а ни разу пожаров тут не припомню.

— Было! Было! — возразила баба Дуня. — Давно. В тридцатом, поди, годе. Тебя, Петюша, и на свете-то не было. И я в девках еще ходила. Сгорели у нас тут Мальковы. Старый Новый год отмечали и чегой-то там недоглядели. Польшнуло так, что едва ноги из избы унесли. Всем миром тушили. Слава тебе, Оссподи, на другие избы не дали огню перекинуться. С тех пор, Бог миловал, не горели.

Миновало несколько дней. Жара усилилась еще больше. Красный столбик термометра, висящего в затененном углу крыльца, стал добираться до тридцати восьми. Днем спасала речка. Вернее, ее не скудеющие омуты и не слишком глубокие ямы, на самом дне которых неподвижно стояли рыбы косяки, прижимаясь к тому берегу, у которого держалась тень от могучих ив и неряшливой ольхи, забиваясь в бороды их корневищ. Вся приезжая малышня с утра до вечера плескалась в этих ямах под недремлющим оком своих бабок. Их

визг далеко разносился по окрестным полям и лугам, пугая местное воронье и наполняя жизнью безлюдное пространство.

А в один из вечеров даже набежало откуда-то облако, заблестало молниями, загрохотало громами, как разболтанная телега на булыжной мостовой, и пролилось в конце концов дождиком, к разочарованию всех, не шибко большим и длительным, едва прибавившим дорожную пыль.

Ребятишки прыгали под дождем, кричали нестройным хором:

*Дождик, дождик, припусти,
Дай напиток из горсти!
Дождик, лейся пуще,
Жито будет гуще!*

И на какое-то время посвежело. А по телеку показывали утопающую в дыму Москву, там и сям горящие леса и деревни.

— Пап, а что такое жито? — спросила Светланка.

— Жито — это хлебушко, — опередила Петра Васильевича с ответом баба Дуня. — Хлебушко, что в поле растет. Что по весне посеяно. Рожь, ячмень там или пшеница. Раньше всё на деревне житом звалось.

И еще два дня прошли в тревожном ожидании чего-то, чего ни сами жители не понимали, ни Петр Васильевич, ни Александр Трофимович. Не понимали, но чувствовали какую-то тяжесть то ли на сердце, то ли еще где. От повышенного давления, говорят. А вечером второго дня, как раз в то предзакатное время, когда деревенские возвращались с речки со своими детьми, поднимаясь по косогору, а хозяйки шли отвязывать коз, со стороны деревни вдруг поперли змеи. Да так их было много, так много, что и ступить некуда.

Дети визжат, старухи то же самое, собаки заходятся в лае, но хватать гадюк остерегаются, а Петр Васильевич, бегая туда-сюда, отшвыривает ползущих тварей с дороги палкой-рогулькой, к которой крепили полотняный навес от солнца, подпрыгивая, отскакивая то в одну сторону, то в другую.

А они ползут и ползут, то сразу десятками, то поодиночке, то длинной кишкой, так, что низкая пожухлая трава шевелится, будто из нее, такой никудышной, рождаются эти твари. И все ползут в одну сторону, будто слепые: ни людей не видят, ни собак, ничего и никого. Прошло, может, минут десять, показавшихся Петру Васильевичу вечностью, и вся эта прорва исчезла в густой осоке, подступавшей к самой реке.

Лишь кое-где еще извивались, медленно скользя по траве, аспидно-черные, блестящие, будто намазанные лаком жгуты, догоняя основную массу. И одиночные змеи вскоре тоже исчезли в осоке.

Петр Васильевич остановился, тяжело дыша, с опаской оглядываясь по сторонам: ему все еще казалось, что если он не оглянется, то прозевает гадюку, которая непременно кого-нибудь укусит. И даже теперь эти исчезнувшие полчища держали его душу черными лапами ужаса, какого он не испытывал ни разу в жизни. В то же время в голове шевельнулась, пробившись сквозь ужас, мыслишка: хорошо бы снять все это на камеру, чтобы потом показывать знакомым. Может, и телевидение показало бы. А что? Очень даже интересные кадры. И деньги, говорят, за это платят. Но камера осталась в избе, потому что все, что можно, уже было снято, и ничего нового не ожидалось.

Женщины и дети, сбившись в одну плотную кучку, всхлипывая и дрожа, тоже со страхом смотрели по сторонам и ждали, судя по всему, команды от Петра Васильевича, разрешающей движение. И Петр Васильевич готов уж был отдать такую команду, но на взгорке показался Александр Трофимович с лопатой и затрусил по дороге вниз. В его медвежьей фигуре тоже было что-то такое, что внушало тревогу, и Петр Васильевич команды не подал. И вся деревня, до самых древних старух, высыпавшая к последней избе, молча смотрела вниз и тоже чего-то ждала.

— Сколь живу, а такого не видывал! — воскликнул Трофимов, останавливаясь рядом с Петром Васильевичем. — И не слыхивал, чтобы кто-то рассказывал о подобном. Что твой исход Израила из Египта. Я их столько лопатой порубил, что и не знаю, сколько. А они все лезут и лезут из подпола, из всех щелей. Слышь, Василич, не к добру это. Читал я, что змеи особенно чувствительны ко всяким катаклизмам. Может, это как раз такой случай? А? Что в твоей ученой голове про это дело имеется?

— Все может быть, — произнес Петр Васильевич, вытирая пот с лица подолом рубашки. — Но, насколько мне известно, таким образом они реагируют на предстоящие землетрясения. Не думаю, что у нас такое возможно.

— Зато возможен пожар. Мы не чувствуем, а они чувствуют приближение огня. Может такое быть?

— Все может быть, — повторил Петр Васильевич, но мысли его витали где-то далеко, никак не попадая в нужную точку. А он привык к тому, что в жизни все подчинено определенному порядку, — даже и вполне возможный беспорядок, — надо толь-

ко методом анализа и синтеза этот порядок определить. Да только в голове его что-то сместилось и никак не хотело вставать на положенное ему место.

— То-то и оно, — утвердился в своих предположениях Александр Трофимович и огляделся.

— Па-а, пошли домой, — захныкала Аленка.

— Да-да, пойдёмте, пойдёмте, — засуетился Петр Васильевич и сошел с дороги, пропуская женщин и детей, запоздало подумав, что надо было сразу же отступить к реке, там и переждать змеиный исход. Да кто ж его знал, куда попрут эти твари.

Все заспешили в гору. Малышня, цепляясь за подолы бабок и двух молодых мам, вдруг огласила окрестности дружным воем, точно им наконец-то разрешили выплеснуть из себя весь ужас пережитого. Даже Светланка с Аленкой и те заскулили, прижимаясь к Петру Васильевичу и дрожа своими маленькими телами. А он шагал, тяжело опираясь на палку, мокрый от пота, бледный, с блуждающими глазами, бубня одно и то же:

— Ну, чего вы, чего? Все кончилось, ничего страшного уже не случится.

Когда достигли улицы, Петр Васильевич обернулся к Трофимову, предложил:

— Трофимыч, ты бы зашел, что ли? Посидим, потолкуем. У меня коньяк есть. Хороший, между прочим, коньяк. Армянский.

— Зайду, Василич. Непременно зайду. Вот обойду всех, погляжу, что и как, а там и зайду.

Трофимов пришел через час, когда дети уже поужинали, и баба Дуня с ними, а Петр Васильевич все сидел и ждал, поглядывая на часы и теряя последнее терпение.

— Фу ты, — отдувался Александр Трофимович, выставляя на стол бутылку с какой-то бурой жидкостью. — Всю деревню обежал. Народ, как нынче говорят, в шоке. Сделал перепись населения, предупредил, чтобы на всякий случай собрали вещички, документы и кто там еще чего пожелает. А то нагрянет беда — без штанов выскочишь и про все на свете забудешь. Ты-то как, Василич?

— Да никак, — ответил Петр Васильевич. — Ты ж меня еще не переписал и не предупреждал.

— Сам должен был догадаться.

— Откуда? У тебя, может, опыт, а у меня никакого.

— Ты что ж, и в армии не служил?

— Между четвертым и пятым курсом провел лето на военных сборах. Пару раз пальнул по мишени из «калаша», про-

катился на бронетранспортере — вот и все. Не помню, чтобы что-то говорили о пожарах. Хотя, честно тебе признаюсь, змеинный исход из головы не выходит и наводит на какие-то странные мысли.

— Странные мысли — это потом. У меня у самого этих мыслей девать некуда. Я вот звонил в район, спрашивал обстановку. Сказали, что обстановка нормальная, все под контролем, пока дымит одно болотце на севере района, заливают его водой местными силами. Я так понял, что случись самое худшее, рассчитывать придется только на себя. То есть на твои и мои силы. Других не имеется.

— Если суждено случиться, то уже бы случилось, — философски изрек Петр Васильевич, разливая по стопкам коньяк.

— Что ж, тогда давай выпьем, чтобы и дальше ничего не случилось, — произнес Александр Трофимович, поднял стопку, глянул на свет и выплеснул себе в рот. Мотнув головой, крикнув, прогудел: — Хорошая штука! А теперь давай моего хлебнем. И на этом покончим. А то может так выйти, что не дойдет до Всевышнего наше пожелание, а мы с тобой не в форме. Не годится. А вот когда вся эта канитель закончится, тогда и расслабимся.

— Согласен, — кивнул головой Петр Васильевич.

Выпили бурой жидкости. Петр Васильевич с открытым ртом схватил огурец, захрустел и только после этого отдышался.

— Никак чистоган? — спросил он, вытирая слезы.

— Точно! Но настоящий на травах, — с довольной улыбкой ответил Александр Трофимович. — И продирает, и прочищает, и от всех болезней защищает.

— Так уж и от всех.

— Ну, может, и не от всех, но от большей половины — это уж точно.

— А вот скажи мне, Трофимыч, как это тебя угораздило пойти в милицию? — подвинулся к гостю Петр Васильевич, налегая грудью на стол. — При такой-то комплекции тебе бы кузнецом работать или — я не знаю — мировые рекорды на помосте ставить, а ты — участковый. Не вяжется.

— А ты думаешь, я с детства мечтал об этом? — усмехнулся в бороду Трофимов. — С детства я, брат, мечтал стать агрономом. Да судьба распорядилась иначе. Взяли в армию. Да. В девяносто четвертом. Во внутренние войска. И — в Чечню. Туда-сюда — война. А я, надо тебе сказать, еще в школе освоил и трактор, и комбайн, и машину — всю, какая у нас в колхозе была, технику. Конечно, не так чтобы хорошо, как, скажем, мой отец, но и не хуже иных прочих. И в армии меня посадили на БТР. И в первом же бою мою машину подбили.

Из гранатомета. Меня ранило, а те из ребят, что сидели за моей спиной... там, брат, одна каша. Потому что он, зараза, когда пробивает броню, мечется внутри и всех, кто там есть, крошит без разбору... Ну, подлечили меня, и снова на машину. Тут как раз решили штурмовать Грозный. Рассказывать про это не буду: по телеку показывали не раз и со всеми подробностями. Даже, на мой взгляд, лишними. А когда все это закончилось, вышел дембель, и вернулся я в родной свой колхоз имени Первого Мая. А его, колхоза-то моего, что называется, Миткой звали. Ну, и куда? Написал своему командиру: так, мол, и так. Отвечает: приезжай на сверхсрочную. Отсюда и пошло. Потом школа милиции, потом... долго рассказывать. Короче говоря, отпросился в родные края, служу вот... околоточным в чине капитана. Два раза в меня уже здесь стреляли, и грозились, и много чего еще было. Так что скучать не приходится.

— А околоточный — это ты сам придумал? Или наверху решили шагнуть на столетие назад? — спросил Петр Васильевич.

— А ты как думаешь? Ты думаешь, они только названия поменяют? Они под эти старинные названия всех наших полковников и генералов разжалуют. А то у нас полковники по крышам с пистолетом за всякой швалью гоняются. Или в кабинетах бумажками шебаршат. А всего и полку-то у них — раз-два и обчелся. Нет, брат ты мой, тут пахнет большим потрошительством. А иначе зачем? Иначе чистая глупость да и только. Вот нацепят мне на грудь бляху с чайное блюдце с двуглавым орлом, чтоб издали видать было, повесят какой-нибудь аксельбант и назовут околоточным без всяких званий и погон. Впрочем, погоны, пожалуй, оставят. Но без звезд.

Они покинули избу, вышли на улицу, сели на лавочку. Над ними в ультрамариновом небе мигали мириады звезд. На дальнем конце деревни выла собака. Ни ветерка, ни облачка, все точно застыло в тревожном полусне.

— А ведь, похоже, дымком попахивает, — произнес Александр Трофимович, с шумом втянув в себя воздух. — Точно, точно. Только не пойму, откуда.

— Кто-нибудь печь затопил, — высказал предположение Петр Васильевич.

— От печи не такой запах. Это гарью тянет. Не иначе... Вот подняться бы сейчас вверх, хоть бы и на воздушном шаре, и глянуть, что и где происходит. А то сидишь тут, а что под боком делается, не знаешь. Лесников поразогнали, леса раздавали всякой сволочи, а им лишь бы нажиться. Начальство у нас, брат, думать не хочет и не умеет. Дальше своего

носа не видит. Да и под носом ему одни деньги мерещатся. А почему? А потому, скажу я тебе, что те, кто в самом начале вокруг Ельцина крутился, нахапали себе выше головы, сидят по заграницам и в ус не дуют. Другие, которые опоздали, на них смотрят, слюни распустили и думают, что и они ничуть не хуже. Как говорится, дурной пример заразителен. Россия, одним словом... — Шумно вздохнул, поднялся. — Ладно, пойду. Так ты, Василич, все-таки прими меры. Чтобы потом не пороть горячку.

— Ты думаешь?

— Лучше перестраховаться. Видал по телеку, — люди выскакивали из домов в трусах да ночных рубашках. Хорошо, если пронесет, а если, не дай Бог...

— И с какой стороны, по-твоему, может придти огонь? — спросил Петр Васильевич. И тут же оговорился: — Если придет, конечно.

— Кто ж его, Василич, знает. Бросит кто-нибудь окурок — и полыхнет. Или молния. Мало ли что... Природа — это, брат... ее не угадаешь. Пустое дело. Ну, спокойной ночи. — И Трофимов, тиснув руку Камаева своей огромной пятерней, потопал на другой конец деревни.

А собака все выла и выла.

Однако ночью ничего не случилось. И днем тоже. Правда, гарью уже пахло так, что и не слишком чуткий нос Петра Васильевича, испорченный московским постоянным смогом, сквозь который по ночам даже в самую ясную погоду на небе можно разглядеть разве что несколько самых крупных звезд, и тот почувствовал запах гари. Но тревожиться оснований не имелось. И день прошел, как и все предыдущие дни: дети купались и прятались от солнца под широким тентом, сооруженным Петром Васильевичем, звучала музыка из переносного приемника, время от времени игривый голос сообщал, где горит и сколько слоев мокрой марли должно закрывать нос и рот, чтобы не отравиться всякими вредными веществами, содержащимися в дыме. При этом взрослые то и дело с опаской поглядывали на широкую полосу осоки и крапивы, протянувшуюся вдоль речки. Но змеи, если они там еще оставались, не показывались, а лезть в осоку и проверять, что там и как, ни у кого желания не обнаружилось. О змеях только и говорили на деревне, вспоминая, когда и кого укусили, чем лечились и чем лечение заканчивалось.

А Петру Васильевичу представлялось, что где-то там, среди осоки, сбился огромный черный клубок, наподобие волос Медузы Горгоны, из которого торчат оскаленные змеиные

морды, и что клубок этот рано или поздно должен развернуться и совершить обратное движение к деревне. И прикидывал, как лучше поступить, имея в виду полученный опыт.

Ближе к вечеру несколько старух, возглавляемых бабой Дуней, обходили деревню с иконами, повязав их чистыми рушниками, сопровождаемые любопытствующими детьми и собаками. Останавливались возле каждой избы, пели визгливыми голосами:

— О пресвятая и преблагословенная Мати сладчайшего Господа нашего Иисуса Христа, припадаем и поклоняемся Тебе пред святою и пречестною иконою Твоею, еюже дивная и преславная чудеса содеваеши, от огненного запаления и молнеиноснаго грома жилища наша спасаеши, недужныя исцеляеши, и всяко благое прошение наше во благо исполняеши, смиренно молим Тя, всеильная рода нашего заступница: спаси и сохрани, Владычице, под кровом милости Твоея благовернаго государя нашего, императора Николая...

— Куда тебя понесло? — воскликнула баба Лиза, всего лишь года на три моложе бабы Дуни. — Какого еще императора?

— А-а, нуда! Не туда глянула, — сконфузилась баба Дуня. — Может, «О спасении утопающих Пресвятой Богородице»? Там есть одно место очень душевное... — предлагает она.

— Тут и утонуть-то негде, а ты о спасении утопающих, — возражает еще одна старуха, баба Маня.

Но баба Дуня уже включилась:

— Не имамы бо ни инья помощи, ни иного представительства, ни утешения, токмо к Тебе, о Мати всех скорбящих и напустуемых...

Остальные подхватили:

— Ты по Бозе наша надежда и заступница, и на Тя уповающе, сами себе, и друг друга, и всю жизнь нашу Тебе предаем во веки веков. Аминь.

— Дальше, я думаю, надо прочесть молитву о защите от змиев и василисков, — предложила баба Дуня. — Только я запомнила, где ее искать, у какого святого.

— А и Бог с ними, с василисками. Уползли. Сейчас главное от огня и полымя. Посмотри там, в «Молитвослове»-то своем, что еще имеется.

Все четверо склонились над книжкой в обшарпанной обложке, с тиснением и остатками золота на нем, которой уж, небось, лет сто. Баба Дуня осторожно переворачивает пожелтевшие страницы, бормочет, быстро пробегая старинные тексты глазами сквозь толстые стекла очков. Она в деревне са-

мая главная грамотейка по части молитв, потому что у нее у одной есть такая, можно сказать, истинная книжка, чудом сохранившаяся в прошлые лихие года.

— Вот! — восклицает баба Дуня, тыча пальцем в страницу, так что очки у нее сползают на кончик носа. — «Молитва пророку Илие во время бездождия», — читает она, вода пальцем по строчкам.

— Вот это и надо было читать с самого начала.

— С самого начала надо читать Богородице, а святым и пророкам апосля, — возражает баба Дуня.

— Как же, — противоречит баба Маня. — Ты ж не идешь сразу к председателю колхоза, а сперва к бригадиру. Уж если он не поможет, тогда только к председателю.

— Это на земле, а то в небесах, — поясняет баба Дуня. — Да и к кому нынче-то пойдешь? Ни бригадиров, ни председателя.

И никто не решился ей возразить.

Они проходят еще несколько десятков шагов до следующего дома, останавливаются, начинают читать. Их снова окружает ребяшня, заглядывая в беззубые рты, из которых с подвыванием истекают малопонятные слова:

— О великий и преславный пророче Божий Илие, ревности ради твоя по славе Господа Бога Вседержителя не терпел зрети идолослужения и нечестия сынов израилевых...

— Бог знает что! — восклицает баба Лиза. — Ты о бездождии читай, остальное без надобности.

— Так надо по чину всю молитву-то читать. Иначе не окажется содействия в молениях наших.

— Всю-то они, небось, и сами давно наизусть знают. Им главное — суть. У них компьютеров нету.

Баба Дуня бормочет что-то, бегая глазами по строчкам, затем опять радостно тычет пальцем в нужное место. Чтение продолжается с этого места, которое и есть суть:

— К тебе, предивный угодниче Божий, усердно прибегаем грешнии и смиреннии, бездождем и зноем томимии: исповедуем, яко недостойни есмы милости и благодеяний Божиих, достойни же паче лютых прещений и гнева его...

— Пропусти это! Пропусти! Суть, суть надо! — прерывает молитву нетерпеливая баба Лиза. — Какие у нас грехи, прости Господи! всю жизнь, как скоты бессловесные, ищачили, и за это нам же еще и лютые прещения и гнев? Я не согласная!

Баба Дуня опять бормочет, находит нужное место, и далее в четыре голоса нараспев:

— ...сего ради не бысть дождь, ниже роса, яко слез умиления и животворныя росы Богомыслия не имамы: сего ради увяде злак и трава сельная, яко изше в нас всякое благое чувство...

Все четыре бабки в молодости были комсомолками, участвовали в днях безбожия, в церквах не венчались, детей своих не крестили, ссорились с родителями, и лишь в войну вновь обратились к Богу, потому что обращаться в тех жутких условиях больше было не к кому. После войны вроде бы полегчало, Бог снова был позабыт, а в последние годы, когда все вновь перевернулось, Бог понадобился опять.

И еще долго Петр Васильевич слышит визгливые, подвывающие голоса старух, то опадающие, то вмывающие в белесое небо. Сам он в Бога не верит, но нынче Бог стал в моде, все крестятся, особенно начальство: политика. И дети у него крещеные, и жена крестилась после первых же родов без его участия, но никто из них в церкви не ходит, ни одной молитвы не знает. Петр Васильевич уверен, что нынче в Бога верят так же, как в зловредность перебежавшей дорогу черной кошки: выйдет от этого какая-нибудь зловредность, нет ли, а так, на всякий случай. А уж в его-то химических формулах Бога нет и быть не может, и оглядываться ему не на кого. Он вздыхает по поводу того, что сознание человеческое непостоянно, подвержено случайным влияниям, часто не зависит от образованности, особенно у женщин, зовет детей и уходит в избу.

Солнце медленно садится за дальние холмы, на небе зажигаются звезды.

Петр Васильевич проснулся и услышал тревожный звон подвешенной в середине деревни железной чаши от переднего колеса трактора «Беларусь». Кто-то настойчиво бил железным же болтом в эту чашу, и что-то кричал, а чего — не разберешь, и дребезжащие звуки эти, сбиваясь в комок, неслись меж спящими избами, будя собак и людей. И тут же Петр Васильевич увидел на белых занавесках в окне колеблющиеся красные сполохи, хотя огня видно не было, глянул на часы — они показывали три часа десять минут.

Он вскочил, стал натягивать на себя рубаху, штаны, путаясь в штанинах. Он еще не уяснил себе, что происходит, но почувствовал всем существом своим, что происходит что-то страшное. А в дверях уже стояла баба Дуня и причитала:

— Во-от, дождали-ися-аа! О-о-ссподи-ии, и что теперь с нами будет?

— Девочек буди, баба! — крикнул Петр Васильевич и кинулся вон из своей комнаты, прошлепал через горницу в тапках на босу ногу, затем через сени, дернул дверь, но она была заперта на задвижку (сам же задвигал), а задвижка не хотела двигаться. И такое случалось иногда, если сильно ее задвигнуть. Зарычав, он рванул ручку двери, задвижку, ободрал

пальцы, но дверь все-таки открыл и вывалился на крыльцо... и уже на крыльце услышал гул и почувствовал жар надвигающегося со стороны соснового леса огня. Но, только завернув за дом, увидел нечто ужасное: по всей северо-восточной стороне неба тянулись вверх языки пламени, и густой дым поднимался, клубясь, к звездам и кособокой луне. Ближайшие сосны еще не горели, но как бы светились предсмертным багровым светом. До них было не больше ста метров огорода с засохшей картофельной ботвой. А что для такого огня сто метров? Много это или мало?

Ветер вдруг рванул, потянуло нестерпимым жаром, и яблоки в ужасе зашелестели листвой, кусты сирени, черемухи и жасмина припали к забору, затем откинулись назад, к избе, замахали ветками, точно хотели бежать, да где уж им...

— Скоро вы там? — крикнул Петр Васильевич и кинулся к машине, завел, вывел ее на улицу. Девочки уже были здесь, испуганно жались друг к другу, и баба Дуня с ними, держа за веревку козу, которая рвалась куда-то, отчаянно бляя.

Хорошо, что он вчера не стал разгружать машину, загруженную накануне по совету Трофимова. И только он о нем вспомнил, как Трофимов сам показался на улице, облитый красным мерцающим светом. Издали он что-то кричал, размахивая руками, и Петр Васильевич, кое-как распахав детей, бабку и козу в машину, двинул к нему.

— Гони, Василич, за речку! — кричал Александр Трофимович, наклоняясь к боковому окну. — Поджигай правый берег! Всё, сколько сможешь! Всё поджигай! Иначе пропадем!

— Понял! — криком же ответил ему Петр Васильевич, хотя кричать было вовсе не обязательно: гул огня и ветра был не такой уж еще сильный, чтобы не слышать нормальную речь. Но всё, что Камаев видел сейчас: снующих возле домов женщин и детей, коз и собак, крики и плач, — всё это требовало быстроты и решительности, а они могли выражаться только криком и ничем больше.

Он погнал машину по улице к концу деревни, свернул к реке, успев заметить, как женщины и старухи тащат на себе узлы и сумки, подумав, что надо будет разгрузиться и помочь остальным. Но для начала пустить пал по ветру, чтобы, как он догадался (читал где-то об этом), могли спастись на этом выгоревшем месте от огня жители деревни и он сам со своей семьей. Хотя сам-то он мог бы вполне сбежать от огня на своей машине. Но подобное в голову ему не приходило.

А огонь уже охватывал деревню с двух сторон, точно вражеское войско, поставившее перед собой цель никого из деревни не выпустить и истребить все, то попадетсЯ ему на пути.

Более того, он кое-где уже прорвался к самой границе соснового бора, и видно было, как вспыхивают сосны, вспыхивают точно спички, выбрасывая вверх свивающиеся жгуты пламени. И что-то несется вверх в этом пламени, что-то черное, и там, наверху, вспыхивает и пылающим комком летит в сторону деревни.

Странное дело — Петр Васильевич не испытывал страха. Ну, ни чуточки. Более того, ему отчего-то стало весело, и он веселым же голосом отдавал приказания своим детям и бабе Дуне, будто всю жизнь только тем и занимался, что спасался от пожаров и пускал встречные палы.

— Сейчас переедем на ту сторону, вы разгрузайтесь, а я буду поджигать траву.. Тихо! Без истерик! — прикрикнул он, но тоже весело, потому что девчонки взывали в один голос, и он увидел их распахнутые от ужаса глаза. — Воем тут не поможешь!

И хотя вой не прекратился, однако несколько опал, а тут машина миновала брод и выкатила на другую сторону реки, на дорогу. Здесь, слева от дороги, было место пустое совершенно. Ни травинки, ни кустика. Здесь стояли когда-то ворота, и сам Петр Васильевич гонял мяч от одних ворот до других: в деревне летом в пору его детства собиралось много детворы, было с кем гонять мяч, ходить по грибы и ягоды, ловить рыбу и коротать ночи у костра, вдыхая запах дыма и пара из кипящего на огне котелка с торчащими из него рыбьими хвостами.

Он поставил машину как раз посередине этого пустыря и кинулся на противоположную сторону дороги. Трава здесь была высокая, кое-где по пояс, и сухая, среди травы торчали молодые березки и осинки, иные метра два и более ростом. Надергав травы, Петр Васильевич достал коробок спичек, чиркнул — не зажигается, еще раз — зажглась и потухла. Вторая спичка — то же самое. Петр Васильевич опустил в растерянности руки и огляделся. Девочки и баба Дуня что-то делали рядом с машиной, привязанная к дверце металась коза, над деревней уже летели огненные вихри, пока еще на приличной высоте, и там же исчезали. Было светло, но не так, как днем, а как... как... он не мог найти сравнения тому, что видел своими глазами, потому что ни с чем подобным в своей жизни не сталкивался. Правда, видел нечто по телеку, но видеть, сидя на диване в своей квартире, — это одно, а в реальности, которая грозит тебе и твоим детям смертельной опасностью, — совсем другое. И тихая паника стала охватывать его мозг, руки и ноги. Казалось, что и дышать стало тяжело, через силу. На мгновение захотелось сесть, уткнуть в колени голову, чтобы ничего не видеть и не слышать.

К нему бежала Светланка. Заметив ее, Петр Васильевич вздрогнул, и снова схватился за спички, приговаривая: «Спокойно, Петька! Спокойно. Без паники!» И спичка наконец-то зажглась. Сразу же и очень легко вспыхнул пучок травы в его руках, легко загорелась трава на краю поля, к которой он поднес огонь. Обрадовавшись, Петр Васильевич шагнул в сторону, поджег и там, и дальше, дальше, пока факел его не догорел до самых рук. Тогда он стал рвать новую траву для нового факела. Светланка, добежав до него, стала ему помогать, о чем-то говоря взахлеб, но ему было не до этого. Он зажег спичку, вспыхнул факел, оглянулся и с ужасом увидел, что там, где только что горела трава, стлался лишь легкий дымок. Ни язычка пламени, ни даже тлеющих травинок не было видно, лишь кровавые отсветы надвигающегося на деревню огня блуждали по полю.

Да как же он подожжет целое поле, если не способен поджечь какой-то крохотный его участок! И Петр Васильевич шагнул вглубь, и бросил горящий пучок почти себе под ноги. И трава вспыхнула. Но огонь пошел не в глубь поля, а прямо на него. Пошел, треща и фыркая, охватывая его дымом.

— Па-апа-а! — закричала в ужасе Светланка.

Петр Васильевич повернулся и кинулся к ней. Но между ними горело тоже. И уже нечем было дышать.

Когда? Откуда?

Не разбирая дороги, он прорвался через огонь к дочери, подхватил ее на руки и выбежал на дорогу, потеряв в траве тапки.

Трава горела. Огонь медленно расползлся во все стороны. Но этого явно было мало.

Что-то, захлебываясь слезами, говорила Светланка, крепко обхватив руками его шею.

Он не слышал. Он знал только одно: надо еще и еще создавать очаги гня. Иначе... И он, опустив дочь на землю, оторвав от себя ее руки, снова стал рвать и поджигать траву, разбрасывая горящие пучки, и скоро огонь охватил большой участок. Он двигался по полю с гулом, треском, закручивая огненные смерчи, и смерчи эти шли впереди огня, захватывая все новые и новые участки, пожирая молодые березки и осинки. Стало так жарко, что даже в двадцати шагах стоять от огня было почти невыносимо.

И Петр Васильевич вернулся к машине. Теперь надо было помочь Трофимову спасти остальных людей.

— Вы вот что... Вы спуститесь к воде. Там все-таки не так жарко. И намочите маски и дышите через них. И пожалуйста, без паники. А я поеду в деревню: надо вывозить остальных.

— Папа, не уезжай! — жутко вскрикнула Аленка, кинувшись к нему и обхватив его руками. С другой стороны в него вцепилась Светлана.

Петр Васильевич присел, прижал девочек к себе.

— Вам уже ничто не грозит, мои дорогие, мои любимые девочки. А там маленькие дети, больные бабушки, которые не могут ходить, — говорил он торопливо, захлебываясь словами. — Мы должны им помочь. Потерпите немного. Я скоро вернусь. Ведь вы же у меня умницы, вы все должны понимать. А с вами будет бабушка. И все будет хорошо.

— Поезжай, папа, мы потерпим, — сказала Светлана, всхлипывая и беря Аленку за руку.

Красными огоньками горели слезы на щеках его дочерей.

Машина рванула с места, брызнула из-под колес речная вода...

А сверху уже тянулись женщины и дети, толкая впереди себя коляски и тачки. Эти в его помощи не нуждались. Но он остановился, закричал, не замечая своего крика:

— Идите на футбольное поле! Там пока переждете! Потом, в случай чего, отойдем на гари! — и покатил дальше.

Александр Трофимович в это время выносил из избы не ходячую старуху. У калитки стоял милицейский «козлик». С дальнего конца бежали отставшие. Петр Васильевич кинулся им помогать. Он подхватил мальчонку лет четырех одной рукой, другой взял огромный узел, который еле тащила баба Маня. Мальчонку посадил в машину, узел сунул на верхний багажник. Потом еще кого-то сажал, и что-то наваливал на крышу машины, захлестывая ремнями. Нагрузив машину под завязку, погнал к реке. Потом вместе с Трофимовым сделали еще одну ходку и подобрали остальных.

А уже занимались первые избы, и все с того, дальнего, конца. Высокие протуберанцы огня то и дело отрывались от горящих сосен и неслись среди густого дыма на деревню. Тянуло невыносимым жаром. В одном из домов рванул газовый баллон. В воздух поднялась черепичная крыша, разбрасывая во все стороны черные листы черепицы, и, задрвав одну сторону, рухнула вниз, подняв тучу искр. Какое-то время изба чернела, насупившись, на фоне красного разлива пламени, затем вспыхнула сразу со всех концов, исторгнув торжествующий гул. Вот занялась четвертая с краю изба — их изба, которая простояла на этом месте не один десяток лет, много чего и кого повидала, давая приют многочисленным Камаевым, и в которой они прожили чуть больше недели.

Старухи смотрели на все это и крестились.

Трофимов ходил среди жителей села с тетрадкой, выкликивал фамилии:

— Катерина Осипова!

— Тута я! Тута! И внучок тута! Все тута!

— Лизавета Пална Чехлова!

— Здесь я, — откликнулся голос молодой женщины. — И дочка со мной.

— Анна Степановна Чехлова!

— Тута я! Тута!

— Анастасия Ивановна Пыльниковова!

— Здесь мы! Здесь! Все трое! И Коленька здесь. И...

— Степанида Савельевна Пыльниковова!

Никто не ответил.

— Еще раз повторяю! Степанида Пыльниковова! — повысил голос Трофимов, оглядывая толпу.

— О-ой! — взметнулся вверх крик молодой женщины. — Она ж вернулась за своим смертным! — И тут же пронзительно и тягуче: — Ма-а-ама-ааа!

— Это в каком доме? — спросил, ни к кому не обращаясь, Петр Васильевич.

— В девятом отседова, — ответил кто-то.

Петр Васильевич кинулся к машине.

— Куда? Сгоришь! — остановил его на мгновение окрик Трофимова.

Но тот же восторг, с каким Петр Васильевич начал эту бурную ночь, приглушенный первыми неудачами с поджогом травы, вновь охватил его душу, когда ничего не страшно и все нипочем, восторг этот бросил его на сиденье и повернул ключ зажигания.

— Я с вами! — рядом открылась дверь, и молодая женщина (кажется, та, что истошным криком «мама!» толкнула его к машине) упала на сиденье справа.

— Вы-то зачем? — только и успел крикнуть Петр Васильевич, вдавив педаль газа до самого упора.

Машина рванула и понеслась.

Левая сторона деревни еще не занялась, но вот-вот должна загореться. Огонь шел с другого конца, и там, третья изба справа, снова рвануло, взметнув вовсе стороны клочки пламени и еще какие-то черные куски.

«А если и там баллон?» — пришла запоздалая мысль Петру Васильевичу, — и в животе у него родился холодный озноб. Но он лишь крепче стиснул зубы, и уже не восторг, а упрямство и бездумность гнали его вперед.

Вот и дом девятый с этого края. И тоже горит. Но не весь, а пока лишь пристройки и крыльцо.

Петр Васильевич выбрался из машины, и на него пахнуло нестерпимым жаром. Он открыл багажник, порывлся в тряпках, нашел старые кроссовки и брезентовую куртку и теперь возился, обуваясь, потому что в машину вскочил босиком. Натянув на себя тесноватую куртку, вдруг почувствовал, что не может оторваться от машины, что ожидает то ли взрыва баллона, то ли еще чего, что само по себе должно разрешить это невозможное положение. И женщина стояла рядом и тоже с ужасом, прижав к лицу руки, смотрела на свой дом.

Старухи нигде не было видно.

Что-то такое промелькнуло в мозгу Петра Васильевича: «Эта старуха... она, может быть, уже мертвая, а я молодой... у меня дети, жена, работа, диссертация...»

— Ма-а-ама-ааа! — закричала женщина плачущим голосом, но никто ей не откликнулся.

Петр Васильевич видел, что и женщина тоже боится.

Это его и подстегнуло. А может, и что-то другое. Никому не известно, что нас толкает на отчаянные, безрассудные поступки. Тем более, если за всю свою жизнь вам не приходилось подобных поступков совершать. А Петру Васильевичу не приходилось. Даже близко ничего не случилось в его жизни. Сколько он себя помнит, жизнь его катилась по хорошо отлаженной колее: ни влево не свернешь, ни вправо. Только вперед. Детский сад, школа, институт, аспирантура, НИИ. Все! Да, еще любовь, женитьба. И тоже без всяких там завихрений, которыми любят оснащать любовные истории создатели телесериалов. Случались кое-какие мелочи, которые не требовали ни сверхнапряженных усилий, ни героических поступков. Ну, имели место в детстве две-три драки, а больше, собственно говоря, и вспомнить нечего. А тут... тут ему в лицо дышала смерть, свиваясь в огненные смерчи.

И Петр Васильевич сперва сделал один шаг в сторону дома, надеясь, что женщина его остановит, потом второй, третий, и, понимая, что так двигаться к цели, лучше вообще стоять на месте, вдохнул полной грудью горячего воздуха и кинулся к окну. Еще на бегу он заметил лежащую на земле лестницу. Схватил ее и, будто тараном, двумя ударами вышиб окно.

Из окна на него смотрела темнота, наполненная дымом, сквозь который ничего нельзя было разглядеть. Вырвав остаток рамы, он полез в окно. Ступил на пол, запоздало подумал, что надо было бы завязать рот и нос мокрой тряпкой. Но не возвращаться же. Он уже чувствовал что-то вроде своей обреченности: дышать было нечем. А он и не дышал. Когда-то, давным-давно, в бытность свою студентом, Петр Васильевич занимался подводным плаванием. И мог не дышать до

двух минут. Но это, действительно, было давно, с тех пор он не плавал и не проверял свои способности. Знал только одно: надо все делать как можно быстрее, управиться за минуту — не больше, а там... Но рассуждать было некогда.

— Баба Стеша! — закричал он и тут же закашлялся, хватив в легкие дыма.

Никто не откликнулся.

Шаря по полу руками, уверенный, что если бабка здесь, то наверняка лежит на полу, он двинулся к другому окну. И точно — возле лавки, стоящей у стены, наткнулся на лежащее тело. Быстро обшарив его, то есть, определив, где голова, а где все остальное, он подхватил это вдруг оказавшееся почти неподъемным тело и поволок его к окну. Приподнял под мышки, навалил на окно, и тут увидел сквозь дым Трофимова.

— Наддай еще! — закричал тот.

Петр Васильевич наддал и... дальше он уже ничего не помнит.

Очнулся — лежит, на него льют воду. В глазах красные круги. Закашлялся. Кашлял долго, с натугой, — до хрипоты. Кто-то взял его за плечи, приподнял с легкостью и усадил. И кашель пошел на убыль. Только тогда он открыл глаза и увидел, что вокруг черная гарь, над ним склонилась та женщина, которую, кажется, зовут Анастасией, и вытирает его лицо чем-то мокрым. Вдали горит деревня. Вся — от одного края до другого. И сквозь гул и треск огня, сквозь надрывный женский вой до него доносится голос одной из дочерей: «Папочка! Папочка! Папочка!»

И кто-то говорит успокаивающе, что с папой все хорошо, то есть это, значит, с ним.

— Ну, очухался, герой? — прозвучал над ним трубный голос Трофимова.

— А что — очень? — спросил Петр Васильевич и не слышал своего голоса.

— Да уж не знали, что и делать. Еле откачали.

— А бабка?

— Померла, — ответил Трофимов. — Ты ее уже мертвую вытаскивал. Сердце у нее не выдержало.

В клубах черного дыма вставало красное солнце.

Петр Васильевич закрыл глаза и откинулся на теплую землю: ему было так хорошо, как никогда.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ПОДАРОК

После Крыма, рыма и медных труб, какие выпали на долю Санька, случилось вдруг сверхприятное: тетка, уезжая на Кубань, оставила ему дачу. Прощалась с ней как с живым существом, да и дача эта самая, привыкшая к ее рукам, тоже, чудилось, вот-вот приподнимется всей своей землей с корнями и кустами и помчится следом.

— Ты береги ее, — шмыгала носом тетка. — Не запускай. Шерамыжников не води. Если руки приложишь — в раю будешь жить: огород, садик, дом, банька, речка под боком... Ты, Саня, мать свою вспомни. Сколько слез пролила из-за тебя, сердечная! Я тоже тебя жалею, сам знаешь. Ты еще молодой, женишься, дети пойдут...

Весна только-только еще вступала в их северный край. Пугливая. И, однако же, Санек перебрался на дачу. Он истосковался по вольному небу. Стоял у реки, затянутой льдом, той самой, в которой утонул отец, переходя по льду с одного берега на другой, и думал, что даже такая смерть куда лучше, чем жизнь за решеткой.

ПРОЗА

В зону Санек попал из-за Аськи. Гадина эта Аська, а вот привязался к ней и отстать не мог. Бывало, поедет она в отпуск, а возвращается — раскладывает перед ним фотографии мужиков: с тем спала и вот с этим! Не выдержал однажды, трахнул сахарницей по голове — и посадили. Отсидел год, хоть давали три, вышел досрочно — и опять к ней. И опять довела. Дали уже пять лет, да еще два, которые не досидел. У Аськи теперь муж, дети, а у Санька — наколки. Да что наколки: один глаз не видит и зубы выбиты. Хорошо, что тетка, жалостливая душа, пустила к себе, а не она бы... Потом, конечно, Ленка появилась, к ней перешел. И все-таки дача — это ведь свет в конце тоннеля!

Санек бросил работу, хоть она давала неплохой заработок: неумоготу стало дожидаться, когда стает снег, когда дохнёт земля первым паром! И вот разбирал полусгнивший дом, мечтая построить новый.

По утрам, напялив на себя куртку и сапоги, залезал на крышу и аккуратно снимал шифер. Погода стояла сырая, но сырость была теплой, животворящей и не угнетала Санька. Синички колготились в кустах, зазывая зазнобушек: «Приди-и! Приди-и!» И Саньку тоже хотелось кого-то зазвать: может быть Ленку, на которую не совсем-то надеялся. Но у Ленки был Пашка — трехлетний глазастик. Кто бы и как не относился к Саньку, все равно знали — он зэк, и были насто-роже, и только Пашка доверял ему безоглядно.

— Сань, ты что делаешь? — лез под руку.

— Дверцу перекрашиваю.

— Ну, так и меня перекрась!

Снег потихоньку смывало. Оголялись пригорки. Опупыши мать-и-мачехи появились, ящерицы зашмыгали. Солнце уже не пряталось в сырой мгле. И, наконец, весна обняла все вокруг! Звуки ее по-особому звонкие, по-особому чистые: слышно не только призывы влюбленных птах, но каж-дую упавшую с ветки каплю. Замирая, Санек слушал.

«Квак-квак-квак...» — хлопотали лягушки в канаве. «Ужжж!» — жужжала не проспавшаяся муха. «Ар-рр! Ар-рр!» — негодовали вороны на прилет грачей.

Грачи таранили ворон, как черные демоны, а те, взъеро-шенные, огрызались, подскакивали — грязные, жалкие. На деревьях, столбах, проводах, на полях — всюду теперь хозяй-ничали грачи.

Отодрав шифер, Санек вооружился гвоздодером и топором, ломал чердачное перекрытие. Ветерок нагонял бабочек — крас-ных с желтыми пятнышками на крыльях. Какая-то песня, известная, наверно, еще пращурам Санька, доносилась не-тронутой, не искаженной веками...

От перевернутых жирных пластов исходил парок, превращаясь в зыбкое марево, так высоко поднимавшееся вверх, что достигало жаворонка, и он пел среди этого марева, пронизанного солнечным светом, заливался, отводил душеньку, из самого нутра ее выплескивал, аж дыхание прерывалось! Санек разгибался над грядкой, запрокидывал голову, держа ладонь козырьком, всматривался в черную точку в небе, и не верилось, что такая вот кроха может заполнить собой целый мир. «И-чи-чи-чи-чи! Тюр-люр-люр-люр-люр! Фиу-уюють, фиу-уюють!» — жаворонок пел и словно распахивал мир до невыразимых просторов.

Но сосед по даче привез мотоблок, и два дня проклятая машина забивала не только жаворонка, а вообще все звуки вокруг. Санек не выдержал:

— Руками ты не мог вскопать?

Сосед посмотрел на него, как на полоумного, потом плюнул, ничего не ответил, однако мотоблок больше не заводил. За такую снисходительность Санек расщедрился на бутылку. Пили вместе, сидя на банном крыльце у Санька.

— Давно освободился? — проницательно поинтересовался сосед.

— Не очень.

— Натосковался?

— Еще бы...

— Где работаешь?

— Пока нигде. А вообще — мятые корпуса у машин выпрямляю. Перекрашиваю, если надо.

Сосед покурил, посмотрел на пригорок противоположного берега.

— «Объект» видел в прошлом году. Во-он там! Летит, как тарелки одна на другой, а впереди огни, пять штук. Потом облился!

Санек мотнул головой: надо же!

— Жутковато, — подтвердил сосед.

— Я бы, наверно, тоже потом облился. Сейчас. А там, бывало, хоть «объект», хоть черт с рогами, — жить не хотелось. — И Санек, чуравшийся допускать посторонних к своей душе, внезапно вывернул ее перед соседом наизнанку. Горьким-горьким был его рассказ.

— Когда отец утонул, мать стала устраивать свою личную жизнь. Кавалеров домой водила, поэтому я в десять лет уже пил и курил. Из школы выгнали, отправили в специнтернат. Там дебилы наполовину, в восьмом классе проходили «Серую шейку». К матери вернулся, а она уже спилась. С соседкой связался, она на пятнадцать лет меня старше, но корми-

ла досыта и обстирывала. Мать подралась с ней, да еще укусом в нее плеснула. Ушел к Аське, она кассиршей работала на железной дороге. Как щенок за ней бегал! Не знаю, кто виноват, она или я, а только загремел я в зону: раз, потом еще раз. Мать ездила ко мне, но недолго. Умерла.

Санек говорил, не глядя на соседа, и, однако же, чувствовал, что тот его внимательно слушает.

— Кверху ногами жил, — подытожил Санек свою исповедь.

Сосед помолчал. Потом протянул ему руку:

— Ладно, бывай. Если стройматериалы понадобятся, скажи. Тут у меня кругом связи.

Он ушел, и Санек раздумался о том, что жизнь, очевидно, всерьез поворачивается к нему теплым боком.

Ленка приехала с Пашкой и черной собачонкой Топкой.

— Сань, Саня!.. — ловился Пашка за его штанину. — Я у тебя останусь, я не хочу в садик!

— Всё еще плачешь?

— Плачу.

Ленка рассказала:

— Застегиваю ему вчера пуговицы на рубашке. Вытянул-ся по швам, а сам ревет, унять-ся не может.

Пообедав, Ленка с Саньком стали пилить подгнившие балки, которые кроме как на дрова, никуда не годились. Дымились деревья нежнейшей зеленью, цвели одуванчики, воробей на проводе орал во все горло «ч-чивв», и Ленка броса-я пилу, умилялась:

— Хорошо-то как, Господи!..

— Сань, ты летать умеешь? — подбежал Пашка. Глазенки блестят, лицо покраснелось.

— Умею.

— Поймай мне птичку?

— Сам лови. Зажмурься, и полетишь.

Пашка зажмурился, но ничего не вышло.

— Врун! — засмеялся.

— Давай-ка в магазин сходим, — предложил Санек.

Единственный дачный магазин был за рекой возле автозаправки. Прошли по мосту, там еще с полкилометра. Пашка болтал про доктора Айболита, потом заявил, что бизон — это большая корова, которая называется бык...

— Сань! В Африке во-от такие чудеса! — топырил пальцы.

В магазине купили вафельный корж и сгущенку — сделают «быстрый торт». Нравился такой торт, нравилось запивать его водой из-под крана, хоть Ленка всегда ругалась и обещала Пашке с Саньком понос.

На обратном пути Пашка устал. Присели отдохнуть на камнях у тропы. Порхали мотыльки, словно вспугнутые со своих стебельков колокольчики, добирались к болотцу лягушата, солнце катилось по небу, как оранжевый мяч...

— Зашибись! — глядя вокруг, высказался Санек. — Почти как в Африке!

Вечером они опять сидели за столом, ели «быстрый торт», слушали переключку птиц по кустам, смотрели в небо, где акварельные парусники мчались к ведомым только им островам. И Санек думал: «Интересно устроен человек: живет землей, а смотрит в небо».

Топка чего-то залаяла, помешав его размышлениям, он пихнул ее носком сапога, и Пашка заревел:

— Нельзя ее бить!

— Никто и не бьет.

Но тот заревел еще громче.

— Слушай, — не знал, чем успокоить его Санек, — скоро у тебя день рождения, я тебе кое-что подарю.

— Что? — сразу насторожился Пашка.

— Мешок с котом, — Санек вспомнил игрушку, какие делали в зоне, подражая китайскому ширпотребу. — Хлопнешь по мешку, кот будет психовать, когти высунет...

— Подари!

Наутро Ленка уехала, забрав сына и Топку, а Санек занялся канавой под фундамент. Копал как проклятый! Пот ручьями стекал, даже в трусы набегало, лопата только мелькала вверх-вниз! В зоне однажды не один десяток таких траншей вырыл: осень, ветер до костей пробирает, жрать охота... Теперь о еде не думалось, хоть не каждый день ел, — не успевал думать, выматывался так, что одетым ложился спать.

Когда управился, привез цемент. И тут только вспомнил, что у Пашки был день рождения! Никакого кота, понятно, смастерить не сумел. Ладно, купит что-нибудь в магазине.

Санек выбрал большой самосвал с мощным двигателем, с кучей мигалок, и все же чувствовал себя предателем, когда вручал его Пашке. Тот, вроде бы, ничего, обрадовался, и Санек уж решил: «Пронесло!» Ан, нет. Пашка чего-то ждал, и это ожидание буквально застряло в его глазах.

Делая вид, что ничего особенного не случилось, Санек пошел покурить на балкон, и вдруг... неловко, не глядя на него, Пашка дотронулся до его руки:

— А помните?... Вы обещали...

Как выдержал Санек, сам не знал. Стыд за свою ложь опалил! «Ну и сука! — обозвал себя. — Он же боролся с собой: спросить или нет? Не смог выговорить привычное «Сань». Не смог «ты» сказать!»

И он точно усох, съежился.

— Давай к столу, — позвала его Ленка, но Саньку хотелось провалиться сквозь землю!

— Бросай окурок! — потащила она его с балкона.

— Лен... — отстранился Санек, — я пацана обманул. Кота обещал... Дел-то — пружина да мешковина, но забыл, понимаешь, забыл, а он...

Ленка посмотрела на него непонимающими глазами, однако разрешила всё в один миг:

— Поедим, бери мешок, найдем и пружину, сиди да делай.

И как самому такое в голову не пришло?

— Пашка, — Санек подхватил на руки малыша. — Пашка, я сейчас двух котов смастерю! Тебе и Ленке! Хочешь?!

Вместо ответа ребенок уткнулся носом в его подбородок и замер.

МАРИЯ

Раным-рано, еще до того, как в небесную темень стали проникать утренние тона, Мария проснулась. Надела юбку поверх ночной рубашки и сразу прошла в сени, включив свет. Отдернула шторку с полка, достала банки с маринованными маслятами и земляничным вареньем. Забралась по приставной лесенке к балке, где на крючках висели мешочки с душистыми травами, — сын любит.

«Жил бы тут! — подумала о нем. — Устала я мотаться в город из города. Когда учился, то еще ладно, а теперь...»

Когда Вася учился, она навьючивала на себя по три сумки и тащила, разве что не в зубах. До города подкидывал знакомый шофер, если тоже туда случалось, и всегда они приезжали перед рассветом. Дворники только-только брались за скребки, чистили снег. И она брела мимо них, радуясь, что не одна впотьмах: страшно одной. На перекрестке всегда успевала к автобусу. Самый первый автобус, еще без пассажиров, ехал за реку в студенческий городок. Водители были разные, но жалели ее одинаково: тормозили, и она, забравшись в салон, не знала, как и благодарить.

Да, когда сын учился, не так тяжело доставались поездки, а теперь — обиднее, что ли? Раньше — придет к нему, друзья проснутся, сбегутся со всех этажей, за минуту умнут гостинцы. Ей не жалко было: поживи-ка без дома. Да и они такие славные. Раз приехала, входит, а из комнаты, что рядом с Васиной — гитара! Утро брезжит, гитарист поёт: «Море, море! Уж сдал я два экзамена!»

А то — всё общежитие на ногах, окна настезь, ребята из них по пояс наружу, держат зачетки, кричат страшным криком: «Халява, ловись!»

— Если «Халява» попадется, экзамен на мах пройдет, а если нет, то уж... — пояснил Вася, которого она тоже застала за ловлей «Халявы».

Теперь Вася живет в квартире своей невесты Ларисы, квартиру купила ей мать, и Вася там словно в прихлебателях. Когда Мария приезжает, он суетится — матери и Ларисе хочет угодить. А Лариса сидит, сложив руки на коленях, ждет, когда она откланяется.

Мария вернулась в избу, затопила плиту, навела пойло колове. Кот вернулся с ночной гулянки, хвост в репьях и ухо порвано.

— Что, уголовник? — Дала ему кусок шаньги.

Перегнала молоко через сепаратор. Посмотрела в окно на светлую травку возле крыльца — в такое же светлое утро родила Васенька! Включила радио, чтобы узнать погоду, да, видно, поздно включила, передавали сводку МВД: убийства, грабежи, взрывы. А как хотелось, чтобы передали дождик! Месяц солнце палит.

Спихватилась — яйца же забыла! Спустилась в голбец, уложила загодя приготовленные яйца в бидон. Ну, всё, пора одеваться.

Причесываясь перед зеркалом, внимательно себя оглядела. Ничего, кофточка хорошо сидит. Волосы вот седые. И брови тоже. Какая-то вся серая стала. Подняла сумку и потопала за ворота.

Автобус уже стоял. Мария вошла в него, следом вошел отец Леонид. Сели рядом. Хороший у них батюшка, шепутной, веселый, и душа добрая. В одном из домов рядом с церковью сделал интернат для детворы, которая приезжает сюда учиться — в небольших селах школы теперь закрыли. Люди помогают ему: кто молоко несет, кто овощи.

— В комиссионный магазин еду, — сказал Марии. — Одежду купить. Девицу привез из города, побиралась она там, и ребеночек на руках. Пока в интернате живут, потом видно будет.

— Много ли ребеночку-то?

— Четыре месяца.

— Так это он пищит на втором этаже? Я вчера иду мимо — дитя укает! Что, думаю, такое? Сирота эта девица?

— Не знаю, она не говорит.

Дорога шла вдоль речушки. Ребяшня здесь все лето стайками. Да что ребяшня, собаки, кошки, и те сюда. Помнит

Мария давнишний вечер, как пошла отыскивать Васеньку. Сидит ее сынок, лепит песочные пирожки, теплынь! Кот с камушка рыбу удит, хвост по воде полощется, мальки перед ним, как стрелы, и он по ним лапой, лапой...

Вспомнилось, как несколько лет назад жили на этой речке бобры. Плотинку построили да из таких ровных бревнышек, словно кто метром отмерил!

Дальше пошли травяные заросли. Пушились белые метелки таволги до того пахучей, что если постоять рядом, голова начинает кружиться. Кое-где мелькали желтые цветы — горчуну. Поодаль кустился шиповник, и Мария подумала, что ягоды на нем созрели, и надо нарвать. И снова мысль ее полетела к Васеньке: бывало, придет на каникулы, вялый, а она его — отваром шиповника. За две недели поправлялся!

— Качалку в селе заказал для ребятенка, — отвлек Марию отец Леонид. — Авось да приживется деушка. Я бы ее назначил за интернатовцами приглядывать, выхлопотал бы какую-нибудь оплату за труд.

— Не захочет она у нас, — усомнилась Мария. — Молодежи мало, а что ей со старыми-то?

— Вот тоже думаю...

— Ох, нахлопчетесь вы с ней!

— Да ничего, лишь бы впрок пошли хлопоты.

Дорога стала подниматься в горку, и вскоре автобус, выехав на трассу, остановился забрать пассажиров.

— Контейнер, что ли, за собой тянешь? — ругнулся шофер: женщина никак не могла протиснуться в дверь. — Спекулянтка, что ли?

— Типун тебе на язык! Сват у меня помер, вещи его везу.

— Носить будешь?

— Сватову брату везу, он инвалид!

— Проходи с дороги!

Женщина долго и шумно оттаскивала мешки, затем усе-лась на них и, не обращаясь ни к кому, стала рассказывать, как умирал сват, и как она, приехав в деревню Мишинки, где не была восемнадцать лет, не узнала ее.

— О-ой, сколь народищу полегло! — трясла головой. — В войну столько не помирало! Где ваш Бог? — неожиданно вперилась в отца Леонида. — Пустынь одна! Люди мрут, земля пропадает под сором!

— Не пропаде-ет! — насмешливо протянула старушка, сидевшая впереди Марии. — Скоро китайцы да негры наедут. Уже по телевизору приучают к ним. Чтоб не пужались мы, когда они тут рассядутся.

Отец Леонид взмок. Хотел сказать что-нибудь благоразум-

ное, остановить внезапно вспыхнувшую злобу и не сумел. Хотел пошутить, мол, каждой твари должно быть по паре, но... давненько уже отдельные твари расплодились, классифицировались, и... Какие уж тут шутки!

Однако за Бога вступилась Мария.

— Бабоньки, все он видит, Господь наш, всем воздаст!

— Кому — всем?

Отец Леонид схватился за сердце, женщины ненадолго притихли, а потом загалдели хором:

— Простодырые мы, а простота хуже воровства!

— Кто у нас жил-то хорошо? Только воры!

— Крестьянин до конца рожу подставляет! А почему подставляет? Потому что глаза не умеет прятать!

— Кончай базарить! — заорал шофер. — Оглох от вас!

Умолкли. В полной тишине доехали до поселка Дедово. Автобус здесь будет стоять тридцать минут. Пассажиров сразу отступили торговки — пироги на лотках, газировка в сумках. Лица пропитые, фартуки грязные, у некоторых сигареты в зубах. Мария никогда у них ничего не покупала, брезговала.

Пока другие перекусывали, она разминала затекшие ноги, прохаживаясь по небольшой площадке. Солнце уже пекло нещадно. Она и раньше трудно переносила жару, а нынче вообще что-то случилось: или солнце сильнее, или Мария ослабла. «Старая становлюсь, — думала, — всякие напасти теперь ожидай. Но если совсем разболеюсь, возьму большой камень и брошусь с моста в реку. Потеряюсь, чтобы Васе со мной не мучиться». Но опомнилась: «Что это я? Против Господа?!»

Васенька был у нее богоданный. Разве забыть, как пришла в церковь вымаливать дитя? До того не бывала ни разу: мать с отцом в Бога не верили, а тетка, сестра матери, носила на груди крестик, однако говорила, что Бога для простых людей не было и не будет.

А в то утро Марии страшно захотелось в церковь! Войти под ее своды и выплакать свою боль. Постояла перед воротами, глядя во двор, потом вошла, сильно робея. В притворе знакомая старушка продавала свечи. Мария купила: поставит тем родственникам, кого уже нет в живых. Дальше через полукруглую арку — в приход. Встала, не зная, куда ей со свечками. Женщина в темном платочке, заметив ее растерянность, тихо взяла Марию за руку, и, спросив, за кого она хочет помолиться, провела в уголок, где висела икона Спасителя, а слева от него — Божьей Матери.

Не зная, что нужно говорить перед иконами, Мария поначалу только смотрела на них, испытывая трепет и любопыт-

ство. Спас был совсем молодым, синеглазым, а она видела его в детстве на бабوشкиных иконах с темными глазами и «в возрасте». Богородица тоже была молодой, улыбалась застенчиво и кротко.

Попросив прощения, что пришла впервые, Мария по одной стала зажигать свечи. Всем поставила, никого не забыла. И только потом обратилась к Божьей Матери, умоляя послать ей доченьку или сына. Слезы текли...

Вышла на улицу. Спустилась к реке, села на бревнышко. Солнце поигрывало водой. Прилетела бабочка, за ней другая, третья... Мотыльки замелькали язычками разноцветного пламени. И Мария немного успокоилась.

В церкви окончилась служба, к Марии подошла женщина, которая провожала ее к иконам.

— Доченька, что у тебя за горе? — спросила тихо.

Она не ответила.

— Ты не торопишься? Пойдем со мной в притвор?

— Зачем?

— А побудешь, и полегчает.

Мария взгляделась в нее:

— Это вы, тетя Галя?!

— А ты и не признала?

— Нет, не пойду.

Но вскоре случилось так, что Мария бегом побежала в церковь! И уже плакала перед Богородицей не горько, а счастливо! Жгуче-благодарными были ее слезы. Богородица смотрела на нее с состраданием и нежностью. В тот же день Мария договорилась с бабушкой, чтобы окрестил ее, поскольку была некрещеной.

Шофер посигналил. Опять уселись в автобус. На женщин дрема напала. Одна Мария не спала, да отец Леонид, как ни пытался вздремнуть, не смог. Вдоль дороги теперь тянулись ржаные поля, те самые, которые так любит Вася. Однажды автобус сломался, и пока шофер его чинил, Вася рвал васьильки. Он и сам-то был васьильком под ласковым небушком.

Мария все-таки задремала, убаюканная качкой; не видела, как вновь потянулись леса, за лесами дачные поселки. Перед мостом что-то случилось, шофер резко тормознул, и она стукнулась лбом о поручень.

— Сдурел, что ли? — всполошились женщины.

— В овраг чуть не слетели!

В городе Мария сошла на первой остановке. Здесь недалеко театральный сквер, можно посидеть в тени и переждать, пока Вася вернется с работы, — она написала ему, что придет. Рань-

ше, когда Вася жил в общежитии, ей было проще: сын по утрам бывал дома. За день, пока он в институте, она и отдохнет, и обед приготовит. В шесть ехала на автовокзал. Теперь в выходные дни Васю дома не застанешь: они с Ларисой либо в гостях, либо на природе, а в будни... в будни вот так, как сейчас.

Добравшись до сквера, опустилась на скамейку. У фонтана развлекал публику клоун. Мышки из американского мультфильма торговали мороженым. «Мики и Муки», — называл их Мариин отец. Он и своих-то «Трех поросят» переименовал до невозможности. «Ну, расскажи, деда, сказку «Три поросенка»? — лез к нему Вася. И дед начинал: «Жили-были Няф-Няф, Рюх-Рюх и Нюх-Нюх».

Мария улыбнулась, вспомнив давние милые годы. Ах, как хорошо было! И отец с матерью живы, и Васенька при ней.

Огромная липа, под которой она сидела, развесила мощные ветви. Плотная тень накрывала скамейку. Под липой играли двое малышей — прятались, бегая вокруг ствола. По дорожкам пони катала ребятшек. Мария позавидовала горожанам: «Как в раю живут!» Встала, подошла к «Мики и Муки», купила мороженое. Мыши сделали перед ней реверанс, подпрыгнули, захихикали. Она вгляделась в одну из мордочек — о-о-ох! Два затравленных глаза!

— Деточка! — вырвалось.

Когда Мария явилась наконец к сыну, дверь ей открыла Лариса. Почти голая: в кургузых штанишках, спущенных под низ живота, а на груди какая-то тряпочка.

— Проходите, — сказала и отвернулась.

Мария остолбенела: «Какой огромный живот! Как я в апреле-то не заметила?»

Из комнаты вышла женщина с ярко накрашенными губами, взяла Марию под локоть:

— Давайте знакомиться. Я мама Ларисы.

Мария и не поняла, как очутилась за накрытым столом. «Сватья» наливала ей вино, подставляла тарелки, что-то говорила... «Не расписаны же они, не расписаны!» — не слушала ее Мария; ей было жалко Ларису, стыдно за Васю!

— Ты ситцевый халатик купи, — посоветовала «невестке», стараясь не глядеть на ее голый живот, поскольку жалость смешивалась с безгливостью: церковь пугают с баней! — Телу легко, и под низ ничего не надо. А в штанах — резинка ведь режет.

— У меня шнурок.

— Она из заграницы недавно, — вставила «сватья».

Но Марию занимало совсем не то.

— Как же Вася-то допускает ребеночка без отца?

И тут Ларисин живот уперся в ее предплечье.

— В феврале свадьба была. Может, фотографии хотите посмотреть?

«Как?.. Как свадьба?.. — затравленно заозиралась Мария. — Как в феврале?..» И уже не слышала скороговорки Ларисиной матери: «Чьи бы бычки ни прыгали, а телятки все наши». Удерживая слезы, сморкнулась. Еще раз, еще...

Ларису вдруг заколотило, как под током, волосики встали дыбом, глаза остекленели, зубы по-шучьи вылезли наружу.

— Мария Сергевна! Я ребенка жду! Вы тут с микробами!.. Я вас попрошу..

Мария тихонько встала, и, как слепая, пошла к выходу. Последнее, что увидела — толстый пуп Ларисы, он словно выдавливал Марию за дверь!

«Васенька! Васенька! — обмирала Мария. — Сыночек милый!»

Во дворе присела на лавочку: сердце колотилось, как загнанное. «Свадьба была. Не пригласили». — И тупо смотрела на пустую сумку, взявшуюся неизвестно откуда.

— Мама? — сбоку подошел сын.

— Вася!

— Задержался, машина сломалась, ты уж прости меня.

Она мгновенно забыла всё.

— Как я рада тебе, сынок! Была у вас дома. Лариса внука или внучку скоро подарит. Я сливок вам привезла, яиц свежих... Приезжай, Вася, кур зарубим штук пять...

Сын бережно повернул ее спиной ко двору, шепнул на ухо:

— Ты очень громко разговариваешь, люди ходят. Нас с Ларисой тут многие знают.

— А-а-а, — закивала Мария. — Ну, что же. Ну, вот и повидались мы с тобой. Меня отец Леонид ждет. Нищенку с вокзала забрал, в село к нам привез; говорит мне: «Давай ей одежку в комиссионке посмотрим».

— Понятно. Хорошая ты у меня. — И сын обнял мать.

Мария шла к троллейбусу, жарило солнце, а ей казалось, что дождь, что бежит он, бежит, на голову ей, по лицу стекает, мочит кофточку на груди... «Слава те, Боже! Дождик! — бормотала она. — Изождались люди! Травиночки изождались, скотина умаялась. Вздохнем теперь. Слава Богу, вздохнем! Мать Сыра Земля, уроди нам хлеба, лошадушкам овсеца, коровушкам травки...»

ЛЕТО КРАСНОЕ

Ах, лето красное! С горы да в горку, с горы да в горку.. Просторны земля и небо, словно неведомые еще.

Я ощущаю блаженный зов странствий и потому иду на рынок — кроме рынка да леса у нас в поселке странствовать

некуда. Знакомая женщина торгует мелочевкой, просит посидеть за нее — она домой сбегает. Что ж, сажусь. У ног моих коврик с нехитрым товаром.

Идет десятиклассник Алеша, я читала у них лекции по эстетике.

— Присаживайся рядышком, — предлагаю, — вместе торговать будем.

А вот и бывший мой одноклассник, Саша. Зазвала и его. Удачно зазвала: у Саши в пакете несколько банок пива. Разулись (жарко), пиво пьем, беседуем и между делом бесстыже навязываем проходим товар.

Над синей колокольчиковой поляной — розовое солнце. Облако-петух, лапы со шпорами: вот-вот шею вытянет и закричит. В лесу кукушка года мне отсчитывает. Господи, до чего хорошо на свете!

Тихо. Зной. Все былиночки замерли. Издалека с ворчанием идет гроза.

Душа готова впитать в себя все полевые цветы, все ягодки земляники, разбросанные по траве алыми каплями!..

Жаворонок. По невидимой паутинке поднимается в небо, добрался до нужной точки, развернулся, как самолетик, описал большие круги, ввинчиваясь в высоту... Завис. Запел.

Дождь. Как в стихах Николая Кинева: «Падает на землю к нам вечерний, солнечно-слоистый теплый дождь».

Впереди меня по улице бежит Чапа. Пузо грязное, лапы грязные; чем-то озабочена дальше некуда.

Травы поспели. Тяжелые семена клонят долу метелки, колоски, султанчики. Божья коровка сидит на былинке и что-то выбирает из крохотных пазух. Ветерок откидывает мне волосы на лицо солнечной вуалькой. Небо плавное и уже с ленцой. Во всем покой и неторопливость.

Лес безмолвен. Ни кукушкиных «лет», ни приглашений певчих дроздов: «Иди кум... Иди... Иди... Чай пить... Чай пить...» Ни сыпучей трели зарянок, ни «ки-ки-ки» пеночки-пересмешки... Птенчики на крыле — птицы умолкли.

В моей корзинке белые грибы, и один — от белки. Выскочила из-за спины, держа его в зубах, прыгнула на березу, на тонкую ветку...

— Ты чудо! — забываю про всё на свете.

А она хвост сердитым сделала, глазки сердитыми. «На, — бросила гриб. — И убирайся отсюда!»

Во дворе стайка воробушков. Желторотые. Голубь среди них — орел! Скучились над хлебной крошкой, голубю под живот вихрем орущим.

Кошка подкралась. Но не успела — маленький мальчик прогнал, пригрозив:

— Изобью как собаку!

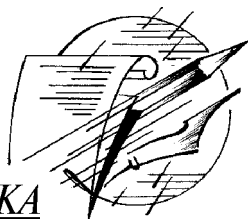
Болото и болотные гривки. Брусника. Клюква. Аромат вечерней прохлады. Душа растворяется в тихом просторе. В ней ни единого грамма, не только шести, в чем уверяют нас экстрасенсы.

Как же мы обездоливаем себя, меняя вот эту, настоящую жизнь, на кресло перед телевизором. Кажется, весь мир перед нами; а вот и нет! Свихивается душа, смещается сознание, начинает человек искать, чего не терял. И уже всем недоволен, все бы перекроил и переиначил. И та область сознания, где прежде находилась память земли, покрывается коркой. И уже боится он ее ненароком коснуться, чтоб не обнажить себя прежним. Боится. Ибо жутко станет от себя нынешнего.

Альберт СЕМИН,
доктор сельскохозяйственных наук,
действительный член Российской экологической академии

РОССИЙСКОЕ СЕЛО ИДЕТ НА ЭШАФОТ

В 1996 году семеро богатейших предпринимателей страны взялись финансировать выборы Ельцина, которые, казалось бы, были обречены на полный провал — ведь президента в эти месяцы поддерживало всего три процента населения. Но будущие олигархи совершили невероятное, бросив огромные средства на избрание Ельцина. Они победили. Среди них был и Смоленский, хозяин банка «Столичный», наполненный сомнительными деньгами. Завершив избирательную кампанию, Ельцин щедро одарил своих спасителей. Смоленский получил государственный Агропромбанк — при социализме второй по величине после Центробанка, с 65 филиалами и 1200 отделениями по всей стране. Смоленский прекратил финансирование деревни, хотя деньги для этого получил. Тысячи фермерских хозяйств и кооперативов на несколько лет оказались без копейки кредитных средств. Хуже того, получив в виде подарков крупнейшие нефтяные месторождения, олигархи летом 1997 года договорились и не только завысили цены на горючее, но и перестали его продавать внутри страны в са-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

мый разгар летне-осенней жатвы. Министерству сельского хозяйства с трудом удалось остановить этот бойкот, но ценовой сговор вскоре станет обычным явлением.

Кто только в эти годы не вытирал ноги о сельское хозяйство! Кто только не глумился над ним! Но оно, измотанное и обескровленное, все-таки выстояло. К 2010 году в деревне возникла многоукладность: вместо колхозов и совхозов появились индивидуальные предприниматели, фермерские хозяйства, сельхозкооперативы, крупные холдинги. Псевдолибералы упразднили в селе системы заготовок, снабжения, сбыта и ремонта, строительства и кооперации, по существу, бросив крестьянина на произвол судьбы.

В итоге фермеры юридически оформили лишь 7% своей земли и производят около 9% сельхозпродукции. Фермерские хозяйства так и не стали за 20 лет опорой новой власти. Что касается колхозов, то сломать их за два месяца не удалось. Почти полностью их уничтожили года через три. Из двадцати пяти тысяч хозяйств работают чуть больше ста. Многие из них выстояли неоднократное банкротство, уголовные преследования и стали мощными и рентабельными предприятиями.

Однако сельское хозяйство так и не превратилось в высокоэффективную отрасль, как обещали псевдолибералы — организаторы реформы. Они не сумели создать класс крепких крестьян-фермеров — намеченную основу земледелия.

Самоуничтожение

В деревне набирают силу разрушительные процессы. За последние два десятилетия произошли драматические негативные изменения.

1. Впервые за 200 лет пашня брошена на гигантской площади — не обрабатывается около 45 миллионов гектаров (38%). А ведь когда-то за клочок земли брат шел на брата.

2. Посевная площадь основной продукции — зерновых культур — сократилась с 63 млн. гектаров в 1990 году до 43 млн., то есть на 20 млн. Накануне реформы страна выращивала зерна по 709 кг на душу населения. В последние пять лет — по 624. (В США собирают около 1400 кг). За текущее пятилетие хлеба произведено на 78 миллионов тонн меньше, чем было выращено за такое же время перед земельной реформой. Словом, произошел чудовищный спад выращивания зерна. «Излишки» хлеба появились потому, что его некому стало скармливать.

3. Уничтожено 37 млн. голов крупного рогатого скота, или 63% (в коллективизацию — 3 млн. голов!). Вырезано больше половины свиней, овец и коз. Каждые две фермы из трех разрушены и растащены. Вместо производства 75 кг мяса на

душу населения, как было в 1990 году, страна опустилась до 45 (в США — 120 кг). В 2008 году Россия уже завозила мясо из 40 стран мира.

4. Сломан стеновой хребет сельского хозяйства — разрушена его материально-техническая база: количество тракторов уменьшилось с 1 млн. 366 тысяч до 455 тыс., в 3 раза; зерноуборочных комбайнов — в 3,5, остальных машин — в 3—4 раза. Вся списанная техника изрезана в металлолом, и около 10 млн. тонн его продано за бесценок окружающим государствам. Своими силами мы способны восстановить отечественный тракторный парк лет через 20.

5. Сговор производителей минеральных удобрений поднял цены на них так, что они не окупаются прибавкой урожая. В итоге внесение удобрений в почву упало до 1,9 млн. тонн из 16,2 производимых в стране. Дремучим стало выглядеть земледелие, которое нынче ведется в основном без применения удобрений и пестицидов, — важнейших факторов роста производства и главного приема в противостоянии засухам. Зато 80—85% туков продаем иностранным фермерам. Постоянные обещания дотировать для сельского хозяйства удобрения зачастую остаются на бумаге. Да и дотации крохотные.

6. Поспешная приватизация государственной собственности и «подарки» президента привели основную добычу нефти и ее переработку в руки олигархов. Всемирный банк, МВФ, ВТО, другие международные организации требуют поднять цены на энергоносители до уровня западноевропейских. Олигархам это выгодно, и они «идут навстречу друзьям России». Преимущество, смягчающее суровость российского земледелия, потеряно: солярка возросла в цене в 20 раз, техника — в десятки раз. Если для покупки отечественного комбайна в 1990 году надо было продать 85 тонн зерна, в 2005 году — 590 тонн, то в 2009 — 850 тонн!

7. Тысячи высокопрофессиональных специалистов покинули деревню. Нет работы. Нет денег. Нет жизни. Количество агрономов, инженеров, зоотехников, ветврачей сократилось в десятки раз. Большинство выпускников аграрных университетов и институтов не остаются в сельском хозяйстве. Помните: «Рынок и конкуренция сами отрегулируют производство!»?

8. После ликвидации двух гигантских министерств — Минсельстроя и Росколхозстроя — количество возводимых объектов в деревне уменьшилось в сотни раз. Включая и дороги.

9. Земельная реформа обернулась тотальной безработицей и нищетой крестьян. Страна идет ускоренным маршем к такому капитализму, который уничтожает главную силу сельского хозяйства — крестьянство.

10. Необоснованное сокращение финансирования сельскохозяйственной науки (в 12—15 раз) привело к тому, что

научное обеспечение превратилось в мифологию прошлого столетия. Российские поля заполнили сорта и гибриды иностранной селекции. Почти полностью на привозных семенах работают свекловоды. Наполовину — кукурузоводы и производители подсолнечника.

11. Усиливается вымирание сельского населения, особенно в центре страны. Исчезли 20 тысяч деревень, тысячи школ, больниц, детских садов. Из-за этого ежегодная смертность по стране превысила рождаемость на 1 млн. человек. Вымирание — это завуалированный геноцид. По данным И.А. Гундарова, («Демографическая катастрофа России»), в 1926—1939 гг. демографические потери составили 12,5 млн. человек, в 1992—2010 гг. — 17,4 млн. (По статданным А.Ю. Пшеницына, не менее 26 миллионов. — **Ред.**) В глубинных хозяйствах при организации фермерских предприятий, как правило, 80—90% бывших колхозников или рабочих совхозов остались без работы и без надежды найти ее. Люди растеряны и морально опустошены. За что их предало государство? Почему общество выбросило их? Ведь они вынесли на своих плечах непосильную тяжесть военных и послевоенных лет!

Ответа крестьяне не получили. Молодежь ринулась в города, на любую работу, чтобы выжить. А среднее и старшее поколение запили от безысходности. Российский крестьянин окончательно надломлен и уходит из жизни, не дождавшись от государства заслуженной помощи. Началась депопуляция важнейших территорий страны.

В период земельной реформы деревня пережила самый жестокий за последние 200 лет беспредел, приведший к разрухе, повышенной смертности, безработице. Россия утратила продовольственную независимость и стала чрезвычайно уязвима к стихийным явлениям. Доктрина продовольственной безопасности России превратилась в декларацию о благих намерениях. По итогам 2009 года страна обеспечивала физиологические нормы потребления только по зерну и растительному маслу. Все остальное заполняется с помощью импорта. Россия завозит 45% продовольствия из-за рубежа. Никогда еще у хлебопашца не были так подорваны жизненные силы, как в результате земельной реформы 1991 года. Потенциальные возможности нашего сельского хозяйства в настоящее время упали настолько, что гарантируют среднегодовое производство хлеба в два раза меньше, чем требуется.

Жаркое лето 2010 года

В июне прошлого года метеорологи страны не заметили приближения одной из самых сильных засух за последнее столетие. Она медленно напоздала на территорию России,

как страшная вражеская сила, подминая одну область за другой. Первыми не выдержали леса, запылали, как сушняк в костре. Почти все оказались бессильны организовать их защиту. Лишь когда начали гореть целые деревни и огонь подступил к городам, началась мобилизация сил и средств.

Еще надеялись, что июль принесет дожди. Но он пришел безоблачный, прокаленный, с температурой воздуха 38—42 градуса. Жестокое бездожде вызвало воздушную и почвенную засуху. Как цирковым куполом, накрыло 38 регионов, в которых посевы на площади 13 млн. гектаров (17% к общей посевной) превратились раньше времени в солому с полупустыми колосьями, с зерном тонким, как патефонные иглы.

В середине июля, в самый разгар стихии, мне позвонил старый знакомый, руководитель сельского хозяйства одной из пострадавших областей.

— Вы можете считать меня циником! — неожиданно произнес он. — Но я рад, что в стране началась засуха!

— Как?! — ошеломленно спросил я. — Разве можно этому радоваться?!

— Можете осуждать меня! Но я доволен. Очень доволен! В последние годы надоело слушать бахвальство властей о том, что у нас преуспевающее сельское хозяйство. Что мы продажей хлеба, а затем и мяса завалим весь мир. Да, спад промышленного производства в 2009 году составил 9,3%, а сельское хозяйство дало плюс 2%! Но десять лет в России стояла идеальная для хлеба погода. И многие возомнили, что мы на крутом подъеме. Президент пообещал голодающему миллиарду ежегодно поставлять 40—45 млн. тонн зерна! При этом хорошие урожаи многие объясняют выполнением национальных проектов по животноводству и земледелию. Но они даже полностью не профинансированы! На текущий год выделили один процент расходной части бюджета. Один процент! Вместо 27%, которые давали 20 лет назад! Они что, не понимают, что сельское хозяйство опять дотирует промышленность?! Отдает последнюю свою кровь!

— К сожалению, вы правы, — сказал я.

Он не успокоился, продолжал буквально кричать:

— В своих статьях, опубликованных в «Политическом журнале» и книге «Выход из кризиса или агония?», вы предупреждали, что мы идем к засухе. Что с каждым годом растет уязвимость сельского хозяйства. Писали и о том, что необходимо срочно сделать, чтобы упредить аномальный удар. Но вверх — никакой реакции!

Он умолк, а затем стал вновь извиняться за свой цинизм. Под конец произнес:

— Теперь все поймут, что если в 2011 году засуха повторится, денег от нефти и газа не хватит, чтобы прокормить народ. Вы прикиньте, откуда можно взять финансовые средства? И можно ли?

Положив трубку, я задумался. В который уж раз за эти двести лет весь изъян свалили на крестьян, за счет села строят города и городские поселения вокруг, почти забросив строительство для труженика деревни.

Где те колоссальные деньги, которые страна выручает от экспорта энергоносителей? Большая часть их принадлежит собственникам. Одни из них скупают за рубежом на эти деньги самые роскошные виллы, дворцы и особняки. Другие строят там белокаменные палаты и отели за миллиарды долларов. В летнее время на курортах Франции, Испании, Италии, Монако вы на каждом шагу услышите русскую речь веселых, часто развязных россиян.

Идет неспешный переезд богатых российских семей на оседлую, постоянную жизнь за границу. У нас им не нравится ни жить, ни работать. Тысячи детей обеспеченных граждан России учатся в школах и университетах Запада. Там якобы дают более качественное образование. Внук Ельцина не напрасно учится за рубежом. А мы всё еще экспериментируем в своих школах и вузах.

Бжезинский как-то сказал: «Россия может иметь сколько угодно ядерных чемоданчиков, но поскольку 500 млрд. долларов российской элиты лежит в наших банках, вы еще разберитесь, чья это элита. Ваша или уже наша?»

Сил у государства не остается на восстановление даже ПВО, которому оборонная промышленность с 1994-го по 2007 год не поставляла вообще никакой техники. Да и армия стала «тенью Советского Союза».

Что же касается выделения средств из местных бюджетов, то подавляющее число регионов едва сводят концы с концами.

Раньше была еще шефская помощь деревне. Теперь от нее остались лишь воспоминания.

Многие понадеялись на свободный рынок. Но он не только не двинул вперед производство, он усилил и ускорил распад.

Таким образом дыр в экономике много, и от экспорта энергоносителей само государство получает гроши. Делить нечего.

На заклятие

Благодатная погода закончилась. В жаркое лето 2010 года выращено 62 млн. тонн зерна — на уровне хрущевского 1963

года. Цены на продукты питания, естественно, сразу же поползли вверх, несмотря на указания Федеральной антимонопольной службе, Генпрокуратуре и МВД пресекать «спекуляцию». Но никто не смог одолеть роста цен, потому что немелкая интервенция хлеба и вся финансовая политика власти способствовали тому, что сельское хозяйство стало нерентабельным: к примеру, в 2009 году уровень рентабельности составил минус 7 процентов. В переходящем фонде страны сохранилось из урожая 2009 года 21,4 млн. тонн зерна. Но старые запасы и новое зерно полностью не обеспечивают страну хлебом и кормами. поголовье за зиму — особенно коров, свиней и овец — сильно уменьшилось. Его нечем было кормить во многих областях. Не было даже соломы. Скот просто вырезали. Уже стоим с протянутой рукой за мясом.

В 2010 году снова принимались меры, чтобы деревня продала свою продукцию ниже себестоимости. Это для села дорога на эшафот. Если бы так дружно карательные органы боролись со сговором нефтяников или тех, кто производит минеральные удобрения! А так, отвыкнув от конкретной работы и жесткого спроса за дело, не получив отдачи от свободного рынка — а он должен был в условиях конкуренции активизировать развитие экономики, — мы повернулись лицом к Всемирной торговой организации (ВТО). Может быть, она за нас решит проблемы продовольствия. Россия с 1994 года ведет переговоры о вступлении в ВТО. Все эти годы мы не вели подготовки к новым рыночным отношениям, как Китай, который перестраивался все пятнадцать лет, чтобы не быть придатком ВТО. И он отстоял все свои требования. А президент Медведев прекратил все переговоры.

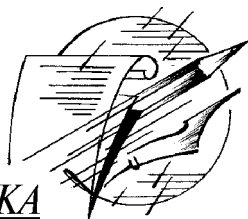
В стране назрела необходимость разработки стратегии развития сельскохозяйственного производства в современных условиях. Пора ликвидировать организационный хаос на земле, составить генеральную схему специализации и кооперации с учетом почвенно-климатических, экономических условий и требований Доктрины продовольственной безопасности. Подготовить реальную программу развития сельскохозяйственного машиностроения, восстановления строительной индустрии. И конечно — создания нормальных условий для жизни и работы российского крестьянства. Все это требует безотлагательного финансирования, иначе вступление в ВТО превратит нашу землю во всемирную пищевую свалку.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Испешрение речи иноземными словами вошло у нас в поголовный обычай, а многие даже щеголяют этим, почитая Русское слово, до времени, каким-то неизбежным худом, каким-то затоптанным половиком, рогожей, которую надо усыпать цветами иной почвы, чтобы порядочному человеку можно было по ней пройтись.

В.И. Даль

Со времени написания этих строк В.И. Далем каждый новый отрезок нашей истории приносил все новые и обильные вливания в наш язык иноязычных слов, превращая «испешрение речи иноземными словами» в устоявшееся правило. И сегодня, слушая современную речь, ловишь себя на мысли, что уже не русский язык испешряется иностранными словами, а в речь, состоящую из иноязычных слов, в качестве вкраплений включаются русские слова. Что же происходит? Неужели словарный запас русского языка настолько беден? Да вроде бы нет. Или что-то с памятью нашей стало, что вспомнить русское слово не получается? Сколько нам еще слушать убаюкивающие и успокаивающие речи, что язык сам со всем спра-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вится и отсеет все ненужное? Ведь все мы видим, что из нашего языка странным образом отсеивается все русское, а нас уверяют, что все в порядке и не о чем беспокоиться. Может быть, желание пощеголять иноземными словами зашло слишком далеко, что пора бы остановиться и вспомнить про «сокровища родного слова», о которых говорил Пушкин? Сколько мы еще будем относиться к русскому слову как к затоптанному половику?

Мы все привыкли воспринимать изменения в нашем языке как что-то должное, как само собой разумеющееся. В суте сегодняшнего дня нам некогда думать, почему телеведущие беспрестанно говорят «актуальный» и «мониторинг», почему товар у нас «реализуют», а не продают, почему ответственность «персональная», а не личная и т.д. Мы привыкли доверять людям, использующим иностранные слова, и считаем, что если они их используют, то, значит, так и надо. Но так ли это на самом деле? Приведу один довольно показательный пример, который подтверждает высказывание В.И. Даля. Мы помним из нашей истории, что для обсуждения насущных вопросов и решения жизненных задач народ русский собирался на вече, держал совет, созывал соборы, проводил съезды и собрания, в селах люди сходились на сход и на круг, но прошло время, и все изменилось. Сегодня созданный фонд (англ. *found* — основание, учреждение) «Русский мир», призванный защищать русский язык, почему-то проводит латинские «конференции» (лат. *conferentia* — собрание, совещание), созывает французские «ассамблеи» (фр. *assemblee* — собрание), выдает не награды, а «гранты» (англ. *grant* — жалованье), проводит «дискуссии» (англ. *discussion* — обсуждение, прение) по «актуальным» (англ. *actual* — действительный, настоящий) «проблемам» (греч. *problema* — задача, вопрос) и т.д. Какой-то «Русский мир» нерусский получается. Конечно, этот фонд, наверное, делает и много полезного, но вся эта любовь к иностранным словам в таком именно госфонде очень удивляет. Ведь создается ощущение, что русский язык у нас не защищают, а хотят оградить от русских слов и своего родного наследия. Так почему же «Русский мир» не ценит русское слово и почему для него латинская «конференция» дороже русского собора? Наблюдая за современным русским языком, подобные вопросы можно задавать бесконечно. Но главная причина всего происходящего, наверное, все-таки кроется в нашем безразличии к родному слову, и это оставляет глубокий след на всем нашем языке.

Наверное, многим из нас в своей жизни не раз приходилось слышать, что язык представляет собой нечто живое и поэтому он не может быть застывшим и стоять на месте, что он живет своей внутренней жизнью, движется и развивается. Но в чем именно заключается это развитие и куда сегодня движется русский язык? При равнодушном отношении к языку возможно ли какое-либо его развитие? Ведь любое развитие, в том числе и языка, должно иметь какое-то основание, отталкиваясь от которого это развитие и происходит. Для языка таким основанием служит его словарный запас, его корневые слова, которые дают жизнь огромному количеству производных слов. Это основание является своего рода почвой для дальнейшего роста. И если мы пренебрегаем исконным словарным составом языка, то этим мы ставим под сомнение не только развитие языка, но и его существование. Ведь нельзя что-то развивать и одновременно этим пренебрегать. И если уничтожаются составные части некоего целого, то и само целое пострадает. Так можно ли сегодняшние изменения, происходящие с русским языком, хоть как-то связать с развитием? Разве развитие русского языка заключается в том, чтобы вместо «законный» говорить «легальный» (англ. *legal* — законный), вместо «срочный» — «экстренный» (англ. *extra* — сверх), вместо «преступный» — «криминальный» (англ. *criminal* — преступный), вместо «договор» — «контракт» (англ. *contract* — договор), вместо «скидка» — «дисконт» (англ. *discount* — скидка), вместо «проба» — «тест» (англ. *test* — проба, испытание), вместо «стоянка» — «паркинг» (англ. *parking* — стоянка), вместо «выходные» — «уик-энд» (англ. *weekend* — конец недели) и т.д.? Умение читать по буквам иностранные слова вряд ли можно считать развитием. И когда наши телеведущие используют подобные слова, не покидает вопрос: «Зачем они это делают?»

Первоначально кажущееся безобидным увлечение иностранными словами постепенно превратилось в некий крепкий навык повсеместного использования иноязычных слов и приобрело свойство устойчивой привычки. А подобная привычка способна уже изменить весь строй языка, так как с вытеснением из языка исконных слов из него выпадают и словарные обороты с этими словами. Например, появилось слово «абсолютный» (англ. *absolute* — безусловный, совершенный), и ранее всем привычное выражение «совершенно верно» выпало из нашего языка, его нигде не слышно, зато «абсолютно верно» можно услышать где угодно. Кроме того, следом появились «абсолютная правда», «абсолютно правильно», «абсолютно точно», хотя раньше у нас были «чистая

правда», «совершенно правильно» и «совершенно точно». В сознании огромного количества наших людей уже произошла замена многих русских слов на иностранные. И эти новые слова-заменители, если можно так сказать, уже прочно впитаны в словарный запас этих людей.

Например, если человеку постоянно говорить «стабильный» (англ. *stability* — устойчивость) вместо «устойчивый», то он постепенно забывает или просто не знает, что «стабильный» является заменителем слова «устойчивый». Часто слышимое нами слово «уникальный» (от лат. *unicum* — единственный) заменяет такие слова, как «единственный», «исключительный», «беспримерный», «бесподобный», «неповторимый», «небывалый», «неслыханный», «неподражаемый», «необыкновенный», «незаурядный», и все эти русские слова как-то выпадают из нашего сознания; когда мы хотим выразить свою мысль, в уме всплывает только «уникальный». Родные русские слова незаметно превращаются в лишние и ненужные. Я хочу подчеркнуть, что к иностранным словам именно привыкают, так как они не имеют русского корня и поэтому не несут никакой смысловой нагрузки (смысловая нагрузка появляется, когда мы узнаем перевод иностранного слова и в уме переводим иностранное слово на русский язык). Например, слово «общинный» имеет множество однокоренных слов, и все эти слова будут нам понятны, так как имеют русский корень («община», «общинник», «общий», «общество», «общественность», «общественник», «общение», «общительность», «общность», «обобщить», «обобщение», «сообщение», «сообщество», «сообщник», «приобщить», «приобщение»), и, напротив, заменитель слова «общинный» слово «коммунальный» (англ. *communal* — общинный) ни о чем нам не говорит и является навязанным обозначением слова «общинный».

Проведите опрос простых людей о смысле слова «коммунальный» и вы увидите, что они не знают истинного значения этого слова, а просто привыкли к нему, и, не зная перевода этого слова, они своими догадками будут указывать на слово «общий». Таких ни о чем не говорящих слов в нашем языке уже тысячи, и их количество постоянно растет. Даже наш русский Дед Мороз сегодня живет не во дворце, а в «резиденции» (англ. *residence* — жилье, местожительство), дает не советы, а «рекомендации» (англ. *recommendation* — совет). Это не Дед Мороз, а Санта-Клаус какой-то. Таким образом в скором будущем от русского языка может остаться одно название, ведь всевозможные «коллекторы» и «валоризации» все прибывают. Из-за такого коверканья нашего языка по-

явились целые поколения, которые стали забывать некоторую часть русского языка. Словарный запас русских слов у них подвергся обеднению и сужению. При этом нам продолжают внушать, что иностранное слово помогает добиться более точного выражения мысли и обогащает наш язык. На деле нас нагружают завесой тумана неопределенности и двусмысленности. Об этом А. П. Сумароков так сказал: «Чужія слова всегда странны будуть, и знаменованія ихъ не такъ изъяснительны, и слѣдственно введуть слабость и безобразіе въ сильный и прекрасный языкъ нашъ».

Когда мы наводняем наш язык иноязычными словами, наше мышление теряет четкую понятийную связь с родным языком и ясность, присущая родному слову, уступает место догадкам, разнотолкам, мыслительной сумятице. О писателях и всей «пишущей братии», увлекающейся иноязычными словами, В. И. Даль заметил: *«Если один онемечился, изучая замечательных писателей, каких он у себя дома не найдет; если другой по той же причине офранцузился, третий обангличился и так далее, то могут ли все они требовать, поучая, настаивая и потешая нас, чтобы каждый из нас, вычитывая, что в них переварилось и выварилось, понимал все те языки, какие они изучили сами, и чтобы мы перекладывали, мысленно, беседу их на пять языков? <...> Таким образом, всему не пишущему, а только читающему населению России скоро придется покинуть свой родной язык вовсе и выучиться, замест того, пяти другим языкам: читая доморощенное, надо мысленно перекладывать все слова на западные буквы, чтобы только добрался до смысла. Ведь это циферное письмо!»*

Каждый раз, когда я слышу у телеведущих какое-нибудь иностранное слово, я вынужден гадать: в каком же смысле надо понимать данное слово? Если телеведущий употребил слово «актуальный», я не знаю, то ли это слово надо понимать в смысле «важный», то ли в смысле «насущенный», то ли в смысле «существенный», то ли в смысле «значительный», то ли в смысле «злободневный»? Но ведь так просто выбрать русское слово и сказать понятно на родном языке. Например, мне так объяснили преимущество слова «модернизация» перед словом «обновление»: «Да потому что “обновление” означает как “восстановление, починку”, так и “замену новым”, а “модернизация” — “изменение соответственно требованиям современности». Ну и в чем здесь противоречие? Разве «замена новым» не соответствует требованиям современности? Я могу сказать, что требования современности кое-где предполагают «восстановление и починку». Так мож-

но бесконечно играть словами. И я не понимаю, почему, если что-то можно сказать по-русски, меня начинают убеждать, что это плохо, несовременно, а говорить иностранными словами — это требование современности. Если я хочу посетить выставку, то почему я должен посещать «экспозицию» (англ. *exposition* — выставка, описание, разъяснение, делать показ)? Еще А. П. Сумароков писал, что слова, не имеющие русского корня, людям непонятны. И наоборот, многие слова из славянских языков нам понятны, так как имеют один корень с русскими словами. Например, у чехов «словарь» называется «словник», а у сербов вместо «президент» (англ. *president*) говорят вполне по-русски: «председник» (председатель). Князья Волконские писали, что вместо немецких или английских слов мы могли бы много взять из славянских языков и эти слова легко бы вошли в наш язык.

Ход мысли у любителей иностранных слов довольно странный. Иностранные слова у них наделяются каким-то особенным, глубоким или широким смыслом, а русские слова такого смысла лишаются. Почему? Например, вам могут сказать, что, когда мы слышим слово «электорат» (от лат. *elector* — избиратель), мы представляем себе различные слои населения с их чаяниями и тревогами, которые они хотят выразить в ходе выборов, а если мы скажем просто по-русски «избиратели», то мы ничего такого представить не сможем. В любом иностранном слове они найдут какой-то особый смысл или значимость, до которой русский язык не дотягивает. Мне иногда кажется, что иностранные слова они воспринимают как какие-то священные письмена или тайнопись, к которой русский язык даже приблизиться не может. По сути, заявляется следующее: русский язык беден и слаб, и поэтому нечего даже пытаться выразить русскими словами тот «глубокий» (особенный) смысл, который выражается иностранными словами. Полное неверие в силу русского языка. Вот к чему пришли.

Кроме того, корень увлечения иноязычными словами лежит еще в нашем давнем раболепстве перед всем иностранным. Мы, как островные туземцы, смотрим раскрыв рот на напудренных и на помаженных европейцев, приплывших к нам из волшебной страны. У многих из нас глубоко в сознании засело какое-то чувство неполноценности (все родное кажется плохим, а все европейское видится неким совершенством), отсюда и происходит желание попугайничать и подражать чужому языку. Наши высокопоставленные чиновники подслушают какое-нибудь слово у иностранцев и давай кричать его на каждом углу, а за ними и все нижестоящие

чиновники подхватывают. Какое-нибудь слово, которое для европейцев обычное и повседневное, для наших властителей превращается в некое заклинание, окруженное ореолом священнодействия. Не так давно подслушали слово «инновация» (англ. *innovation*), которое в переводе означает «нововведение», «новшество» или «обновление», и теперь, подобно большевикам, твердившим про «коллективизацию», везде говорят про «инновацию». Уже говорят про «инновационное поведение» или «инновационное мышление», скоро скажут, что действовать, ходить и дышать желательно тоже «инновационно». Давно пора сбросить пелену с глаз и понять, что ничего такого особенного и значительного в иностранных языках нет, ни в английском, ни во французском, ни в немецком и русский язык ничем им не уступает и даже во многом их превосходит.

У нас в средние века шла выработка своего, русского словарного запаса понятий, которые отражали многообразие общественной жизни и описывали разные стороны государственного управления. Происходило подлинное обогащение языка. Например, в XVI—XVIII веках министерства назывались приказами. Это было наше название, и оно имело смысловое наполнение. Каждый понимал, что приказ — это орудие государственного управления, так как управление осуществляется благодаря приказам. Но желание подражать во всём Европе взяло верх, и развитие в этом направлении оборвалось. Для названия должностей и различных видов работ стали использовать иностранные языки, но только не русский. Петр I переименовал приказы в коллегии, а коллегии впоследствии были переименованы в министерства (от лат. *ministro* — службу, управляю). Но если мы сегодня вместо «министерство» стали бы говорить «служительство», «служинство» (ведь есть же у нас похожие слова: «воинство», «достоинство», «убранство» и т.д.), «служина», «служиво» и т.д., а министров назвали бы служителями или поручителями, то, возможно, они более остро осознавали бы свою ответственность и никогда не забывали бы, зачем их назначили на эту должность.

Удивляют способы «обогащения» нашего языка. С какого-то времени слова «адекватный» и «толерантный» стали русскими словами. Слово «адекватный» (англ. *Adequate* от лат. *adaequatus* — приравненный) является заменителем слов «соответствующий», «соответственный», «соразмерный», «согласующийся», «равный», «равноценный», «равнозначный», «равновесный», «равностепенный», «подобный», «подобающий», «надлежащий», «пристойный» (пристойное поведение), «вменяемый» (вменяемое состояние), и какая возникла нуж-

да в слове «адекватный» — непонятно. Подобные «обогащения» делают наш язык скуднее: там, где мы раньше могли использовать целый набор русских слов, имеющих свои оттенки, теперь у нас везде используют одно иностранное слово. По сути, любому русскому понятию можно придумать какой-нибудь заменитель на основе иностранных слов. Если можно сказать по-русски «терпимый», то «обогачитель» нашего языка заменит «терпимый» на «толерантный» (от лат. *tolerantia* — терпение), хотя по смыслу это равнозначные слова. Большинство людей толком и не знают, что означают все эти «эвакуации», «ликвидации», «эксплуатации», «трансляции», «мониторинги», «креативы» и т.д. Например, мы то и дело слышим про «эвакуацию» людей с места бедствия и уже не спрашиваем себя: а зачем нам эта «эвакуация», неужели по-русски нельзя сказать? Слово «эвакуация» (позднелат. *evacuatio*, от лат. *evacuo* — опорожняю) первоначально имело значение опорожнения чего-либо, и применять это слово по отношению к людям несколько странно. Вместо «эвакуатор» можно использовать: «перевозчик», «машиновозчик», «машиновоз», «машиногрузчик», «машиногруз», «машиноборщик», «машиноборец», «месточист», «перевозка», «удалитель», «вывозчик», «уборщик», «уборочник» и т.д. Здесь есть простор для творчества. Это и будет истинным обогащением языка. Вряд ли можно говорить про обогащение языка при полном безразличии к наследию этого языка, к его внутренним запасам, к его богатству и красоте.

Подобные изменения в языке никогда не оставляли безучастными и равнодушными наших писателей, обеспокоенных будущей судьбой родного языка. В разное время нашей истории русские писатели предупреждали о вредности увлечения иноязычными словами и о пагубных последствиях такого увлечения. Но, видимо, с течением времени их предупреждения немного подзабылись. В XIX веке Александр Семенович Шишков указывал: *«Самый невежественный и вредный для языка навык состоит в употреблении чужих слов вместо своих собственных. Это приводит язык в оскудение, препятствуя извлекать ветви из его корней и отнимая у тех, которые прежде извлечены, способность расширять свое значение и силу... При частом употреблении их наши слова, как неполиваемые цветы, вянут, сохнут, не распускаются»*. Подобные же мысли высказывали М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, А.С. Хомяков, М.Н. Загоскин и другие.

Но, кроме того, что мы сами портим и губим свой язык, такой язык и у иностранцев какого-либо восхищения не вы-

зывает. Наше хватание европейских слов самими европейцами воспринимается как смешные потуги дикарей дотянуться до их культурного уровня. Наша любовь к иностранным словам создает у европейских народов ложное представление о бедности, скудости и отсталости нашего языка. Князь А.В. Волконский в одной из своих статей пишет: *«Однажды польская газета заявила, что язык наш слишком беден для выражения современных культурных понятий и вынужден прибегать к заимствованиям. А.В. Амфитеатров ответил статьей без единого иностранного слова. “Мы знаем, ответили в свою очередь поляки, что г-н Амфитеатров прекрасно владеет русским языком, но пусть заглянет в соседние столбцы”.* Е.Наумант в своей *“Culturefrancaiseen Russie” смеется над русскими переводами: их правильнее назвать транскрипциями».* Волконский писал свои статьи о русском языке в двадцатые годы прошлого столетия, но и сегодня его работы звучат современно и не потеряли своей злободневности. В той же статье Александр Волконский продолжает: *«Нет, среди иностранцев наша погоня за иностранными словами сочувствия не найдет: они любят, берегут и холят родную речь, и скорее Сена вспять потечет, чем французский писатель оскорбит свой язык, включив в него... какое-либо “nrvastveinodobrene”».*

Но чем мы обогащаем наш язык? Еще Ломоносов писал про *«дикие и странные слова, нелепости, входящие к нам из чужих языков»*, которые, по его свидетельству, *«искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют».* Если в языке усыхают яркость, тонкость, выразительность и исчезает ясность, то что это, если не упадок?

Почему, если какое-то ненужное и уродливое слово давно внедрено в наш язык, то мы ничего не можем с этим поделать и должны с этим смириться? Бывает, замену русских слов на иностранные оправдывают тем, что некоторые иностранные слова короче русских и это способствует краткости изложения. Во-первых, это не всегда так. Для примера можно привести следующее: «ассортимент» (подбор, выбор), «церемония» (обряд), «эксперимент» (опыт), «комфорт» (уют), «комфортабельный» (удобный), «фундаментальный» (основной, коренной), «конфиденциальный» (тайный, сокровенный), «рецензия» (отзыв, оценка), «коммуникация» (связь, сообщение), «интерпретация» (толкование), «рекомендация» (совет), «трансляция» (перевод), «пропорционально» (соразмерно), «детектив» (сыщик), «бизнес» (дело), «контрафактный» (поддельный), «демонстрировать» (показать, явить, проявить), «интенсифицировать» (усилить, ускорить) и т.д. По-

добных примеров можно насобирать довольно много. Почему-то здесь про краткость не вспоминают. И уж если стремиться к краткости, то лучше вместо английского выбрать китайский или корейский язык. Там есть слова, состоящие из одной или двух букв, а какие имена короткие! По корейским меркам, пока русское имя назовешь, уснуть можно. А у них четко и коротко, как выстрел: Ким Чен Ир, Кун Хи Ли, Ли Хак Су, Чун Мон Ку и т.д. Кроме того, каждый язык имеет свой рисунок, свое полотно, свое разнообразие красок, и в этом его красота.

Многие иностранные слова пришли к нам по той причине, что выражают новые понятия, которых ранее не существовало. Это так. Но о чем нам это говорит? Это говорит нам о том, что народы, создавшие новые понятия, не боятся создавать новые слова на основе родных корней и не боятся, что новые слова кому-то покажутся смешными. И постепенно новообразованные слова становятся для всех привычными и общепотребительными. Почему мы не можем последовать примеру этих народов в создании новых слов, а должны обязательно пользоваться иностранными словами и заучивать непонятные нам названия «кондиционер», «компьютер», «сервер», «провайдер», «интернет», «продюсер», «мерчендайзер» и т.д.? На самом деле все эти иностранные слова при желании легко перевести на русский язык. В противном случае словарь этих «священных» понятий будет раздуваться до бесконечности. Опыт других стран показывает, что многие народы ведут довольно успешную работу по созданию своих слов для наименования новых вещей и понятий (особенно можно отметить опыт Исландии, Финляндии, Франции). Чувство своего достоинства заставляет оберегать и развивать родной язык. А у кого нет собственного достоинства, тот рано или поздно всего лишается и прислуживает другим. Наверное, только неразвитые дикари с очень бедным языком могут брать из чужих языков все без разбору, что в итоге ведет к полной потере родного языка. Кто внушил нам мысль, что, идя по пути подобных дикарей, язык получает развитие и как-то обогащается? История показывает, что этот путь ведет к перерождению, увяданию и исчезновению языка. Ломоносов предвидел такую опасность и предупреждал об этом: *«Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оного без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. Где древний язык испанский, галский, британский и другие с делами оных народов? Не упоминаю о тех, кото-*

рые в прочих частях света у безграмотных жителей во многие веки чрез переселения и войны разрушились». Каким путем пойдем мы, зависит от всех нас.

Бывает, приходится слышать, что многие иноязычные слова (как правило, латинские) имеют международное употребление и являются общими для всех европейцев и поэтому всеми признаются как что-то безусловное, вытекающее из общеевропейского развития. На этом основании некоторые полагают, что и нам надо в духе приверженности этого единого (европейского) развития прописать эти слова в нашем языке, несмотря на то что наш язык имеет широкие возможности обходиться без ненужных дополнений. Ведь любая культура, в том числе и язык, любопытны своим своеобразием, самобытностью, непохожестью. Если, например, японцы вместо латинского «университет» говорят на родном языке «даигаку» (большое учение), а вместо «студент» — «гакусэи» (жить обучаясь), то ведь их образование от этого не становится каким-то ущербным. Зачем же пытаться наш язык упростить и лишиться самобытности, обтесав его по чьим-то меркам, и уложить в чужие языковые правила и пристрастия? Например, у европейцев есть давняя привычка все называть латинскими словами. Неким священным языком для наших властителей стал латинский. Латинский язык стали предпочитать русскому. Пусть новая должность называется непонятно, но латинским словом, чем понятно и по-русски. Для примера назову слово «инспектор» (от лат. *inspector* — наблюдатель, смотритель). Это слово ничего для нас не значит, мы просто привыкли к нему и запомнили, что инспектор — это тот, кто делает проверку или осуществляет надзор за чем-либо. Почему мы не можем использовать вместо «инспектор» — «смотритель», «надзорник», «надзорщик», «проверник», «проверщик», «поверщик», «поверник» и т.д.? Мы что, стыдимся родного языка? Еще А.С. Пушкин писал про станционного смотрителя, тогда это было обычное дело. Теперь смотрители исчезли, остались одни латинские инспектора.

Есть в этом польза для языка или нет? Здесь мы не будем рассматривать все причины такого пристрастия европейцев к латыни, упомянем только, что со времени принятия Европой христианства богослужение там проводилось на латинском языке, и латынь стала восприниматься как язык священного писания. Затем латынь стала и языком науки. Какое же было влияние латыни на местные языки? Например, Ломоносов так обрисовал влияние латинского богослужения на немецкий язык: «*Немецкий язык по то время был убог, прост*

и бессилён, пока в служении употреблялся язык латинский. Но как немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того, в католических областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим. Вот и делайте выводы. Развивают ли инородные прививки язык или наоборот? А у нас следование этому пристрастию к латыни считается признаком большого ума и образованности. И чужая привычка возводится в образец для подражания. А любое подражание, как известно, ничего своего не создает, а вынуждено постоянно кого-то догонять и под кого-то подстраиваться.

Сегодня в нашу жизнь входят сотни бытовых приборов. Оправдано ли перенимание иностранных названий («миксер», «тостер», «блендер», «плеер», «ресивер», «модем», «спли-тер» и т.д.) без попытки дать понятное русское название? Эти слова воспринимаются нами просто как какие-то значки. Мы слышим слово-значок «миксер» и понимаем (кому объяснили), что это такой прибор для смешивания, слышим слово «тостер» и запоминаем, что это такое устройство для обжарки, и т.д. Слово «миксер» и намек нам не дает о том, что это. Просто значок, который надо запомнить, как цирковой обезьянке. Русские слова, напротив, несут ясность мышления, так как нет необходимости в словах-посредниках («миксер», «тостер», «ресивер» и т.д.), и вместо непонятного значка появляется осмысленное, доходчивое слово. Мы понимаем, что будильник будит, печь печет, холодильник холодит, двигатель двигает, глушитель глушит, обогреватель обогревает, самолет летит и т.д. Поэтому правы были и Сумароков, и Ломоносов, которые говорили, что иностранные слова замутняют мышление, осложняют понимание простых вещей и поэтому портят, калечат наш язык. Одним из слов, получивших международное употребление в западных странах, можно назвать слово «компьютер», и у нас по уже устоявшемуся правилу быть как все ни у кого даже мысли не возникнет, что у нас может быть что-то другое, а не «компьютер». Человека ведь можно приучить к любому слову, и оно приобретет силу привычки, а привычка, как правило, уничтожает гибкость мышления, сужает творческий кругозор. Поэтому некоторые говорят: «Да что там по-русски скажешь вместо “компьютера”?» Действительно, набор выполняемых компьютером задач довольно многообразен, и трудно подобрать слово, которое отражало бы все виды работ, осуществ-

ляемых компьютером. Но ведь и само слово «компьютер» вообще ничего, кроме латинского «вычислитель», не выражает, к тому же латинский язык у нас, мягко говоря, не все знают. К поиску необходимого слова можно идти по разным направлениям и в итоге выбрать что-то одно, что устроило бы всех. Я, например, предложил бы слово «числовик» (похожие слова — «грузовик», «поисковик», «пуховик»), «числовер» (осуществляет верные, точные действия с числами), «числомер» или «числомерник» (мерные действия с числами), и все это — электронное устройство, в основе работы которого лежит обработка чисел, числовых рядов, действия с числами, запись данных в виде числовых последовательностей, преобразование числовых рядов в доступные нам данные и т.д. Кто-то, возможно, предложит что-то свое и намного лучше. У французов, например, есть свое слово «ordinateur», у финнов — слово «tietokone», у исландцев — «tolva», и они стараются проявлять самостоятельность в вопросах языка. Скажут: «Ну «числовик» не совсем то, что нужно, и не отражает полностью сути и т.д.» А что отражает «компьютер»? Да ничего, привычка к слову-значку, и все.

Один филолог в своем выступлении сказал, что, например, слово «файл» нам заменить нечем, и сделал довольно длинный перевод этого слова. Здесь я могу возразить. Ведь не обязательно делать буквальный перевод слова «файл» (англ. *file* — регистратор, картотека, подшитые бумаги, дело), главное — передать смысловую нагрузку. Файл — это место, где хранятся данные, которые можно положить в файл, взять или перенести в другой файл и т.д. Англичане файл называли файлом. Мы можем назвать по-другому, например — «карман», «вкладка», «вкладыш», «кошелек», «ларчик», «тайник», «сусек» (по сусекам поискать), «коробка», «стопка», «клетка», «подшивка», «стол», «сота», «опись» и т.д. Смысл в том, что в карман можно что-то положить, вынуть, переложить, очистить, закрыть, также и на стол можно положить вещи, а потом убрать на другой стол. Слово «сайт» (англ. *site* — место, участок, местоположение, местонахождение) мы можем назвать «дом», «двор», «окно», «поле», «поляна», «участок», точка и т.д. Вместо «блогов» (*blog* — домашняя страница, дневник, доска объявлений) можно использовать «лист», «листок», «страница», «записка», «строка», «книжка», «перепись», «письмо», «разговор», «говорник» и т.д. Вместо самого слова «интернет» я могу предложить «сетевет» (здесь корень «вет», как в словах «завет», «совет», «ответ», имеет смысл связи, однокоренное слово «вече»), «сетekom» (здесь русский корень «ком» означает нечто собранное, сжатое в шар, то есть «сете-

ком» это сеть, сплетенная в шар, снежный ком в детстве все скатывали), «сетевод» (водит по сети), «сетевед» (ведет или ведает сеть), «сетемет» или просто «сеть» и т.д. Если я скажу такое выражение: «Зайдите в Сетевет и откройте сетевое окно (дом, двор, поле) такое-то, найдите следующий карман (сусек, ларчик, вкладку) и возьмите что надо» — разве это не будет понятно? Или вместо «сегодня в блогах» можно будет увидеть «сегодня в листах (в строках, в разговорах, в страницах, в записках)». То есть тут можно поразмышлять над разными возможностями. Это то же самое, как, например, мы говорим «мороженое», а англичане говорят «ледяные сливки» (*icecream*), но понимаем под этим одно и то же. Почему на русскоязычных сайтах (окнах) мы должны читать английские слова, написанные русскими буквами? Неужели русские слова хуже «блогов», «баннеров», «хостингов», «аутсорсингов», «утилит», «ревалентности» и т.д.? Те же англичане переносной компьютер назвали просто «записная книжка» (*notebook*), мы могли бы использовать слово «книжка» или «дневник». Оттого, что английские слова нам непонятны, и рождается сетевой сленг. Да и нашим детям освоить компьютер с русскими словами будет гораздо проще.

Работа по замене иностранных слов на русские слова является очень занимательной и предполагает широту творческого поиска. Хочу привести некоторые примеры, не притязающие на последнюю истину: «аккумулятор» («накопитель», «зарядник»), «амортизатор» («гаситель», «ударник», «смягчитель»), «радиатор» («охладитель», «охладник», «остудитель», «холодильник»), «спидометр» («скоромер», «скоростемер», «быстромер», «скоромерник», «скоростник»), «термометр» (у Даля «тепломер»), «трансформатор» (от лат. *transformo* — преобразую) («преобразователь», «преобразовник», «перестройник»), «компрессор» («нагнетатель», «сжиматель»), «генератор» («производитель», «производ», «производник», «создатель»), «автор» («творитель», «творник»), «кондиционер» (от лат. *condicio* — условие, состояние) («условник», «уютник», «удобник», «освежитник», «освежитель»), «компьютер» (англ. *computer*, от лат. *compute* — считаю, вычисляю) («числовод», «числомер», «многомер») и т.д. Возможно, некоторые из приводимых мною слов не совсем удачны, но я оставил их с единственной целью — показать множественность путей поиска подходящего слова. Это всего лишь некоторые черновые наброски новых русских понятий, и знающие языковеды, наверное, смогли бы предложить что-то более точное, выразительное и красивое.

Здесь надо подчеркнуть, что, конечно, создание нового слова дело ответственное и заниматься этим должны люди, любящие и знающие русский язык, обладающие хорошим вкусом и имеющие некоторое чутьё в поиске нужного корня для рождения нового слова. Изучение зарубежного опыта по данному вопросу может очень сильно помочь нам в осмыслении и проведении такой работы. Нужна только наша воля. Запас русских слов огромен, но мы им не пользуемся, а для кого-то этот запас что-то вроде «затоптанного половика», по свидетельству В. И. Даля, и пользоваться им они не желают. Если кому-то вышеприведённые слова покажутся смешными, то предлагаю понаблюдать за использующимися сегодня словами. Многие привычные нам слова, если бы вводились в наш язык сегодня, у кого-то могли бы вызвать улыбку. Для примера могу назвать: (ход)а(тай)ство, (прав)о(суд)ие, истец, (ответ)чик, при(став), ис(след)ователь, в(сел)енная, (мест)о(рожд)ение, (близ)о(рук)ость, (легк)о(мысл)ие, (пут)ёвка, (двиг)атель, (круг)о(зор), (неб)ос(клон), (жив)о(пись)ь, (шип)цы, при(щеп)ка, (тел)о(хран)итель, (след)о(пыт), (вод)о(лаз), (плоск)о(губ)цы, (плоск)о(зуб)цы, (гвозд)о(дёр), (бос)о(нож)ки, (кус)ачки, от(вёрт)ка, (кат)ок, на(сос), (пыл)е(сос), (страх)овка, при(сад)ка, на(сад)ка, (взят)ка, рас(пис)ка, (оч)ки, (дров)о(сек), (дом)о(сед), (пеш)е(ход), (боль)ница, (памят)ник, вы(стрел) и т.д. Ведь кто-то эти слова придумал, и они стали общепринятыми и ни у кого не вызывают удивления.

Развитие языка и выработка новых слов этого языка — вещи неразрывно связанные. Одно без другого быть не может, ведь язык не свалился к нам с неба в готовом виде. Каждое слово имеет своего создателя в глубине веков. Каждой вещи народ давал осмысленное название. А ведь именно это и делает язык живым, сильным и самостоятельным. Поколение за поколением создавали и оттачивали своей мыслью огромное море слов, связанных между собой множеством смысловых нитей, которые соединяли и скрепляли все эти слова в единое и могучее целое. В XIX веке А. С. Шишков писал: *«Разум обогащал (язык), извлекая из корней великое число ветвей, разделяя ими обширность одной и той же мысли на многие текущие из нее рукава и истоки, и созидавая, когда можно, журчания их с легкостью для произношения и приятностью для слуха»*. Шишков был уверен, что богатства русского языка ещё не раскрыты в полной мере и ценность русского слова нами ещё до конца не осознана. Об этом он писал в одной из своих работ: *«Язык наш превосходен, богат, громок, силен, глубокомыслен. Надлежит только познать цену*

ему, вникнуть в состав и силу слов, и тогда удостоверимся, что не его другие языки, но он их просвещать может... С нашим языком, вникая в него глубже, можем мы, без заимствования корней у других, насаждать и разводить великолепнейшие вертограды». Что же изменилось с тех пор, и неужели наш разум помутился? Что мешает нам сегодня обратиться к истокам нашего языка, к его корням и увидеть в этих корнях разнообразные возможности для развития, которые сами просятся к нам в руки? Неужели боязнь насмешек настолько сильна, что нам легче отдать родной язык на откуп любителям «диверсификаций», а себя успокаивать сказками про живучесть русского языка? Но всё меньше людей подобным сказкам верят. Примеры из истории нас этому учат. Слишком многие языки погибли и исчезли с лица земли. Убить ведь можно и мамонта, каким бы могучим он ни был. Но в истории народов много и обратных примеров, когда творческое обращение к родному наследию и внутренним запасам языка принесло обильные и здоровые плоды в деле развития многих языков. В истории русского языка тоже есть такие примеры.

Очень заметный и немаловажный след в историческом развитии русского языка оставили труды святых братьев Кирилла и Мефодия. Как известно, они занимались переводом книг священного писания с греческого на славянский язык. В связи с этим, предметом их кропотливой работы стало подробное изучение основ и внутреннего богатства языка славян. Но работа эта имеет непосредственное отношение и к русскому языку, который как прямой потомок и наследник языка славянского унаследовал от него всё, что создали Кирилл и Мефодий. Не будем забывать и свидетельство летописца Нестора: «А словенский язык и русский одно есть...» Поэтому всё, что сделали Кирилл и Мефодий для славянского языка, они сделали и для языка русского. А сделали они очень много полезного. Они первыми провели большую, осознанную словотворческую работу и тем самым обогатили славянскую речь новыми понятиями, которые позволили сделать переводы с греческого языка более точными и ясными. Из славянских коренных слов Кирилл и Мефодий создавали и вводили в славянский язык новые слова, которые наполнялись новыми значениями и новыми смыслами. Эти новые слова стали основой для выражения богословской и отвлечённой мысли. Для нас примечательно то, что эти вновь созданные слова имели славянские корни и поэтому быстро стали достоянием языка всех славян. Кроме того, всё это имело непосредственное значение и для развития живого языка письменности. В связи с этим переоценить труды Кирилла и Мефодия довольно сложно.

Проделанная ими работа и сегодня поражает нас своим размахом. Эта работа свидетельствует о глубоком проникновении в саму суть славянского языка, в его внутреннюю жизнь. Кирилл и Мефодий смогли увидеть в славянском языке огромное богатство, силу и выразительность. Созданные ими слова и сегодня повсеместно звучат в нашей речи. Эти слова стали украшением русского языка: вселенная, истина, закон, сущность, существо, бытие, мудрость, премудрость, воображение, власть, целомудрие, благодарение, богословие, земледелец, совесть, творец, бездна, равнодушный, нерукотворный, сострадание, беззаконие, злодей и т.д. Их словотворческая работа не испортила славянский язык, а вдохнула в него новые силы. По сути, труды Кирилла и Мефодия вывели древний славянский язык на новый уровень. И сделали они это за счёт средств и возможностей самого славянского языка. Поэтому их труды вполне могут служить для нас примером для подражания в деле развития русского языка. Но сегодня, к сожалению, такая работа представляется многим как что-то невероятное, невозможное и даже ненужное. Такая работа подвергается осмеянию. Вспоминают всем известные мокроступы (в которых, по сути, ничего смешного и нет), как будто и вспомнить больше нечего. Вместо древнего и красивого языка мы переходим на некий обезьяний язык, суть которого заключается в повторении и запоминании иностранных слов (которые ведь тоже кто-то придумал, только это были иностранцы). Такой язык никогда не станет предметом гордости, а будет только поводом для насмешек и высокомерного к нам отношения со стороны западных народов. В этом заучивании иностранных слов можно только увидеть раблепское желание дикаря быть чем-то похожим на своего заморского господина. Довольно жалкая участь.

И в не таком далёком прошлом находились люди, которые вносили свою лепту в дело развития русской словесности. Уже упоминавшееся ранее слово «вертолёт» придумал и ввёл в наш язык разработчик этих летательных машин Николай Ильич Камов. Многие привычные нам слова получили жизнь благодаря трудам наших известных писателей и учёных. Например, благодаря работам Н.М. Карамзина в русский язык вошли слова: промышленность, влюблённость, рассеянность, будущность, человечность, трогательный, достижимый, общепользительный, совершенствовать. Вот где истинное обогащение языка! Кроме языковедов мало кто знает, что создателем многих слов, которые сегодня звучат в нашей речи, является поэт Василий Тредиаковский. Именно ему принад-

лежит создание таких слов как гласность, предмет, общество, достоверный, вероятный, беспристрастность, дальновидность. Наш великий учёный М.В. Ломоносов, прекрасно знавший латынь и европейские языки, в течение всей жизни усердно занимался разработкой русского научного словарного запаса. Благодаря его работам в научный язык были введены и получили всеобщее употребление многие русские понятия и выражения: опыт, наблюдение, явление, созвездие, притяжение, частицы, маятник, чертёж, плоскость, рудник, насос, кислота, преломление лучей, равновесие тел, нелепость, тленность и т.д. Он сам делал переводы научных понятий на русский язык и создавал новые ёмкие слова для ясного и точного выражения научной мысли. В русском языке Ломоносов видел «природное изобилие, красоту и силу...», не уступающие ни одному из европейских языков. Он постоянно говорил о пагубности и вредности засорения русского языка иноязычными словами и научный язык стремился сделать точным, ясным, доступным и понятным любому человеку. В этом он видел залог более быстрого и успешного развития наук в России. Ломоносов писал: *«И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нём искусству приписать долженствуем. Кто от часу далее в нём углубляется... тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море»*. Почему мы сегодня отвергли тот путь, который указал нам наш великий соотечественник? Если наш язык располагает возможностями для создания нового слова для замены непонятного иностранного названия, то почему этим не воспользоваться? Ведь если мы создаём новые русские слова, то этим мы сохраняем лицо языка, его тождественность самому себе и показываем его гибкость, богатство и разнообразие. При этом древо нашего языка, питаясь от родных корней, даст новые молодые побеги, увеличивая всю крону мощного дерева — а это и есть развитие.

Но подчас для развития родного языка нам даже и изобретать ничего не надо, а надо просто открыть словари древнерусского языка, наши летописи, своды законов и приказы наших государей и брать оттуда уже готовые слова. Выше я уже говорил, что сербы вместо английского «президент» (President — председатель) используют своё слово — «председник». Мы для наименования главы государства могли бы использовать прекрасное древнее русское слово «предстоятель» (тот, кто поставлен первым лицом государства и кто предстоит пред всем народом в управлении страной) и к этому слову, я уверен, привыкли бы так же быстро, как, напри-

мер, к «государственной думе». Словом «предстоятель» именуются главы православных церквей, но это слово вполне подходит и для наименования главы государства, так как предстоять в чём-либо можно в духовном и нравственном смысле, а можно и в чисто мирском служении народу и государству. Кроме того, в древности словом «предстоятель» именовался старшина или глава общины, племени. О необходимости и важности использования наследия древнего славянского языка неоднократно писал и М. В. Ломоносов: *«Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного Славенского языка купно с Российским отвратятся дикие и странные слова-нелепости, входящие к нам из чужих языков... и Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится...»* Сегодня мы отчётливо видим всю правоту и злободневность мыслей, высказанных нашим великим учёным.

В заключение хочу привести слова нашего великого составителя словаря русского языка В. И. Даля: *«В ком нет убеждения в надобности **очищать** язык и **изгонять** искажения его, кто не сознаёт за собой этого **долга**, кто будучи писателем, не задаётся этою **задачею** — тот был на веку своём легкомысленным пособником **худому** делу, а чем далее **равнодушие** и **неряшество** это будет господствовать, тем тяжелее будет против рожна прати»* (выделено мной. — **В.К.**).

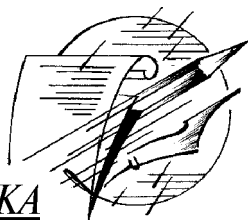
ВОЗРОДИТСЯ ЛИ ОРЕНБУРГСКОЕ ЧУДО?

Будучи по командировочным делам в предзимнем Оренбурге, случайно попал на фестиваль оренбургского пухового платка «От матери — дочери». Привела меня туда — в Центральный выставочный зал области — директор местного книжного издательства «Димур» Зинаида Мурашко, загодя подарив преогромную книгу-альбом о рукотворном чуде оренбургских пуховязальщиц. В многолюдном зале мелькали знакомые лица журналистов, писателей, депутатов, работников мэрии и областной администрации, вальяжно прохаживались туда-сюда знатные и совсем юные мастерицы-вязальщицы в накинутых на плечи белых ажурных «паутинках».

Не совсем понимая цели мероприятия, собравшего столь представительную публику, я обратился к его организаторам.

— Цель фестиваля? Возродить славу нашего некогда знаменитого оренбургского пухового платка, — пояснила мне председатель жюри фестиваля Нина Ивановна Елманова. — Не берут, не покупают его теперь...

Неужто?!.. Но когда и почему песенный платок утратил свою былую все-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

мирную славу? Даже в самом Оренбурге достать его, помнится, было непросто. На фабрику и комбинат оренбургских пуховых платков шли отовсюду тысячи писем-просьб. Платок кое-кому высылали лишь в порядке исключения. Платками особого художественного достоинства чествовали героев и ударников труда, композиторов, выдающихся спортсменов. 90-летняя мастерица Наталья Андреевна Победимова, связав пуховый платок сказочной красоты, послала его с теплым письмом руководителю компартии и страны Л.И. Брежневу. В телеграмме Леонид Ильич выразил восхищение великолепным искусством «непобедимой возрастом Победимовой», пожелав здоровья, счастья ей и крепости её золотым рукам.

Свои чудесные платки Наталья Андреевна дарила тому, кто неустанно боролся за мир. Среди них Валентина Терешкова, героиня вьетнамского народа, лауреат Международной премии «За укрепление мира между народами» Нгуен Тхи Динь, писатель Борис Полевой...

Мне тогда посчастливилось встретиться с Победимовой. Когда Наталья Андреевна показала свои белоснежные ажурные платки-«паутинки», я замер безмолвно, и в комнате, кажется, все замерло. И стало тихо, как в музее. Я смотрел на чудо-платки и чувствовал, как глаза мои влажнеют от радости и восторга. Я склонился перед Натальей Андреевной и поцеловал ее маленькие сухие и теплые руки.

— Платок хороший связать — не блин испечь. Помимо умения и любви, особое терпение да пух добрый надобны, — рассуждала старейшая рукодельница. — А некоторые вязальщицы, особенно молоденькие, шибко поспевают ныне. Запрядут две шленки абы каким пухом и давай вязать на скорую руку. Для базара, слышь, и эдакие платки сойдут. А совесть-то где?

Уже в те 80-е годы прошлого века, годы расцвета оренбургского пуховязального промысла звучали эти грустноватые размышления Победимовой, в которых слышалось тревожное предчувствие назревающих проблем, вставших сегодня во весь свой катастрофический рост: платки не берут, не покупают!

— Почему?! — спохватились в Оренбуржье, и вот зашевелились, искать начинают выход из бедственного положения, в котором оказался славный народный промысел.

А начинать нужно, на мой взгляд, с пуховой козы. Ведь славой своей оренбургский пуховый платок во много обязан не только талантливым мастерицам-вязальщицам, но и многогранному искусству козоводов. Начешут хорошего пуха —

значит, и платки получатся хорошие. Из плохого, «бедного» пуха даже опытная рукодельница не свяжет добрый платок.

На земле много коз различных пород, и живут они почти на всех материках, за исключением северных. Белая безрогая швейцарская, маленькая аспидно-черная африканская, крупная, грациозная с белоснежной шерстью ангорская, горбоносая грубошерстная нильская, приносящая за один окот до пяти козлят и дающая до восьми литров молока в день, безрогая с белой длинной шерстью альпийская, молочная немецкая...

Но все эти козы лишены одного из замечательных достоинств козы оренбургской: у них нет такого пуха, как у нее.

К оренбургской козе издавна проявляли жадный интерес деловые люди за рубежом. Дороговизна товаров из козьего пуха побудила их создать по примеру оренбургского промысла свою пуховязальную промышленность.

Например, в начале XIX века козий пух, закупленный в оренбургском крае, направлялся для переработки во Францию, где фирма «Боднер» выпускала красивые шали под названием «каша». Фирма получала баснословную прибыль. Примерно в эти же годы английская фирма «Липнер» организовала крупное предприятие по выработке пуховых платков серии «имитация под Оренбург».

Заготовка и перевозка пуха за тысячи километров обходилась заморским бизнесменам дороговато. И они нашли выход: зачем завозить пух, лучше привезти коз, то есть приблизить к себе сырьевую базу. И вот оренбургских коз стали скупать и увозить в Англию, Францию, Южную Америку, Австралию...

Особую предприимчивость в этом деле проявили французы. В архивах Французского национального общества акклиматизации имеется документ, подтверждающий, что по поручению французских предпринимателей за кашмирскими козами в Россию отправился известный востоковед, преподаватель турецкого языка в Париже Жубер. В 1818 году он прибыл в Одессу и разузнал, что между Оренбургом и Астраханью живут казахские племена и держат пуховых коз — подлинных потомков кашмирских, которые через Бухару пришли в эти степи с Тибета. Жубер внимательно исследовал пух оренбургской козы, убедился в замечательных свойствах и закупил 1300 коз-кашмирок, как называли тогда породу за границей.

Эту огромную отару пригнали в Крым и на корабле отправили в Марсель. Долгое плавание в душных и тесных трюмах выдержали только четверста коз и всего несколько коз-

лов. Однако французы горячо взялись за дело. За оренбургскими козами был налажен заботливый уход, их холили и бергли, как самых уникальных заповедных животных.

Но, несмотря на все старания, козы стали безнадежно терять свои пуховые качества. И в течение нескольких лет превратились в обычных коз. Не прижились они и в Англии, и на прекрасных пастбищах Южной Африки, и в горных лугах Домбая.

И все наконец поняли: для созревания пуха нужны не только благодатные горные луга, но и особые климатические условия. Оренбургская коза лишь в Оренбуржье имеет свойства пуховой.

...Километрах в трехстах к востоку от Оренбурга находятся Губерлинские горы — средоточие ценных пуховых коз.

Удивительны они, эти горы! Гигантскими синевато-зелеными волнами бегут друг за другом, могуче громоздятся, стелкаясь, будто безбрежный океан замер на миг и окаменел в самый разгар штормовой ярости.

Диковатая природа: синевато-перламутровые скалы в легких поясах тумана, увалы и ущелья, поросшие разнолесьем, просторные долины с рошицами берез и ромашковыми лугами, и всюду — закрой глаза и прислушайся! — дремотный звон родниковых ключей. Прекрасные места для пастбищ!

Зимой здесь яркое солнце, ядреный морозный воздух, студеные метели... И должно быть в защиту от лютого зимнего холода и немилосердной жары растет на козах подшерсток, пух — то самое сказочное руно, из которого вяжется знаменитый оренбургский пуховый платок.

Пух оренбургской козы обладает выдающимися качествами: он эластичен, легок, нежен, у него низкая теплопроводность.

По тонине и шелковистости он не уступает пуху лучших пуховых пород кроликов, а по крепости и растяжимости превосходит знаменитую мериносовую шерсть.

В общем, такой уникальной драгоценной породы коз нет во всем мире. А там, где она есть как самодостаточный изумительный дар природы, ее не ценят, не берегут: в Оренбуржье только за последнюю четверть века количество пуховых коз сократилось втрое. Убавилось сырье — подорожали платки, затруднился их сбыт. Не решается и такая давняя проблема: во всех отчетах ценные пуховые козы и обыкновенные овцы не дифференцированы (для удобства статистики!). Пух и шерсть учитывается вместе. Нет контроля за структурой сырья, качественным его составом, хороший или плохой пух — это плановикам без разницы. В специализированном

племенном совхозе «Губерлинский», как и в соседних овцеводческо-козоводческих хозяйствах замерла селекционно-племенная работа, слаба материально-техническая и кормовая база, специалисты не обеспечены служебным транспортом, добраться до чабанских стоянок крайне сложно, а в зимнее время едва ли возможно.

Скоротечное увядание славного народного промысла федеральные и областные чиновники объясняют так: «Дело не в ухудшении козоводства, просто в народе прошла мода на пуховые изделия, несовременны они теперь».

— Неправда это. Платок наш не для моды, не для забавы-утехи изготавливается. Он тепло людям дает, здоровье бережет, красотой веселит. Он как хлеб — никогда не надоест, — считает опытная вязальщица Александра Зотовна Апарина.

Аналогичны рассуждения знатной мастерицы Анастасии Никифоровны Копенкиной из рабочего поселка Саракташ:

— Платки на потребу жизни вяжутся. И тут всё аукается: и какую пряжу сготовишь, и как природу знаешь, и как село родное любишь, и как предков чтишь... Вспомнить, какие тут мастерицы жили! А что такое — вспомнить рукоделье ихние? Это как бы заново у них поучиться. Такое наше ремесло — новое из старого растет. От матери — дочери, от бабушки — внучке.

Долги зимние вечера. Сойдемся так-то в избе, у кого попросторнее, сядем за спицы и давай каледовать, песни тихие петь, сказки да истории всякие рассказывать. И о Пугачеве, и о Пушкине, о Чапаеве, о Юрии Гагарине вспомним. Все они тут, на земле оренбургской, бывали. Про каждого песни или истории сложены. Вот начни вспоминать их, рассказывать, а душа-то и растет, поднимается. А какова душа, таково и дело в руках, — рассказывает Надежда Никифоровна Гнетова о творческих буднях своих подружек вязальщиц-надомниц, рабочим цехом которых служит обыкновенная крестьянская изба.

Да, многое нужно вязальщице вобрать в себя для того, чтобы сперва ее сердце, а затем и руки созрели для чудесного творчества. Оренбургский платок хранит в себе не только нежное тепло пуха, из каждого проглядывает душа его создательницы. И хотя вязальщицы пользуются в общем-то одним традиционным набором узоров, у каждого платка свой мотив, свое очарование.

Конечно, оренбургский пуховязальный, как и всякий другой народный промысел родился не вдруг, не в каком-то определенном году, и, конечно же, не заложен той или иной личностью, а создавался вековым трудом народных мастериц.

Не сразу пуховый платок стал таким красивым, добротным, изящным. Столетиями шло накопление художественных приемов вязания, рисунков, мотивов, манер, сюжетов. Все удачное, оригинальное, привнесенное в это рукодельное ремесло тысячами искусных вязальщиц, развивалось и закреплялось, все вычурное, случайное отпадало.

Каждая местность, где живет и трудится мастерица, накладывает на платок свои знаки самобытности. Саракташских вязальщиц, к примеру, можно определить по орнаменту платка, в кайме которого обычно чаще всего «пшенка» и «кососядки» применяются, бузулукские мастерицы «елочки» по кайме пускают, а у переволоцких пуховниц, что живут в безлесном районе, орнамент облегчен, «разгружен», середина платка легкая, не загромождена.

В тридцати шести районах Оренбуржья — десятки династий искусных пуховязальщиц. Имена многих из них звучали с трибуны областного фестиваля пухового платка «От матери — дочери». К сожалению, матерей в шумной толчее праздника были единицы. Одних не стало, другие не смогли приехать издалека, основная же масса опытных мастериц нынче наглухо замкнулась в своем надомном бдении, отвернувшись от общественного труда на производстве, где перестала получать материализованное внимание. Да и как и кто окажет его, если Оренбургский комбинат пуховых платков давно уже, лет пятнадцать тому назад, развалился под ударами рыночной стихии.

Объединял он двадцать производств, находившихся в основном в сельских районах. Четыре тысячи мастериц-надомниц изготавливали в год более 35 тысяч платков ручной вязки. Как всякое предприятие местной промышленности комбинат работал по плану, имея госзаказ. У рынка же главный критерий оценки любой деятельности — прибыль. Есть прибыль — живи, действуй, нет — сворачивай проигрышное дело. Начались на комбинате перебои в поставках сырья, затем огорчила реализация: лишившись госзаказа, комбинат столкнулся с проблемой сбыта продукции. Платки начали скапливаться на складах. Вязальщицы подолгу оставались без зарплаты.

Большой разброд в их сознание внесла пропаганда индивидуального предпринимательства. Поначалу многие ринулись в личный пуховязальный бизнес, но вскоре же попятнулись: мастериц такими налогами охомутали, что некоторые забросили свое ремесло, а если и возобновляли пуховязание, то для базара. Ну а для базарной торговли можно было и не особо-то заботиться о соблюдении традиционных парамет-

ров и художественных достоинствах платка, все стремления и даже ухищрения вязальщицы стали сводиться к тому, как побыстрее и подороже бы его продать.

Я посетил вещевого рынок, расположенный на восточной окраине города... Прошел вдоль рядов пуховязальщиц, недвижно стоявших с развернутыми на руках ажурными и теплыми платками, шарфиками и шапочками, и взгрустнул: связаны платки по принципу: кто как сумеет, кто во что горазд. Одни платки излишне, как-то вульгарно распушены, другие покрашены в ярко-зеленые, розовые, фиолетовые и прочие тона, будто для эскимосов сготовленные.

Встречались и добротные, истинно оренбургские платки. Но очень редко. Непросто было разглядеть их среди сотен подделок. Имитации предлагались на каждом шагу.

Да ведь и платок, изготовленный с помощью машин на Оренбургской фабрике пуховых платков, тоже всего лишь высокий образец имитации. Я много раз бывал на фабрике и всякий раз покидал ее с двойственным чувством. Радовал технический прогресс: самую грязную работу — рыхление, очистку и мойку пуха — отдали машинам, распрямились спины вязальщиц... Однако удручило поспешное вторжение техники в живое творчество, скоростные методы изготовления платков — более миллиона штук в год!

Меня настораживал, угнетал шум механизмов в цехах фабрики, он как бы распугивал привычные представления о неспешном труде пуховязальщиц. Своими опасениями поделился однажды с технологом-оператором Ираидой Григорьевной Обуховой. Мы долго горячо спорили, в равной мере озабоченные судьбой промысла.

— На создание одного платка мастерица затрачивала 230—250 часов ручного труда, теперь с помощью машин она вяжет 15—17 платков за смену! — с гордостью вразумляла меня Обухова. — Машине можно задать любой сложный рисунок, созданный фантазией и рукой вязальщицы. Затем он наносится на жаккардовую бумажную карту в цифровом выражении, а карта строго обеспечивает создание заданного рисунка в материале.

— При такой скоростной механической вязке некогда думать о качестве, о художественных решениях, — разочарованно заметил я.

Ираида Григорьевна лишь отчасти соглашалась со мной. Да, конечно, рассуждала она, не все фабричные изделия поднимаются до уровня художественных. Чего греха таить, стандарт хорош, но не в творчестве. Однако в пуховязальном деле стандарт можно в какой-то мере рассматривать и как инст-

румент совершенствования, как распространение лучших образцов мастерства. В качестве стандарта берется только то изделие, которое наиболее полно отвечает эстетическим, техническим и художественным требованиям. Ведь стандарт — не шаблон, а выбор лучшего, образец подражания, плод долгих исканий многих талантливых мастериц. Красоту их изделий тиражирует машина.

Орнамент пухового платка — это тоже своего рода стандарт, состоящий из художественных элементов, которые повторяются в разнообразных вариантах и сочетаниях. Эта технологичность процесса и дает мастерице-пуховязальщице возможность часть своего труда перекладывать на машину, ставить перед ней разные задачи.

И все же, уверял я, пуховый платок, связанный на машине, нельзя считать уникальным, то есть единственным в своем роде. Уникален он лишь в момент начальной стадии, когда находится в руках вязальщицы. Она создает узор, орнамент платка-образца, который машина тиражирует в тысячах копий. Но разве допустим эталон в живом творчестве? Оригинал всегда ценнее всякой копии.

Сколько народных промыслов перестали жить после опрометчивых «мероприятий» с расчетом на конвейер, на прибыль! Взять, к примеру, грустную историю уральского подносного промысла. Все началось с мастерового человека Андрея Худоярова. Открыл он секрет уникального лака. Был этот лак прозрачен и тверд, как стекло. Вот этим «стеклянным» лаком и покрывались яркие золотые росписи на подносах. Худояровы, отец и три сына, открыли в Нижнем Тагиле промысел. Слава о чудо-подносах обошла всю Россию. Мастера дорожили и гордились своим ремеслом, каждый поднос расписывался долго и искусно, представлял собой оригинальный образец народного творчества. Промысел быстро расширялся. Подносы шли нарасхват. Этот успех побудил ускорить их выпуск. Поначалу упростили росписи. Но этой меры показалось мало. Ввели трафарет. И давай штамповать! Лихо дело пошло. Подносов стало больше, а интереса к ним — меньше. Худояровский поднос-картину теперь ищи в запасниках уральских музеев...

Подобное может случиться и с оренбургским платком, если уникальное дело свести к штамповке. Конечно, платков станет больше, возрастет и прибыль. Но... надолго ли продержится спрос на стандартные обезличенные изделия, платки-копии, платки-прототипы? С этим тревожным вопросом я давно, еще в доперестроечные годы, со страниц областной («Южный Урал») и центральных газет («Правда», «Извес-

тия») обращался к руководству фабрики и министерства местной промышленности республики, но остановить «процесс индустриализации промысла» не удалось. Фабрика продолжала закупать станки и расширять свою производственную площадь. Был построен еще один корпус и выпуск платков увеличился на четверть миллиона штук в год. Переходящие красные знамена, грамоты, ордена — славный коллектив фабрики благоденствовал. Донимала его лишь одна, обострявшаяся с каждым годом, проблема — нехватка доброкачественного оренбургского пуха. Сырьевая база начала отставать от производства.

Но станки должны работать! И вот к местным поставщикам и в Госнаб республики фабрика шлёт тревожные телеграммы.

И находит сочувствие, помощь: получая-таки требуемые на год 400 тонн пуха. Но две трети этого сырья составил джебатный пух, низкосортный, сборный, монгольско-алтайско-волгоградский. Он был непригоден для изготовления платков, соответствующих ГОСТу. Но что делать? На безрыбье, говорят, и рак рыба. Джебатным пухом загрузили почти все вязальные машины. Пришлось, подсократить лишь ассортимент самых лучших изделий.

А в эти же годы дефицитный оренбургский пух стал появляться в других регионах страны. В Барнауле, Пензе, Казани, Кустанае, в подмосковном Щелкове приобрели пуховязальные станки-автоматы с готовыми жаккардовыми картами. На которых узоры, созданные фантазией и рукой вязальщицы, выражены в цифрах. С помощью этих программных устройств, проще сказать, трафаретов и начали тиражировать заимствованную красоту.

Неудивительно поэтому появление на рынках и в магазинах Москвы, других городов платков из козьего пуха, изготовленных в Мордовии, Грузии, Башкортостане... Но удивляло, озадачивало то, что единственный в стране Оренбургский пуховязальный промысел с вековыми традициями, кадрами и заслуженным авторитетом не обеспечен сырьем, своим «родным» пухом, который транжирился повсюду. Я продолжал «бить в колокола» в газетах и журналах, приглашая в соавторы ученых и знатных мастериц-пуховязальщиц. Памятны мне размышления Натальи Андреевны Победимовой:

— Суди меня, сынок, не суди, но я тебе так скажу: машина рукодельем нашим никогда всевластно не овладеет. Вот дочь, Клавдия, в Пензе недавно гостила. В одном магазине пуховые платки на прилавке лежат. Тошние, плохонькие, машинные. На этикетке надпись: такая-то артель инвалидов со-

стряпала их. Может, вчера они сапоги шили, а нынче за платки взялись. А трудно ли уразуметь, что корень ремесла в краю нашем оренбургском... Сколько веков вынычивали его наши бабушки и прабабушки, сколько души вложили! И моя жизнь, все девяносто годов, на платки ушла... Да разве найдется такая машина, чтобы все это нашенское в себя вобрала и с собой в другие края перенесла?

Не найдется! Механизмы придали работе скорость. Но они бессильны вдохнуть в изделие огонь, что горит в душе художника.

Увы, мудрые прогнозы Натальи Андреевны с годами начали сбываться. Лишенный привычного и здорового питания, государственных дотаций зачах, перестал существовать Комбинат оренбургских пуховых платков, а ныне и мощнейшая фабрика их машинного изготовления все громче подает сигналы SOS: буксует реализация продукции, тают оборотные фонды, замаячила безработица...

И вот наконец озаботились в Оренбуржье, встревожились, наказанные собственной беспечностью и неразумием. Начинают, кажется, понимать: не количество вязальных станков-машин нужно увеличивать, а стадо уникальных коз, да мастериц ручной вязки заботливо растить, ибо она, рукодельница, — опора промысла, носитель его творческой силы, художественного опыта, вековых традиций.

«От матери — дочери» — под таким мобилизующим девизом отзвенел в Оренбуржье фестиваль оренбургского пухового платка. То был первый жест просыпающейся тревоги за судьбу гибнувшего у всех на глазах знаменитого художественного промысла. Конкурсантам — призы, грамоты, дипломы. А еще бы, возмечталось мне, всем участникам фестиваля вручить бы как приглашение к действию памятку со строками из писем, которые недавно, два-три десятилетия назад, шли на фабрику со всех концов страны.

Вот строки из письма ленинградки Тамары Шевченко.

«Оренбургский платок. Сколько лет я жду, когда он появится в магазинах нашего города, надеялась выиграть его по лотерее, но нет и нет. Я знаю, что просьб, подобно моей, у вас тысячи. Пишут вам знаменитые люди. А моя мама ничем не выдающаяся женщина, имеет всего одну медаль «За оборону Ленинграда». Но коленопреклоненно прошу вас помочь отблагодарить мою милую маму. Она уже совсем старенькая, прибалывает, и я боюсь опоздать исполнить ее давнюю мечту».

А вот еще письмо из тысяч подобных:

«Когда исполняется песня об оренбургском пуховом платке, мы видим, как мама тайком утирает слезы. Скажите, что

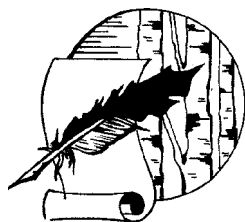
нам сделать для вас, дорогие оренбургские пуховязальщицы, чтобы вы не оттолкнули нашу просьбу и помогли нам купить для мамы пуховый платок?!

Как ей было нелегко вырастить и воспитать нас семерых. И как ей приятно будет получить от нас песенный оренбургский пуховый платок! Мы не стали бы тревожить вас, если бы могли достать его в магазине или на базаре. Но увы. Помогите!

Валя, Лида, Таня Коноваловы, г.Корсунь-Шевченковский».

«Славные мои подруги! Всех бы вас обняла и расцеловала, да жаль, что далеко находитесь, — уведомяла из Перми пенсионерка Ольга Прокофьевна Третьякова. — Вчера сын, Миша, принес ваш платок. Покрыла я им голову и, верите, расплакалась от счастья. Во сне не снилось, что когда-нибудь придется носить такую прелесть...»

Прочсть бы эти строки мастерицам-вязальщицам и всем оренбуржцам да новыми глазами взглянуть бы на пуховый платок — историческую художественную ценность, гордость, визитную карточку края, прочувствовать вчерашние упущения, промашки и всколыхнуться в патриотическом радении, вернуть промыслу крылатую славу, его пошатнувшийся вселенский авторитет.

Сергей ХОМУТОВ

МЕЖДУ БУДУЩИМ И ПРОШЛЫМ

* * *

Назвать бы попросту судьбою,
Но снова не постичь умом,
Что вижу я перед собою
И нахожу в себе самом.
Уже как будто две России:
Одна — в салонах и дворцах,
Другая — мужики «косые»
С тоской тяжелою в глазах.
И здесь и там свои законы,
Свои законные вожди,
Но только разные иконы,
Да и дороги впереди.
И так всегда, пожалуй, было
С моей трагической землей —
То по цветам ее делило
Какой-то странной волей злой;
То по влюбленности в Европу;
То по размеру кошелька;
То по одежке: этим — робу,
Тем — важный отблеск пиджака.
Когда ж они в одну сольются,
Две разделенные страны,
И вместе радостно упьются
Иль будут трезвости полны?
Когда удастся обнаружить,
Что приоткрылась благодать?
Но это вам не стены рушить,
А души... души возрождать.

* * *

Всем законам людским вопреки,
Как по умыслу сил озверелых,

Многие реже сейчас улыбаются,
Тень отчуждения на лицах усталых,
Всё безысходней старушки сгибаются
Над кошельками в базарных развалах.

Что эти женщины думают грустные,
Что вспоминают, коль память осталась, —
Трудно сказать,
наши рынки нерусские
Видом одним загоняют в усталость.

А мужики поутру собираются
На партсобрания времени нового,
Ну и к обеду уже нажираются —
И разговоров, и зелья хренового.

Время тревожное.
Племя заблудшее.
Хоть бы дожить до весеннего лучика...
Жалко старушек, что видели худшее,
Да ребятишек, не знающих лучшего.

* * *

Неужто жили зря Гомер, Софокл, Плутарх?
Тургенев и Толстой томятся одиноко...
Читает ли в тиши Лескова олигарх,
Берет ли президент за полночь томик Блока?

Вздыхает ли банкир над пушкинской строкой?
Чем вечным зажжено чиновничество наше?
Мне трудно дать ответ,
но, если мир такой,
Всё ясно без того,
понятно слишком даже.

Утрачены навек счастливые миры,
Мы со всего навар собираем и сдираем.
Всё явственней уже мне видятся костры,
В которых книги жгут,
в которых — мы сгораем.

Павел ЯВЕЦКИЙ

У ОКРАИННЫХ СЕЛ

* * *

Вечер вскружил незаметно,
в двери, помедлив, вошел...
Тихо живут, неприметно —
люди окраинных сел.

Ходят по вечному кругу
древних житейских забот,
клянясь полю и лугу
каждый отмеренный год.

Ветры клянут, суховеи,
ждут, словно манны, дождей...
Кровным наделом владеют
будто Вселенною всей!

Сжились: работа, работа,
сорок починов на дню! —
до тридесятого пота...
Я их за то и цену.

Мудрость великую знают,
в генах ее затая:
жизнь их — опора земная,
и жизнестойкость моя!

* * *

Оборвав недолгий путь,
тропку скарауля,
обожгла солдату грудь
снайперская пуля.

Звякнул дужкой котелок
(мерка влаги вешней).
Кто-то охнул: — Э-эх, браток —
как же так, сердешный?!

Не допел-договорил,
не изведал муки...

Сок березовый пролил
на лицо и руки.

В полдень, в громе батарей,
там, где холм изрытый —
ползал рыжий муравей
по щеке небритой.

СТАРЫЙ КОЛОДЕЦ

Грубой клепки бадья,
сруб замшелый колодца.
Заглянул, проходя,
а на дне его — солнце.

Я тяну его вверх,
налегаю на ворот,
а оно сверк-посверк —
нестерпимо для взора!

И напрасны труды
добираться до донца —
не избыть здесь воды
и не вычерпать солнца...

КОНЬ

Когда заря едва забродит,
когда роса как угли — тронь! —
в дегтярный омут ночи входит
храпя, пофыркивая, конь.

И капли падают отвесно,
и никого в округе нет..
Губой, истерзанной железом,
он цедит звездный сок планет.

В этой рубрике мы публикуем подборку материалов, объединенных одной темой: попыткой разрешения наиболее важного вопроса, стоящего перед страной в настоящее время, — русского вопроса. Сколько бы власть ни закрывала на него глаза и ни уходила от ответа на него, жизнь самым жестким образом заставит его решать, т.к. от этого вопроса зависит само существование России

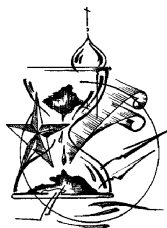
Леонид ИВАШОВ

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС — РУССКИЙ

Что происходит в России и с Россией? В геополитическом измерении нынешняя Российская Федерация — это третьеразрядное государство с огромной территорией и колоссальными природными ресурсами, но не обладающее каким-либо значимым влиянием на ход мировых событий в глобальной политике, экономике, духовной сфере, культуре, социальной структуре международного сообщества.

Впервые за последние 300 лет официальная Россия потеряла или оттолкнула всех своих союзников, не влияет на формирование мироустройства и выступает лишь в качестве мейнстрима-посредника, то продавая сербов фашистскому блоку НАТО, то палестинцев — Израилю, то Ирак — нефтяным компаниям США. Торгуем даже братьями белорусами. Российская Федерация практически выпала из системы мировых цивилизаций и пытается подражать одной из них.

Избранная режимом Ельцина и продолжаемая ныне внешнеполитическая цель и стратегия встраивания Эрэфии в западное сообщество, в совершенно для нас инородную, эгоистическую, антидуховную потребитель-

РУССКИЙ ВОПРОС

скую среду — гибельна и для народа, и для государства. Россия — традиционно универсальная нравственно-правовая система, культурное пространство, где самым великим богатством является духовность и соборный интеллектуальный потенциал миллионов творчески мыслящих людей. И этот уникальный мир сегодня загоняют в ареал бытия другого типа, в рационально-правовую, бездуховную, безнравственную систему.

По сути, нас принуждают сменить свой код русской цивилизации, коим является совесть, на западнический, где смыслом жизни являются лишь выгода и материальное благополучие. Эта стратегия разворачивает нас не к Господу, а к мамоне. Нас принуждают отказаться от традиций и ценностей, которые по крупицам, напряжённым трудом, пролитой на полях сражений кровью и добытой в боях славой собирали, возвращали и обретали сотни предшествовавших нам поколений русов. Нас перемальвают в биороботов, лишают национальной памяти, культуры, истории, гордости, права быть русскими. Российская Федерация перестала быть центром большого русского мира, русский народ оказался самым многочисленным разделённым народом на планете. И всё это ради того, чтобы нынешняя так называемая элита «россиян» полюбились Вашингтону, Тель-Авиву, Брюсселю.

На официальном уровне, в средствах массовой информации только и слышишь об успехах российской экономики, об огромном профиците бюджета, росте ВВП и т.д. Но вот реальные показатели, которыми оперирует ООН: по продолжительности жизни, уровню здравоохранения, уровню социального положения большинства населения мы в ряду вымирающих африканских стран. По качеству человеческого потенциала, который измеряется уровнем образования и культуры, РФ на 62-м месте в мире, а по уровню борьбы с коррупцией — и вовсе на 126-м из 159 обследованных стран планеты.

Если в чём и «лидирует» Российская Федерация, так это в истреблении людей, в первую очередь русских (от насилия ежегодно гибнет свыше 150 тыс. человек), в объёмах похищенных и вывезенных за рубеж финансовых ресурсов, в наращивании долларовых миллиардеров, в невиданной по масштабам целенаправленной криминальной иммиграции в нашу страну, сравнимой с переселением народов.

Можно приводить массу других цифр, наглядно подтверждающих, что против русского и других коренных народов России все 20 последних лет проводится политика тотального геноцида — сознательного истребления с целью освобождения территории.

В чём причины великой драмы? Определим корни охватившей нас беды — найдём и рецепт выздоровления.

На первый взгляд первопричиной видится то, что мы, народ, не на тех лидеров сделали ставку, попустительствовали вору, проявляли политическую пассивность, позволили надуть себя при приватизации и отнять природные и иные богатства, а затем захватить и власть.

Да, действительно, ельцинская команда, одурачив нас всех, разрослась не только до общероссийского уровня, но и претендует на статусное место в глобальном криминальном кагале. Действительно, реальную власть в стране осуществляет олигархат, опирающийся на созданную им разветвлённую систему коррупции в политике, экономике, управлении и на силовой (в основном этнический) криминал. Все ветви власти возглавляют люди непрофессиональные, а правительство вообще представляет собой театр абсурда. По-моему, министры отбираются в правительство по принципу наименьшей пригодности.

Да и с властью в целом у нас уникальная ситуация. Практически везде в мире в руководстве государств стоят пронациональные силы и партии. И только у нас в госструктурах доминируют западники, либералы, монетаристы, для которых национальные интересы вторичны.

Выдающийся американский экономист Л.Ларуш утверждает: «Именно рост населения страны, а также рост плотности населения на территории является единственным достоверным показателем той или иной политики». Сокращающееся миллионными шагами население, пустеющие огромные пространства и есть оценка политики нынешней российской власти.

Но всё это следствие. А причина же состоит в том, что разорван и поделён по странам и территориям державообразующий русский народ. Русского народа как цельного духовно-политического и социального образования сегодня нет. Его заменило население, электорат, множащиеся политические партии, движения. А народа, повторяю, нет.

Русский — это ведь не просто национальность, это сопричастность с великим духовным миром — Святой Русью, с её православной традицией, особой исторической миссией, предначертанной Господом. Русский по православному духу — это гораздо серьёзнее, чем просто русский по крови. Как точно сказано: родиться русским мало — русским надо ещё стать.

Сегодня западный мир стремится захватить или поставить под контроль наши территории, ресурсы, властную элиту. Наши богатства воспринимаются Западом и инородными

внутренними силами как военная добыча, доставшаяся победителю в «холодной войне». Но главная их цель — разрушение русского духовного пространства, способного соединить в глобальную цивилизацию многие народы и нации мира, предложить иной, нежели западнический, путь развития, иную философию жизни — взаимодействие, а не столкновение цивилизаций.

У русских большой исторический опыт: восточновизантийская, православно-славянская, евразийская цивилизации и, наконец, мировая социалистическая система. Всё это строилось на основе нашей традиции, православной веры, открытой и доброй русской души. Поэтому главный фронт борьбы за Россию — духовный. Русская победа будет заключаться в том, что Россия сохранится как русская православная держава и сохранит систему своих духовно-нравственных целей и ценностей. А историческим поражением России будет утрата ею своей русской идентичности, национальной русской основы. Сегодня борьба идёт не за территорию, не за ресурсы, борьба идёт за наши души. Наше национальное сознание — вот основное поле битвы.

Эта война идёт давно, но самая её активная фаза, после инородческого террора начала XX века, пришлось на последние 20 лет, и мы, русские, опять терпим поражение, а следовательно, терпят поражение и все коренные народы России, входящие в орбиту русской цивилизации. Терпят поражение православно-славянский мир и близкие нам по духовности нации.

Рухнула та значительная часть общечеловеческой цивилизации, которую именовали духовно-общинной, социально справедливой, соборной. Всё это миростроение держалось на русской основе, русском миропонимании, русском миропринятии. И теперь наш противник пытается разрушить остатки русского самосознания, уничтожить окончательно русскую православную идентичность.

В чём же проявляется наше поражение?

1. Нашему противнику удалось лишить государство этнополитической основы русского фактора как государствообразующего и державноответственного компонента системы государство — общество.

2. Почти завершено построение государства с ярко выраженной антирусской властью, полиэтнической, многоконфессиональной основой, что закреплено Конституцией 1993 года.

3. Законодательно запрещено создавать политические партии и движения по национальному признаку, прежде всего для русских.

4. Систему морально-нравственных норм и правил, присущих русской цивилизации, интенсивно заменяют нормами материально-правовой системы, свойственной странам так называемого «золотого миллиарда», причём в худшем исполнении и при возмутительной коррумпированности правоохранительных структур и палат Федерального Собрания.

5. Все сферы жизнедеятельности общества, в том числе культура, наука, образование, семья, переводятся в режим материально-рыночных отношений.

Метастазы материальной выгоды проникают даже в лоно Церкви.

Случилось это потому, что удалось разрушить национальное русское самосознание, дискредитировать идеологию русского национализма. А, как известно, без национализма не бывает национальной идеи, не существует самого народа. Национализм выступает главным мотивом объединения в нацию, народ. Поэтому главный российский вопрос, требующий незамедлительного решения — это национальный русский вопрос.

От решения этого вопроса зависит решение социальных, экономических и иных проблем. Сегодня русский национализм под законодательным запретом, под прицелом инородных «демократических» СМИ, судебно-прокурорских структур. Не преодолев эти запреты, мы не возродим русский народ, русский дух, русскую ответственность. А значит, потеряем Россию как базовую основу великой цивилизации.

В этих условиях главной задачей на нынешнем этапе национально-освободительной борьбы должно стать возрождение русского самосознания, русского национализма как духовной основы самосохранения русского народа. И никакого шовинизма, никакого разжигания межнациональной розни здесь нет, ибо объединяющим чувством национализма сегодня обладают все нации и народности в России, кроме русских.

Ни о каком ущемлении других коренных народов России здесь речь не идёт. Россия как государство, империя, как огромная самобытная цивилизация состоялась именно благодаря тому, что все населяющие её народы объединялись — и в мирном быту, и в годы военных испытаний — вокруг русского этноса и имели возможность стать частью единого целого, впитать русскую культуру, науку, образование, вписаться в ареал русской цивилизации. Не случайно в анналы отечественной истории вписано немало великих нерусских имён, которыми мы, русские, гордимся.

Не уничтожая, не колонизируя другие народы и этнические группы, русский народ поднимал их до уровня своего

развития, оберегал по праву старшего, отвечал за их судьбу, равно как и за судьбу всего Отечества. Никакой другой этнос никогда не брал на себя — и не в силах взять — бремя обеспечения безопасности, развития всех народов, всех граждан Великой России. Поэтому русские и являются государствообразующим, державоответственным народом.

Большинство государств мира держатся на стержневом этносе: Америка — на англосаксах, Германия — на немцах, Франция — на французах. На деле равноправия народов нет и быть не может. Должно быть равноправие граждан перед законом, есть равенство в обязанностях перед общей Родиной.

Все общественные отношения, политическая и правовая системы, экономическая и социальная политика государства строятся исключительно на доминирующей системе ценностей, этике и исторической традиции. И русская система, русский язык и русская культура воспринимаются как свои практические всеми российскими народами, поэтому считаются общенациональными.

Но сегодня веками устоявшаяся основа жизни государства разрушена, вывернута наизнанку. По Конституции 1993 года все народы и все конфессии у нас равны, государство многонациональное, а значит многоответственное, а точнее — этнобезответственное. Статусное положение русских регионов — ниже Чечни и Ингушетии, все национальные республики требуют дотаций, льгот, преференций за счёт опять же русских регионов.

В республиках — через кадры — чётко выражены национальные структуры властных институтов, местных кланов, бизнеса, культуры. В русских же регионах — сплошной интернационал и засилье на ключевых властных постах лиц, никак не отождествляющих себя с русской властью. В Москве успешно завершается операция «Русские — вон из столицы». На очереди операция «Русские — вон из России».

В Россию двинулись полчища гастарбайтеров, торговцев всех мастей, этнический криминал. Идут в русские регионы, где совместно с местным криминалитетом устанавливают теневую власть, захватывают доходные места, сеют страх и насилие. Исполнительная, законодательная власть, правоохранительная система, не чувствуя ответственности перед русским народом, легко продаются пришельцам и служат их интересам.

Кризис русской духовности есть кризис русской государственности. При этом властные структуры, начиная с Кремля, зорко следят за тем, чтобы не проявился опасный для них русский национализм, не возродился русский народ, **чтобы христианская мораль и этика не стали ведущим мотивом поведения.**

Союзниками русского народа реально являются все коренные народы, народности и этнические группы, ибо при всех благих пожеланиях их национальных элит они в одиночку не в состоянии сохранить территориальную целостность, экономическую и культурную независимость. Без духовно-политического возрождения русского народа страна может, с большой долей вероятности, превратиться в кипящий котёл межэтнических и межконфессиональных разборок. А далее, как на Балканах или в Ираке, — озабоченное мировое сообщество, военная интервенция, сотня анклавов, враждующих друг с другом, и никакой науки, культуры, серьёзного образования — лишь одни грустные воспоминания о великом прошлом.

Вот что пишет Г. Г. Кипиани, грузин по национальности, учёный и предприниматель: *«Время бездействия исчерпано. Россия идёт к своему крушению. При всём уважении к жителям нерусской национальности очевидно, что судьбу страны невозможно определить без воли 80% населения её русских. Не сомневаюсь, что большинство россиян всех национальностей встанут плечом к плечу с русскими, так как беда у всех общая.*

Распад страны при продолжении проводимого курса неизбежен, последствия непредсказуемы. Русские обязаны в такой ситуации взять на себя ответственность за судьбу страны, осознать себя её хозяевами, действовать с чувством собственного достоинства и заявить, что не позволят погубить Россию».

Русский вопрос, повторю ещё раз, — это главный общенациональный вопрос, без решения которого России — ни многонациональной, ни многоконфессиональной, ни единой, ни неделимой — просто не будет.

Но сколько бы мы ни стенали о том, что нас обижают, грабят, обрекают на вымирание инородные антирусские силы, установившие реальный контроль над Россией, они не сжалятся над нами, не преподнесут нам в качестве дара статус государствообразующего народа, а тем более власть, ибо тогда сами лишатся и контроля, и власти, и богатств.

Мы сегодня воочию видим, как безжалостно, вплоть до использования военной силы, как на прошедшем 4 ноября «Русском марше», подавляются любые попытки поднять русский вопрос, пробудить русское самосознание. Поэтому нужна хорошо организованная, спланированная, многовекторная и многоуровневая работа на всей территории России, во всех сферах жизнедеятельности государства и общества. Это задача исторического масштаба, и её не решить какой-либо узкой группе даже самых патриотичных, самых православных людей. Нужен общенациональный подъём.

РУССКИЙ ВОПРОС И ЧУБАЙС

Интервью Чубайса на сайте *newsland.ru* появилось вечером того самого дня, 21 декабря 2010 г., когда старый товарищ Анатолия Борисовича по Ленинграду и ленинградскому клубу «Перестройка» Владимир Владимирович решил возложить цветы на могилу Егора Свиридова, убийство которого вывело тысячи молодых людей на Манежную площадь в Москве.

Чубайс — одна из самых примечательных фигур в марширующей по России, со времён как раз той самой перестройки, «пятой колонне».

Занимался ли Чубайс в «правительстве демократической реформы» Ельцина—Гайдара «ускорением приватизации»; помогал ли американцам создавать при этом правительстве «Отдел технической помощи и экспертизы» под руководством сотрудника ЦРУ США Джонатана Хэя, выведившего на Запад секретные военные технологии; зарабатывал ли славу всероссийского лжеца, уверяя, что один ваучер равен по стоимости двум автомобилям; обеспечивал ли «стабильность демократии», усаживая (магия демократии!) недееспособного Ельцина на второй президентский срок; выступал ли фигурантом уголовной хроники («дело о коробке из-под ксерокса», «дело писателей»...); трудился ли над ликвидацией энергетической системы России как единого каркаса, скрепляющего страну, — всюду он бестрепетно (отдадим рыжему должное) стремился олицетворять собой **режим внешнего управления Россией**.

Пересидев на разных и всегда ключевых постах в системе управления страной четыре президентских срока, сейчас мотает Анатолий Борисович Чубайс в должности «главного по нанотехнологиям» уже пятый срок. С оценками политического характера выступает нечасто, тем более интересно, что же именно понадобилось **донести до людей через Чубайса** после рубежных событий на Манеже.

Не может не броситься в глаза пошлая, навязчивая манера, в какой *newsland.ru* зазывно рекомендует Чубайса своему читателю («*единственный политический тяжеловес девяностых, сохранивший крупный государственный пост*», «*имя его окружено слухами*», «*не человек, а демон*», «*количество цифр и*

прочих точных данных, которыми он оперирует без бумажки, чеканность формулировок... наводят на мысль о его цифровой природе», «сама близость его к наностихии... вызывает благоговейный ужас»...). Если помнить, что появление «беседы с Чубайсом» в Интернете привязано не к перспективам нанотехнологий (хотя говорится и о них), а к событиям 11 декабря и к жесту Путина над могилой убитого русского парня, то понимаешь, что «беседа» должна задать **принцип работы на контрасте** между политически невнятными оценками «массовых беспорядков» первыми лицами государства и «чеканными» оценками тех же событий «сильным» Чубайсом.

1) Сравнив по этому случаю шансы участников «тандема» на будущих президентских выборах, Чубайс объявляет возвращение Путина в президентское кресло в 2012 году «менее вероятным», а переизбрание Медведева — «более вероятным». Он настаивает: «кого-то ещё», помимо этих двух, мы не увидим. Мол, «интуиция». Третьего не дано. Выбирать вам, господа, — внутри «тандема». Это и есть демократия.

2) С драматическим напором ведёт Чубайс речь об угрозе «фашизма» в России. К 70-летию нападения Германии на нашу страну ставит фашизм на одну доску с коммунизмом (точно по инструкции западного агитпропа, давно внедряющего представление о «схватке двух тоталитаризмов»). Заодно бывший глава администрации президента РФ объясняет «тандему»: предотвращение победы фашизма в России — «острейшая задача для власти»; реальный выбор у страны — между «серыми» или «коричневыми». «Коричневые» же — «опасность не умозраительная, а совершенно осязаемая». И здесь тоже третьего не дано — не ждите. Альтернативы нет, уговаривает король ваучера. (Кстати об «интуиции»: рисковно предположить, что после этих слов Чубайса в стране, где политика накрепко увязана с провокацией, всем, кто о «фашистской угрозе» ещё не задумывался, скоро дадут эту угрозу чувственно, так сказать, осязать.)

3) И, наконец, главное, ради чего на передовую информационной войны опять выдвинули «тяжёлую артиллерию» в лице бывшего главного электрика: «антифашист» Чубайс исподволь предлагает поставить знак равенства между молодыми людьми, вышедшими на Манеж под лозунгом «Русские, вперёд!», и «фашистской угрозой».

И здесь я отойду от пересказа чубайсовских речей. Манежная площадь обнажила, по крайней мере, два признака текущей политической ситуации: а) существование **«русского вопроса»**, до крайности запущенного и изо всех сил игнорируемого; б) неготовность признать русский вопрос в России

в качестве политического и растерянность власти, взвизгивающей на то, как этот вопрос начинает ломать «официальную» повестку дня (жест Путина над могилой Егора Свиридова — знак именно такой растерянности).

Чубайс указывает всем растерявшимся: **рост русского национального самосознания в России как явления политического необходимо без промедления пометить клеймом, а именно: на Россию надвигается «фашизм»**. Борец с фашизмом требует себе «пять-шесть лет стабильной власти». Дайте, твердит он, сформировать класс людей «с другими мозгами» (ранее пригодного человеческого материала в России не было — «были обычные советские люди, получившие права»). Ведь «формированием этого класса в широком смысле и занимается «Роснано»».

Означает ли «классовый подход» главного нанотехнолога России, что в решающий момент ему поручено самое сложное в сравнении со всем, что поручалось до сих пор, — **курирование разработок подсобных нано-био-технологических средств изменения сознания человека?** Или этот заядлый антифашист по своему обыкновению «гонит пургу» — как в истории с «одним ваучером и двумя автомобилями»? Вопрос не должен остаться без ответа.

Россия — это государство и татар, и украинцев, и калмыков, и белорусов, и евреев, и чеченцев, но прежде всего и раньше всего Россия — это государство русских.

Русский вопрос в России невероятно сложен. Его не сравнить по уровню сложности с русским вопросом где-нибудь в Латвии или в Казахстане. Это — вопрос национальный и политический одновременно. И ещё — вопрос духовного самоопределения.

На уровне национального самосознания, русский вопрос — это вопрос о том, как долго русские, будучи самым крупным в мире **разделенным народом**, могут скрывать (от самих же себя!) факт своей трагической разделённости границами 91-го года.

В политическом смысле русский вопрос — это вопрос о том, до какой степени можно считать «многонациональным» такое государство, в котором **основной государствообразующий народ** составляет абсолютное большинство, 80% населения. Это и вопрос о том, доколе власть в Русском государстве будет отделять себя от народа **по этническому признаку** с поистине вызывающей беззаботностью (взгляните на персональный кадровый состав правительства Москвы).

В смысле духовного самоопределения русский вопрос — это вопрос о том, насколько крепка у русских вера «во едину

святую, соборную и апостольскую Церковь», более других человеческих учреждений поработавшую над соединением разноплеменных элементов в народ. Православие в России проповедано, но впрямь ли исповедано? И на этом пути, уходящем в бесконечность, человеку ли ставить точку? Не грянут ли — своим чередом, по стопам предшественников — мученики и исповедники российские XXI века?

Хорошо, спросите вы, а Чубайс тут причём? Не клоните же вы к тому, что он инородец? Конечно, нет. Облик русских как народа, ставшего уникальным «плавильным котлом духа», много богаче и многограннее пресловутого «славяно-тюркского синтеза»; есть в нашем народе место и этническим евреям, если только не силятся они насадить среди русских средневековую ересь жидовствующих, подвергнув её приличествующей случаю «модернизации».

Дело не в этническом самосознании Чубайса. Дело в том, что он говорит от лица малочисленной, но довольно сплочённой, исключительно агрессивной (и «многонациональной») группы внутри управляющего Россией слоя. Члены этой группы, связанные круговой порукой людей «с другими мозгами», твёрдо знают — с народом *им* не повезло. Народ в России необходимо менять и срочно — время, как показали события 11 декабря, уходит!

Им необходим народ, который был бы, как *они*, — «с другими мозгами». И *они* не сидят сложа руки.

Елена АЛЕКСЕЕВА

СПРАВЕДЛИВЫЙ ГНЕВ НА МАНЕЖНОЙ ПЛОЩАДИ

Для начала предлагаю каждому, читающему эти строки, провести простой эксперимент: найти на официальном сайте «Росстата» национальный состав России. Или — количество русских, проживающих в своей собственной стране. Догадываетесь, какой вас ожидает ответ? Правильно. Информации о том, **сколько русских живет в России, вы там не найдете. Она закрыта.** Как вы думаете, почему?

Событие 11 декабря заставило многих из нас поразмыслить о том, «куда влечет нас рок событий». Коротко напомним, что 11 декабря на Манежной площади, возле кремлевских стен несколько тысяч молодых людей, в основном болельщиков московских футбольных клубов, «устроили беспорядки», скандируя лозунги: «Русские, вперед!», «Россия — для русских, Москва — для москвичей!», «ОМОН — предатели русского народа». При этом в средствах массовой информации, дружно накинувшись на это событие, упоминалось только вскользь, что поводом к возмущению молодежи стало убийство русского парня, болельщика «Спартак» Егора Свиридова выходцами с Северного Кавказа. Осталось без должного внимания со стороны СМИ и то, что целью организаторов этой акции было стремление привлечь внимание к проблеме межэтнических отношений в России и действиям бандитских «этнических группировок». ОМОН со свойственной ему привычной решительностью в отношении «националистов» «навел порядок» на Манежной. При этом пострадали более 30 человек. Московская милиция, опасаясь новых межэтнических столкновений, задержала в выходные дни 11—12 декабря почти полторы тысячи человек, из которых 317 были несовершеннолетние. Вслед за этим, массовые задержания в Москве проходили почти ежедневно.

Убийство Свиридова послужило отправной точкой массовых выступлений русской молодежи и представителей национальных диаспор. В следующие выходные дни, 19—20 декабря, заметные акции прошли в Волгограде, Краснодаре, Самаре, Туле, Красноярске, в Подмоскovie. А в столице в отделениях милиции снова оказались около полутора тысяч человек. Скорый на решения Д.Медведев заявил, что участники погромов и массовых драк должны нести за это не административную, а уголовную ответственность: «Погромы, драки, вандализм — все это преступления. Подчеркиваю, это не административные правонарушения, а преступления. Их участники должны сидеть в тюрьме. Их нужно сажать, а не воспитывать», — потребовал он, по сути дела, «задав тон», и, вместе с тем, «закрыв тему» для обсуждения.

Следуя указанию, абсолютно все чиновники и вслед за ними центральные СМИ оценили «мятеж» на Манежной как «националистическое выступление», а представитель Следственного комитета Владимир Маркин сразу же сообщил, что возбуждено дело по двум статьям: призыв к массовым беспорядкам и разжигание национальной ненависти, мак-

симальное наказание по которым составляет до трех лет лишения свободы. Однако «закрыть» вопрос с ходу не получилось. И более того — некое новое направление в его осмыслении определил В. Путин. Я имею в виду его встречу с представителями клубов футбольных фанатов «в попытке успокоить подъем этнического насилия, начавшийся в Москве и распространившийся по другим российским городам», как изложила это британская «The Financial Times». «Вероятно, в знак сочувствия российским националистам он возложил венок на могиле Егора Свиридова, 28-летнего болельщика московского «Спартака», погибшего при столкновении с кавказцами 6 декабря», — рассуждала британская газета и неспроста цитировала председателя правительства: «Я 10 копеек не дам за человека, который приехал, скажем, из Центральной России в одну из северокавказских республик и невежливо обошелся с Кораном. 10 копеек не дам за его здоровье! Но и люди, которые приезжают в другие части Российской Федерации, в том числе с Северного Кавказа, должны уважать местные обычаи, местную культуру, местные традиции и местные законы». А какую цену дал бы наш премьер за выходца из северокавказских республик в Центральной России? Конкретно в Москве? Уверена, не копеечную!

А теперь давайте присмотримся к тому, что писала на этот же предмет «наша» журналистская братия. «Независимая газета» утверждала, что встреча премьера продемонстрировала высокую степень обеспокоенности властей продолжающимися беспорядками в Москве и других российских городах. При этом подчеркивала слова Путина о том, что сила России — в ее многонациональности: «...но если мы не пойдем, как с этой силой обращаться, если будем как сумасшедшие с бритвой носиться, мы ее разрушим». «Российская газета» отметила, что государство готово помочь футбольным фанатам «отсечь от себя радикалов и экстремистов», но только в том случае, если сами фан-клубы проявят независимость и не позволят экстремистам манипулировать собой. «Комсомольская правда» писала, что в завершение встречи Путин сказал предельно откровенно, что «у нас в России более 160 национальностей и народностей. Если мы допустим ксенофобию и национализм, вовремя не поставим этому всему преграду, Россия может разделиться». «Новые известия» как и «The Financial Times», комментировали «десять путинских копеек»...

Позволю себе, не впадая в известные уже детали этой памятной встречи, остановиться вот на чем: как сказал болель-

щикам Путин, если в стране начнутся «разборки» по национальному признаку, *«мы получим разьедаемую внутренними противоречиями территорию... Нечем гордиться будет... Есть люди, которые пытаются поставить такой процесс под свой контроль, а потом во все воронье горло закричат, что только они могут спасти страну. Я хочу, чтобы никто вас не поставил под контроль и не манипулировал бы вами».*

Но хотелось бы спросить премьера: разве наша «территория» уже не разьедена до дыр национальной неприязнью, ежедневно порождающейся криминальными группировками с Кавказа и Центральной Азии? Или премьер считает, что растущие в Чечне дворцы, возводимые на деньги российского бюджета, который наполняем мы, налогоплательщики, добавляют нам теплого отношения к чеченцам? Или то, что их глава кладет себе в карман «на бедность» треть от тех миллиардов, которые отправляет в Чечню Москва (читайте сайт WikiLeaks!), — добавляет нам дружбы? И второй вопрос: тот, кто глубоко предан России, считает себя русским человеком и потому не может молчать, когда интересы его нации стелются под ноги выходцам с Кавказа и, из бывших государств Союза, объявивших себя независимыми, но упорно навязывающих нам уважение к своим порядкам и укладам, — разве этот человек уже не имеет права голоса в собственной стране? И это его надо «сажать, а не воспитывать», «паковать по полной» или что там еще на вашем административном сленге?

Теперь очень многие эксперты рассуждают о том, чем вызван всплеск националистических настроений. Толкуют об «анонимных» силах, о нерешенности национального вопроса в России. Правда, при этом традиционно считая, что решен должен быть этот самый вопрос опять за счет «русского национализма». Ведь, как заявил за две недели до событий 11 декабря руководитель Федеральной миграционной службы Константин Ромодановский на заседании Совета Федерации, разговоры о криминогенности иностранцев есть «популизмом чистой воды», поскольку на их долю приходится лишь 3,5 процента совершаемых в России преступлений, да и то треть из них — использование поддельных документов. А есть такие депутаты Госдумы и представители экспертного сообщества, которые и вовсе ратуют за то, чтобы запретить журналистам упоминать этническую принадлежность правонарушителей в связи с возбужденными против них делами. И это на фоне того, что, как публично сообщил начальник ГУВД Москвы Владимир Колокольцев, 50 процентов всех раскрытых преступлений в Мос-

кве совершают немосквичи, а с учетом невыявленных и не-раскрытых преступлений, эта цифра может составить до 70—80 процентов. Только в течение 2010 года в Москве на 79 процентов возросло количество изнасилований. Что — наши мальчишки, вышедшие на Манежную, об этом не знали? Да они — первые свидетели присутствия нерусского криминала в столице. И первые его жертвы.

Среди комментаторов, до сих пор упражняющихся вокруг этой горячей темы, есть немало воинствующих русофобов. Так, «историк и политолог» Дмитрий Андреев, к примеру, считает: «Сейчас мы имеем дело даже не с русским национализмом, а с псевдорусским этнократизмом — с претензией на какую-то непонятную исключительность русского этноса». Либо он свалился с Луны, либо вообще ничего не знает об истории нашего государства. Либо не хочет знать, и этого уже не исправить.

Всякий раз, когда подступаешься к этой слишком политизированной проблеме, надо себе уяснить, что моноэтническое государство — это такое государство, в котором могут проживать разные народы, однако основную массу жителей составляют представители одного этноса. Это понятие антонимично понятию «многонациональное государство». Так, например, на сайте Объективистского центра «The Atlas Society» можно найти определение моноэтнического государства как государства, в котором две трети населения или более принадлежат к одной этнической группе.

Страшную для российских госчиновников статистику русских, проживающих в нашей стране, можно найти на сайте ЦРУ США. По данным этой организации, на июнь 2010 года в России проживало 79,8 процента русских, 3,8 процента татар, 2 процента украинцев, 1,2 — башкир, 1,1 — чувашей и 12,1 процента остальных. Энциклопедия Wikipedia сообщает, что русские — одна из самых многочисленных этнических групп в мире числом около 140 миллионов человек. Примерно 116 миллионов этнических русских живут в России, 16 миллионов — в соседних странах. И еще около 4,6 миллиона — по всему миру.

Чем же данная национальная статистика так пугает российскую власть? Отчего она прячет ее от жителей и методично, словно заклинание, повторяет на разные голоса, что страна у нас «многонациональная» (**что абсолютно неверно**), и с административным остервенением преследует всякое слово и даже мысль о том, что русские в России все-таки живут, что у них есть собственные, то есть национальные интересы и что эти интересы, ко всему прочему, российская власть обя-

зана защищать? Можно продолжать откупаться от «национальных окраин», жертвуя русским ядром российского суверенитета, но события на Манежной площади в Москве как раз и подали сигнал к тому, что бесконечно так длиться не может. Российская власть, попустительствующая нероссийским интересам, стоит у опасной черты. За этой чертой — хаос, провоцируемый действиями правительства, а не тех мальчишек, которым власти еще не успели вдолбить в головы, что они у себя в России не русские, а «многонационалы».

Мне откровенно жаль это правительство, настойчиво загоняющее в угол русское национальное сознание, нашу гордость, нашу историю, наши государствообразующие принципы общежития с нерусскими народами России, сжимая тем самым пружину народного гнева. Опасное заблуждение, как подсказывают властям наши дети с Манежной площади, думать, что эта пружина не распрямится никогда.

ДОРОГИ ДАЛЬНИЕ

РАССКАЗЫ

Дальние дороги, особенно по «железке», довольно часто сулят интересные встречи и разговоры. Вот и легли на бумагу рассказы моих очень давних и совсем недавних попутчиков. Пожалуй, откровения их были попроще и покороче, чем мои воспоминания о них, которые я дополнил раздумьями и другими схожими впечатлениями из своей жизни.

ОТКРОВЕНИЕ ЖИВОПИСЦУ

Этот попутчик в спальном вагоне, где купе на двоих, и сам на художника был похож — какими мы представляем людей искусства и какими они стараются выглядеть. Волнистые с проседью волосы, обрамляющие худощавое лицо, блуза, правда, подороже иного костюма, и взгляд взыскательно проницательный, словно он оценивает натуру.

Я вёз из гостей три подарка: картину, изображающую осеннюю берёзовую рощицу, размером крупнее любого чемодана, и лежавшие на столике альбом краевой галереи и книгу художника Владимира Крылова «Убить искусство». Я только что полистал альбом и соби-

ПРОЗА

рался в одиночестве постичь соображения маститого автора, когда и появился этот колоритный попутчик. Он глянул на картину, альбом, книгу и спросил:

— Вы просто интересуетесь искусством или причастны к нему?

Я почувствовал, что возможно очень полезное общение, и настроился ему соответствовать:

— Да нет, я всего лишь интересуюсь и, если откровенно, не слишком глубокий знаток искусства. У меня литературное восприятие живописи — о чём полотно, что и как в нём выражено. Кое-чего, признаюсь, и не понимаю. Например, недоступно мне величие Пикассо или слава «Чёрного квадрата» Малевича.

— Это понимается либо сразу, либо вообще никогда. К тому же не бывает единого, однозначного понимания, иначе все поиски художников были бы обречены. Поговорку «О вкусах не спорят» придумали неудачники, избегающие обсуждения своих изысков. Будто речь идёт о фасоне галстука или брюк. Впрочем, в этом повинны и сами творцы, когда пекут примитивы и утверждают, что выразили в них особо тонкое ощущение мира. А сколько ни всматриваться в их творения, если, конечно, сразу не отвернёшься, только и видишь бездарную суетню. Слово «искусство» часто прилагают к самым простым бытовым вещам. Но говорить следует о его высшем значении.

Я не решился спросить: сам ли он художник или, так сказать, просветитель, но снова ощутил, что общение с ним будет значимо.

Рассказ попутчика растянулся на несколько незаметно пролетавших часов с паузами на задумчивые минуты. И повторюсь: мой пересказ изложен по-своему ради проникновения в смысл и краски поведанных мне событий.

— Искания художников, по-настоящему творческие, не поддельные, достойны высшего уважения. Постараюсь передать, что поднимает мастера хоть на ступеньку, да выше, на примере трудной судьбы моего очень близкого друга. Если интересно, внимайте.

Уже с полгода набежало дней, как Игорь Привалов впал в довольно-таки цепкое уныние, переходящее и в отчаяние. Нет, не то чтобы вконец одолела его творческая немощь, а душа опорожнилась, что ли. Слабело, слабело и вовсе утихло упоение движениями кисти, когда мазок за мазком на полотне прорастает, одевается плотью, становится явью озарившее чувство-мысль. Ни один художник не художник, если хотя

бы про себя не гордится собой. Молчаливую, не показную гордость Игоря Привалова добрых два десятка лет подкрепляли искренние похвалы собратьев по искусству и строителей вернисажей. В этой среде его подчас величали то вторым Поленовым, то вторым же Саврасовым.

Знаете ли, очень живуче поветрие нумеровать ярко проявившегося творца, подставляя его под классика-великана. В любой редакции вам укажут современного, стало быть, второго Некрасова либо второго Тургенева, и таковой чувствует себя польщённым. Правда, я знаю случай, когда один большой поэт возмутился, услышав, что его называют вторым Есениным

— Никакой я не второй! Я сам по себе!

Впрочем, это, кажется, весьма редкий протест против ранжира...

Игорь Привалов не возражал, когда его причисляли к восприемникам кого-нибудь из великих. Он в ответ всего лишь благодарно пожимал плечами, как бы и соглашаясь. Оно и правда: в его работах, особенно ранних, просматривалось влияние двориков Поленова или Саврасова. Однако со временем намёк на подражание исчез и дружелюбное «второй...» стало всего лишь определением почерка живописца.

Игорь Привалов писал Москву. Не парадность её, не величие, а Москву будничную, в которой буднично живёт будничный люд. Если на заднем плане и проглядывало сквозь дымку нечто помпезное, то на переднем подступали к зрителю вроде бы мало приметные арбатские особнячки, или деревянные уголки Марьиной рощи, или тихие скверики с ребятами. И небольшие эти полотна в ответ на улыбку доброту живописца вызвали самые тёплые чувства. Игоря Привалова охотно приглашали на выставки, хотя картины его вывешивали сбоку от парадных стен, и в отзывах не забывали о нём упомянуть, хотя и без громких эпитетов. Его известность славой не назовёшь. Впрочем, что слава?.. Милые зарисовки тихой Москвы приобретали и провинциальные галереи. Их вывешивали в крупных кабинетах ради приветливой обстановки, их покупали и коллекционеры, иногда и зарубежные, выплачивая не миллионы, конечно, но — хорошие тысячи. Эта удачливость на фоне других, слабых торговых успехов порой вызвала зависть к нему, к самому же его творчеству — почти что нет. Завистливое восхищение рождает новаторство, а в его картинных зарисовках, даже при поощрительном всматривании в них, таковое не отмечалось. Потому-то и не было у Привалова приверженцев, хотя дружелюбием не был он обделён.

Но вот подкралось явное невезение. И большие, и малые галереи всё менее охотно приобретали его работы, а вскоре вообще перестали брать. И на выставках размещали их уже где-нибудь в уголке. И на уличных вернисажах они залёживались. И не в том сложилась тому причина, что скупые времена подмяли жизнь. Маститый мастер так объяснил Игорю его неудачи:

— Милый мой, сколько же можно самого себя перепевать?

Ещё точнее высказался близкий и независтливый приятель:

— Ты стал заурядным копиистом когда-то хорошего художника Привалова.

И что-то удержало от сердитой обиды на эти мнения. Их правота? Вот так вот на что сетовать стареющей красавице при виде всё более глубоких и частых морщин? На минувшие бурные годы?..

Нет, чуткость в руке сохранилась, и зоркость глаза, и точность мазка, и свой приглушённый колорит, и композиционная стройность, без чего вообще нет художника. Вот так вот у исписавшегося прозаика или поэта ничто не отнимет врождённой, а затем и отточенной способности находить верные слова и выстраивать разговор с читателем. Однако увядает наиглавнейшее — наполнять этот свой разговор глубокими откровениями и вызывать отклик им в умах и душах людей. От жухлой нивы доброго зерна не бывает... Да, поникло в художнике Привалове то, что отличает искусство от ремесла, пусть и очень умелого. Вот что породило уныние, переходящее и в отчаяние.

Так что же теперь? Уйти от привычного? Уехать куда-нибудь на море и писать его, взяв за образец Айвазовского? Или забраться в горы и стать преемником Рериха? Что же такое осеняет великих, что мир горячо откликается им и они навечно первыми остаются? Ведь на свете несчётно умельцев, которые неотличимо повторяют хоть «Джоконду», хоть «Завтрак на траве», хоть «Бурлаков», и лишь эксперты установят подделку. Тем не менее известны эти умельцы разве что в узком кругу, нет у них общения с миром, отличающего великих.

Вот и охватывает уныние, перерастая в отчаяние и печаль. Но нельзя впадать в жалость к себе, ею же и утешаясь. Это ведь полный крах, предательство самого себя. Жалость к себе хуже сочувствий со стороны. Одна только жалость возможна — от женщины, которая рядом. Ведь у русских женщин «жалеть» равнозначно с «любить».

Татьяна, супружница Игоря, не ликовала в годы удач и даже взглядом не укоряла, когда начал мелеть ручеёк благо-

получия. Она не была и не считала себя таким знатоком живописи, чтобы о явлениях в ней судить хотя бы на уровне среднего искусствоведа. Она была всем, кем только может быть женщина, живущая рядом, но не подлизой и не брюзгой. Общая с Игорем судьба не одарила потомством. Татьяна мужнины работы принимала своими детишками, а от них, известно, бывают не одни только радости. И он без умиления и без придирок принимал заботы её, как бы и не замечая их. Давно ведь подмечено, что мы не думаем непрестанно о воздухе, которым дышим и потому живём. Она каждый день приходила в студию, где он писал свои московские пейзажики, но работу его наблюдала недолго. Поцелует, покормит — и всё. А он только очень общо рассказывал ей о своих художнических задумках: они-то ведь были похожи одна на другую. Готовые вещи непременно показывал, встречая молчаливую похвалу. И в житейских делах не было у них метания от довольства в годы добрых прибитков до сетований на нынешнее оскудение. Поэтому Танюшка — таковой для мужа она оставалась, как и в их самые первые дни, а для прочих давно была уж Татьяной Ивановной — спокойно приняла его неожиданное и необычное решение.

Накануне у Игоря был разговор с близким и независтливым приятелем. Тот выдал такое предложение: .

— Что-то, брат, закисаешь ты напрочь. Творческий кризис мало кого обходит, слабаков давит и выбрасывает на задворки, а кто посильней — выживает иной раз всем на удивление. Ты, не обижайся, закостенел в своём уголке, сколько же можно себя тиражировать? Тебе необходимы резкие перемены. Тебе надо уйти от всего, что сейчас есть у тебя, от самого себя, если хочешь. Не подсказки нужны тебе, а одиночество. Не Москва, где спотыкаешься о проблемы, и не курорт, где рябит от людей. Тебе надо что-то вроде отшельничества. Не скит, а сколько-то непривычной жизни наедине с собой. Если ещё есть в тебе зёрнышко — вырастет свежий росток... Отправляйся-ка ты в русские дебри. Есть в Мещёрских лесах, на Рязанщине, одна деревенька не такая уж и большая, но живучая наперекор невзгодам, что поползли ныне по весям. Там есть у меня домишко, от деда остался. Я там каждый год подолгу бываю и возвращаюсь, будто росую омытый. Вот и ты там побудь. Посиди под берёзками, погляди на чистое небо, поброди по чашобам без провожатых, без болтовни. Ну? Никакая Ялта и никакой Париж не дадут тебе того, что в Мещёрах может в тебе воскреснуть. Я тебе весь путь обозначу и соседям напишу, чтобы приветили.

Выслушав пересказ этой речи, Танюшка тихо спросила:
— Мне ехать с тобой? — И, не услышав ответа, кивнула: —
Да, поживи один, в стороне от всего.

Бога надо благодарить, что подарил женщину, умеющую жалеть...

Деревня как бы прислонилась к лесу. По опушке тянется единственная улица от околицы до околицы, но многие избы в гущу леса ступили, под берёзы и сосенки. Все дворы в зелени — везде яблони с вишенками соседят, ягодные кусты вместо оград, огороды в ботве. Есть и дворы в бурьяне по грудь, заброшенные дома, однако деревня не малолюдна. Вон девушка явно городского вида в коротенькой блузке, открывающей почти всю грудь и живот, лениво переставляет голые ноги. С нею парень в коротеньких шортах. Старушки у завалинок сидят отдельно от стариков — похоже, у них к вечеру разные интересы. Обитаемые дома почти все ухожены — не видно осевших стен или покосившихся крыши, узорные наличники на окнах и дверях свежо покрашены. Видно, летом деревенский люд пополняется горожанами: самая жара подступает — июнь.

Домик приятеля невелик, да ладен, от крылечка до трубы обихожен. Всего-то одно жильё, а в нём для простенького быта всё есть. Дощатый пол, и широкий топчан, и добротный стол, и крепко сбитые скамьи не крашены, и бревенчатые стены не залеплены обоями, поэтому всё дышит, живое. Под потолком — абажур, наверное, ещё праделовских времён. В самодельном шкафу — двойной набор постельного белья. На отдельной полке — кухонный скарб, на другой — старенький магнитофон и десяток ленточных кассет — Бах, Гайдн, Чайковский, Шостакович, никаких «бумба-бум». В общем, живи.

Соседка, прочитав послание приятеля, улыбнулась едва ли не родственно:

— Парное молочко и яички — у меня, а хлебушек и что ещё — у нас в середине села замечательный магазинчик, там командует наша Верочка.

В первый вечер задремал под органичные вздохи и так глубоко уснул, что пропустил раннее утро. Ничего, будут здесь ещё и рассветы, и полудни, и закаты, и лунные ночи. Вот и в груди ныть перестало — это, что ли, от бездумного одиночества?

Пошёл в лес наугад, спиной к солнцу. Реденький лес, продуваемый ветерком. Сосны стоят поодаль одна от другой, а берёзки гурьбой собираются, словно бы прижимаются дружка к дружке. Приятель наказывал посидеть под берёзками,

ну что ж... Над головой листва шелестит, перед глазами идёт в кустах птичья возня. Сквозь берёзок неба не видно, а из-под сосен оно кажется не бледно-голубым, а густо-синим. Не пора ли, однако, вернуться, дальше пойти — никакими «ау» никого не дозовёшься.

Вот и расхваленный магазинчик. Похоже, свежий товар привезли — народ у прилавка толпится. Но не застаивается. Продащица весьма расторопна и словно бы знает, кому чего нужно. Бабушке без расспроса выдала круглый хлеб, пакетик масла и соль. Городским мужчинам предложила «Московскую» да еще подняла с пола и поставила на прилавок ящик пива. И каждому улыбнулась, отчего на её румяных щеках обозначились ямочки.

А крепкая женщина! Как ловко и легко подняла и поставила на прилавок увесистый ящик с пивом. Иной мужик закрыхтел бы в натуге, а она и не передохнула. Такая, пожалуй, не то что коня на скаку, а и грузовик на ходу остановит. Полные руки и плечи налиты силой, груди халат расpiraют. Вот такие вот бабы испокон века судьбу земли держат. Лет ей, наверное, чуть за тридцать. Ну, ладно, — старики у завалинок тоже интересны, если взглядеться...

Каждый день, едва заря разгорится, Привалов шёл бродить по окрестным лесам — то лицом к раннему солнцу то боком к нему. Заблудиться не опасался: всегда найдётся просёлок, возвращающий к людям. Иногда и до сумерек бродил меж берёзок и сосен, незнамо чего ожидая. По вечерам слушал музыку, наблюдая, как угасает закат.

Уже и вторая неделя пошла, как стал погружаться в непритязательную природу. Мысли стали маленькие и короткие — почему это леший не появляется поговорить, о чём это ветер шепчет деревьям, шевелясь в их листве, о чём птахи щебечут? Когда глядишь на природу издалека да мимолётом, нет в ней загадок, будто перед тобой сотни раз перевиданные пейзажи. А когда погрузишься в неё, ничего особенного и не ожидая заранее, она вдруг начинает сообщаться с тобой и ты видишь, что каждый кустик и каждое деревцо не просто по-своему растёт, а у каждого как бы свой нрав. И трава просит не сильно её топтать...

Думаю, что-то наподобие этого Привалов почувствовал...

И сны были без сновидений из прежней, привычной жизни с её напряжениями.

Думаю, это ласковое безмятежье и предуготовило откровение.

Не в пример другим дням с ленцой отправился побродить по округе, к тому же и припозднился — солнце уже поднялось над лесом и горячо светилося, предвещая скорое пекло.

Поэтому пошёл прочь от него, чтоб не слепило. В той стороне немало поплутал накануне и вконец утомился, пока отыскал верный путь. Переставляя по нему отяжелевшие ноги, всё же взглядывал влево и вправо, отмечая, какое это особенно густо заросшее место. И сквозь чуть-чуть расступившиеся кусты и деревья увидел поодаль серебристо-голубое пятно, довольно широкое — похоже, лесное озеро.. Про него знали, наверное, только местные: сюда было километров пять бугристой, колючей по краям и едва заметной тропинки. Туда-то и повело в это позднее утро.

Пока шёл, ногами лоя дорогу, руками отводя назойливые прутья кустарников, солнце достигло полуденной высоты. Лучи его, пробиваясь в узкие промежутки меж кронами, прямо-таки обжигали, да и в тени было душно, пот не высыхал. И озерко явилось подарком.

Впрочем, было это настоящее, полноводное озеро. Напрямик до другого берега метров полтора, не меньше, Деревья, все рослые, подступали к воде, оставляя лишь узенькую полоску опушки. Почти всё открытое солнцу, озеро искрилось. В середине его что-то всплёскивалось и низкие волны расходились кругами. Наверное, роднички. Рыба в такую жару, кажется, не играет.

Прочь всю пропотевшую одежду — и голышом в прохладные струи! От них силою наполняешься. Да, это родники бьют со дна, быстрее над ними: не утянут, но холодом могут сковать. Вот у того, дальнего берега передохнуть и — обратно. До него уже метров пять, воды уже чуть выше колен, дно илистое, но держит. И поднял глаза.

На берегу, на крошечной полянке стояла нагая женщина. Облитая солнцем и сама вся светящаяся. В бёдрах широкая и в грудях, под стать мощным сосновым стволам, окружившим полянку. Ноги сдвинуты, но руки откинута, будто зовёт, и смотрит очень внимательно, прямо в глаза. Кто это? Хозяйка этого озера или даже лесная богиня? Двинуться к видению? Отступить?

Илистое дно подвело — потянуло назад, опрокинуло навзничь, с головой окунуло. И пока выбирался из помутневшей воды и находил опору на скользком дне, видение, не оглянувшись, растворилось в лесной плотной тени.

Померещилось, что ли? Да нет же — будто сотканная солнцем она въявь светилась, даже больно глазам, оттого и попятился столь неловко. Фантазия или мираж не слепят. Живая она, живая! Господи, это же продавщица из деревенского магазинчика предстала в обличье богини! Или это богиня в ней выявилась? Наваждение прямо-таки...

Обратно приплыл, не почувствовав ледяных струй родничков, — разволновался. И на берегу мысли завертелись, запрыгали и не сразу в разумный ряд улеглись. Да, конечно же, то была деревенская женщина в расцвете природной силы своей. Что же дикого увидеть её в солнечном одеянии богини? В этом проступает какая-то очень важная суть, откровение даже. В ней засветился кусочек вселенской души — есть же такая. Философы называют её Абсолютом. Она пронизывает весь мир, возвышая обыденность, но почувствовать её и понять можно лишь сердцем. Кто постиг её и в рослом дереве, и в былинке, тот только и может нести себя людям стихами ли, музыкой или картинами, встречая признание. Вот ведь как ясно и просто!

А не смешно ли? Увидел голую женщину и прозрел! Но вот такой ряд: баба — женщина — богиня. К какому из двух крайних понятий прислонить середину? Наивно? А наивность — не худшее из свойств человеческих. Чистая наивность подкрепляет веру. А поденок или вовсе ублюдок, увидев Венеру, только и подумает, хороша ли она в постели...

Да, надо уже возвращаться. Хоть на шажок, а приблизился к тому, что знают великие. Это неосознанно было в тебе при первых движениях в искусстве и еще с десяток лет, а потом слабело, слабело и, похоже, почти угасло. А теперь вот поднимается вновь и, может, станет сильнее, потому что яснее. Только вот неясно пока, что же теперь писать? Откровение, представшее на берегу лесного озера — богиню в облике простенькой деревенской торговки? Потянуло было ещё разок глянуть на неё хотя бы издалека, но нет, не надо: вдруг откровение потускнеет...

— Ты что-то новое надумал? — спросила Танюшка, отдышавшись от ласк. — Ты стал совсем весь в себе.

— Словами об этом не сказать. В работе проявится.

В студию зашёл тот самый близкий приятель, подаривший десяток дней в той деревеньке.

— Я полагал, тебе там до осени настроения хватит. Одиночество надоело?

— Великая благодарность тебе, дорогой! У домика твоего и деревни обаяния уйма!

— Воспрянул?.. А знаешь, ходит слушок, что все четыре студии в этом доме отнимут.

— Не может такого быть. Эти студии Москва подарила когда-то художникам.

— Сейчас в Москве другие хозяева...

Мимо пролетел этот какой-то дурацкий слух. Белый лист для эскизов всё собою закрыл. И не один понадобился набросок, прежде чем просветилась задумка.

Танюшка посмотрела и спросила голосом тусклым:

— Это — твоё приключение?

— Это — моё, но не приключение.

Теперь пора и к холсту приступать и писать маслом: в нём извечная живописная сила. Молоденькие берёзки устали берег озера или крепкие сосны? Или, может, — искорёженные, перекрученные сказочные стволы? Нет-нет, это же не сказка, это — быль. Мощные стволы в бурых, замшелых пятнах коры уходят в темнеющую глубину. Сбоку берёзки склонили веточки, ласкаясь к лесной богине. Так не бывает? Так это же не иллюстрация к ботанике, а фантазия на тему, что надо в окружающем видеть. На тёмном пятне лесных дебрей ярче предстанут зелёный лужок на берегу и набегающие на него серебристо-голубые волны. Но особенно яркой должна быть облитая солнцем лесная богиня, пышнотелая, наполненная силой хозяйка земли.

Эх, наверное, взят малый холст — сжимает взгляд. Ничего, есть и покрупнее — и краскам просторнее, и мазкам. Самое трудное — передать, как солнце на ней играет и она сама светится.

А не повторяешь ли ты «Весну» Пластова? Нет-нет, это — твоё.

Примите же, люди, озарение живописца!

НАУКА ВЫЖИВАТЬ

Как-то случился очень сердитый попутчик. Он от бесед отворачивался, а на суждения о нынешнем житье-бытье вскидывал голову, будто услышал несусветную глупость. Благо ехал рядом недолго. А выходя, вдруг разразился:

— Вы и не подозреваете, — сказал, — что над вами есть некое беспощадное колесо. Оно вертится по воле тех, кто сумел жизнь и всех нас оседлать. И одних оно сокрушает, других отбрасывает, третьих и не замечает, потому что мелюзга. И остаётся вам забиться в свой уголок и выживать.

Много минут в купе царило молчание — злые слова ошарашивают, но нашёлся среди нас оратор. Не в утешение нам и не в поучение, а всколыхнулось в нём и потребовало выхода что-то когда-то им понятное. Перескажу вам по-своему.

— Беспощадное колесо над нами — это, конечно, жёсткий символ и грубый перебор. Просто все мы живём во власти обстоятельств, и надо нам быть снисходительными друг к другу. Суковости и у обстоятельств хватает. Бывает, что они крепко давят, но главное, чтоб не сломили. Иначе в человеке

нет человека. Я это ещё в студенческой молодости понял. Она подставила мне два примера выживания в жесточайших обстоятельствах, очень разные, даже противоположные, но — соединившиеся.

Кстати, почему это, как только разговоришься, из молодости что-то выплывает. Наверное, давние впечатления легче высказываются, чем совсем уж недавние...

Так вот. Обзорные лекции по истории техники читал нам на первом курсе слепой преподаватель. До войны он успешно учился в аспирантуре и уже готов был получить кандидата наук. Но — война. Когда немцы прорвались к Ленинграду, он вступил в студенческое ополчение. Направили этот добровольческий полк на Лугу закрыть брешь в обороне. Пообещали на другой день подвезти оружие и боеприпасы. А на рассвете на позицию, еще даже не окопы, а разрозненные ямки, двинулись немецкие танки. Боя не было. Просто уничтожение было. Танки разутюжили студенческое ополчение. В живых почти никто не остался. Вот он, наш преподаватель, остался.

У него, кроме пустых глазниц, прикрытых темно-синими стёклами, вместо левой руки был повисший протез, а правая рука в перчатке, наверное, тоже побитая или обгоревшая. Но палочкой, чтобы ощупывать путь, он почти что не пользовался. В аудиторию и на кафедру вела его неослепшая память.

Начинал лекцию, и сразу же забывалось, что это жалкий калека ведёт мудрую речь. Голос звучный, с артистичными переливами, убедительный. И когда он заканчивал лекцию, никто не решался взять его под локоть и провести, сколько нужно. Потому что это был уже не калека, а очень крепкий, высшего мужества человек, сумевший не просто выжить, а победить жестокое и коварное испытание. Живой монумент силе духа.

И — второй пример выживания.

В те времена студентов, как вернутся с летних каникул, отправляли в захолустные колхозы «на картошку». Нагрузят в полуторки и везут по просёлкам с ухабами. В деревне раселят по избам, и с утра в поле.

Нашу бригаду увезли километров за сто. Девчата весь день шли за трактором с каким-то мудрёным прицепом, который из-под земли выворачивал клубни, и собирали их в ящики. А ребята эти ящики перетаскивали за километр в погреба. Кормили нас плоховато, только на то, что зарабатывали по местному счёту. И пришёл как-то ответственный колхозник и предложил:

— А кто хочет лошадью управлять и делать дорожную работу?

Я и вызвался первым.

Дали мне серую лошадку и телегу с высокими бортами. Дедок в конюшне научил надевать сбрую и крепить к оглоблям хомут. Правил я неумело: лошадка поминутно оборачивала голову и смотрела на меня с укоризной. Но к правлению подкатил я лихо.

— Чего делать-то?

— А навоз возить с коровника на поле.

Ну, сам же вызвался... Неохотно, воротя нос, принялся я за работу. Следовало во дворе коровника из огромной кучи навоза выдёргивать вилами вонючие комья, доверху нагружать ими подводу, тащиться на дальнее поле и там разбрасывать их равномерно. Молодые доярки, поглядывая, усмехались. Ни пообедать, ни поужинать я в тот день не пошёл: показалось, вонь от меня у всех отобьёт аппетит.

— И сколько же ты подвод перевёз? — спросили в правлении. — Четыре? Всего четверть нормы. Ну, для белоручки и это неплохо.

— А я больше не буду. Не хочу ковыряться в говне.

— Во как! Брезгливый, значит... А песок будешь возить? Завтра дадим тебе, чтоб не надорвался, подсобника.

У залатанной избёнки ждал меня мужичок. В кирзовых сапогах с подвязанными подмётками, в заношенном пиджаке, не по росту просторном, перепоясанном верёвкой, но в новеньком свитере с толстым воротником под горло. А глаза бойкие, быстрые.

— Очевидно, следует представиться? Я — Спиридонич, человек на подхвате. — Оглядел подводу. В ней по бортам присохли ошмётки навоза. — Следует хорошенько поскоблить: песок и навоз несовместны. — Сбегал за крепкой доской и своей лопатой. — У работника инструмент должен быть по руке. — Сноровисто соскоблил борта, доску поперёк них положил. — Так удобнее будет ехать порожняком. — Глянул в хмурое небо — туда, где могло бы просвечивать солнце. — Сейчас семь часов сорок восемь минут. Серьёзного дождя не предвидится, поэтому следует спешить, пока мой прогноз не опровергнут. Волков ноги кормят, а нас сегодня — лопаты.

Я глянул на часы — точно семь и сорок восемь. Поехали.

— Эту лошадку я знаю, — говорил Спиридонич. — Верное у неё имя — Голубка. Молоденькая и озорная. Ну, потрудится — станет лошадью, потом клячей. Как Холстомер у Толстого. В судьбе этого коняги Лев Николаевич отразил жизнь человеческую. Верно? Я в этой деревне и лошадей, и коров, и

собак по лицу узнаю. Кроме куриц. У них в лице нет своеобразия. И людей, которые по моей жизни прошли, помню всех.

Я молчал — слишком неожиданным был мужичок.

На краю леса высился холм, сверху немного дёрна, дальше сплошной песок. Прежде чем взяться за лопаты, Спиридоныч побегал по поляне, нарвал какой-то травки.

— Это — целебная травка, Голубке на пользу.

Взялись за лопаты. Я после нескольких бросков останавливался передохнуть, он же кидал песок непрерывно. Когда подвода стала полна, сказал:

— Смок Белью у Джека Лондона, перетаскивая припасы через перевал, тоже поначалу думал, что должны быть короткие переходы и короткие остановки на отдых. Но догадался, что длинные переходы и долгий отдых производительнее. Так в любом деле.

Я даже устал удивляться его речам, но недоумение от него нарастало.

— У вас в деревне богатая библиотека?

— Нет здесь библиотеки. Это у меня отголоски прежней жизни.

Песок надо было возить на стройку. По другую сторону деревни, довольно далеко от неё из неглубоких траншей выступали зачатки фундамента и не было ни души.

— Животноводческую ферму затеяли, а колхозик-то слабенький, своих мастеров не имеется, из райцентра приходят по случаю. Надеются таким методом чего-нибудь возвести. Ну, наше дело — приказ выполнять.

Присели покурить перед следующим рейсом.

— У меня махорка своя. Угостить? Сооружу я и тебе самокрутку. Махра сильней пробирает, чем табак в папиросах, и дешевле, и курить хочется реже.

Заметил большой лоскут толи и тут же его подобрал.

— Сгодится крышу заделать, а то жена не приезжает, когда сверху капает... Не ходи на обед время терять, у меня перебьёмся гречневой кашей. Кстати, у Пушкина в дневнике: «Обедал гречневой кашей». И для Голубки у соседа сена сопрём.

За несколько дней, что мы возили песок, на перекурах, на пешем ходу рядом с нагруженной подводой, на доске-облучке, когда ехали порожняком, Спиридоныч реченьем к речению объяснил мне себя.

— Не может такого быть, чтобы у нынешних студентов не было той же тяги к непреходящему, как у нас, довоенных. Хоть из последнего ряда галёрки, из-под самого потолка, хоть

в шёлку какую-нибудь, а надо видеть рождение красоты и наполнять ею себя. Конечно, в обилии красоты есть коварство: человек насмотрится величайших полотен, наглядится на гениальных артистов — и всего лишь нагрузится лёгкими впечатлениями. Постигание красоты — это не знание того-то, того-то и того-то, а — пронзительное чувство, побуждающее жить только так, а не иначе.

Есть в Русском музее в уголке у двери маленькое полотно неизвестного художника «Сумасшедший скрипач у постели умершей матери». Видишь горе, а слышишь музыку. А музыка — это голос вселенской души, как сказал кто-то мудрый. Даже в рок-вопле, даже в мычании блюза есть её эхо. Но есть просто хорошее, очень хорошее, просто прекрасное, а есть нечто возвышенное над нами. Вот по собственной разнарядке идёт юноша поглядеть на балет. Ах, как томительно милы полуголые балерины, как отточены их фуэте, как изящна слаженность кордебалета, как чарующе пение скрипок вторит полёту точёных ножек! И напрасен этот восторг, если, поглядев хоть десятков балетов, этот юноша не почувствует отличия между, допустим, Чайковским и, допустим, Аданом. Конечно, Адан изящен и точен — именно точен: его музыка сопровождает танец, подчёркивая, подсказывая, поясняя его. А Чайковский — всегда симфония, в которую танец вливается, открывая нам действие переживаний. Вполне ведь можно представить балет на «Фатум» Петра Ильича...

Всё это — настрой на ранних шагах судьбы. Выспренно? Да, не самые большие люди искусства не прочь высказываться образно, чтобы отметить свою причастность к возвышенному. А если обыденно говорить...

Не повезло мне с рождения. В детдоме значилось: «Родители неизвестны». Потом, на возрасте, подслушал смутную молву, будто бы они попали под топор при терроре после убийства Урицкого. Но точно это узнать никто бы не смог: в архивы ЧК не сунешься. Да и не хотелось в это верить, ибо тогда кувырком пошла бы расписанная в лозунгах жизнь. Уютнее было считать, что тебя подобрали в канаве.

Разведчик из хореографического училища высмотрел в детдомовской самодеятельности ладного мальчишку, по природе чувствующего ритм, способного выделять ногами любые выкрутасы. И были светлые годы, открывавшие выси. Но вскоре всем стало ясно, что не выйдет из мальчишки балетного героя. Только и светило комическое амплуа — например, шута в «Лебедином озере», но и на него очередь стояла из признанных. Благо, приняли в Мариинку помощником постановщика, репетитором. Возле корифеев жарко,

сами горят и от подручных требуют того же. Зато и на тебя падает свет. Рвения стало, подвинули в ассистенты. Увлёкся историей театра, начал собирать легенды.

И тут судьба посмотрела приветливо. Из кордебалета или кто ещё ярче не улыбались, а она работала по реквизиту. Тоже без памяти о родителях. Прислонились и — накрепко. Однолюбь. И всё складывалось очень ничего, но — война. Провожая, не рыдала, не плакала — «Знаю, вернёшься». Вернулся...

В те дни школа молодого бойца была короткой: поставили в строй левофланговым, дали винтовку со штыком выше головы, показали, как затвор передёргивать, как целиться и курок нажимать. Но ни разу выстрелить по врагу не пришлось.

На каком-то рубеже спозаранку принялись рыть окопы и не успели дойти до положенной глубины, как с неба чёрные капли посыпались и всё вокруг вздыбилось. Швырнуло наземь и комьями глины засыпало, придавило. Стало темно и беспмятно. А когда прояснилось в голове и выбрался, весь натужась, на свет Божий, первое, что увидел, — немец в полнеба. Весёлый немец, белозубый. Повёл штыцером в сторону — «Schneller, иди!». Побрёл, куда указал. В овражке, под горкой уже было с десяток туда согнанных наших, окровавленных, побитых взрывами, но были и целые. Погнали гуртом, с другими соединили, колонна образовалась — ни головы её, ни хвоста не видать. Да и нечего было вперёд смотреть и оглядываться. Следовало быть подальше от конвоиров, они дерзких сразу стреляли и тех, что падали, обессилев. Когда неодолимая сила всех плющит, самые сильные и самые слабые первыми гибнут. Страх требует стать незаметным и для охранников, и для своих. Среди своих-то немало таких, что живут, предав ближнего, дальше...

Крепкие ноги при общем пустяковом весе пронесли через пленные мытарства. И судьба провела мимо концлагерей с газовой плахой. Как где-то в Польше за проволоку на пески загнали, так и до конца. Бежать не решался. Куда? И сговориться боялся. Четверых расстреляли перед строем, хотя они и не успели убежать. Одного — за то, что компанию собирал, остальных — за то, что уговорились... Три года копали песок и тачками возили к железной дороге. Дважды посланцы генерала Власова вербовали в Русскую освободительную армию против большевиков воевать. Много чего обещали, но уже приспособился тихонько день за днём выживать, да и откликаться на такую вербовку — дело громкое. А в третий раз, когда совсем не нашлось добровольцев, каждого десятого из строя прямо на плацу расстреляли. Погрозились, что

будут — каждого седьмого, а потом — даже пятого. А если поначалу оказался девятым, то шестым или четвёртым вряд ли окажешься. Вместо души-совести одна только жилка осталась — ещё хоть немного, хоть как-нибудь просуществовать, чтоб утром небо увидеть.

И снова стрелять не пришлось... — нет, удалось не стрелять теперь уже в бывших своих. Определили в обоз. Правда, выпадало возить боеприпасы... И снова плен — теперь уже у бывших своих. Власовцев — командиров и особо рьяных — расстреливали толпами и вешали гроздьями. Остальным — срок в жёстком режиме, лет на пятнадцать-двадцать, чтобы стало времени искупить грех перед родной. К нашенским лагерям было не привыкать: немецкий лагерь выучил, как выживать. Лес валили, руду ковыряли, канал Волга—Дон рыли. За это скостили срок до двенадцати лет, а как Сталин помёр, выпустили на волю, но с предписанием быть не ближе ста одного километра от больших городов.

Вот и пристроился, как посчастливилось, — в хилом колхозе, в брошенной, обветшавшей избе, которую, что ни дождь или ветер, надо латать и латать. Вот и жена дождалась и рыдала при короткой встрече. И теперь наезжает по воскресеньям, потому как, ежели мужу явиться в Питере, отправят его обратно по лагерям. Ей сюда, в беспросветную деревеньку, решено не переселяться: надо комнату в Питере сохранить — после смерти вождя всех и вся атмосфера вроде бы потеплела, а вдруг сто первый километр отменят и позволят жить, где захочешь.

Кроме неё, везде, даже здесь всем чужой. С опаской глядят — вдруг тень от изменника их заденет. Потому и работы хорошей не дают, всё на подхвате и на подхвате. Но ничего, жить-то можно.

Ничего нет в мире святее женщины, которая ждёт и дожидается. И принимает судьбу, какая выпала ей. Что мать, что жена, что любовница...

Я не успел проститься со Спирдонычем — из деканата ввиду скверной погоды пришло разрешение отозвать нас до срока, и не зарёкся я когда-нибудь навеститься к нему, и навряд ли случилось бы так, чтобы мы встретились на подходе к театру..

Вот такие два персонажа из несуществующей науки выживать. Очень много лет со студенчества набежало, но когда нестерпимо трудно, то один вспоминается, то другой.

А кто, по-вашему, чаще?

После первых же километров дороги между попутчиками возникает лёгкое общение. Беглые разговоры ещё не касаются серьёзных тем, и поначалу купе наполняется анекдотами. Они обычно не оставляет глубоких следов: усмехнулся — и ладно.

А вот вторая тема, как бы сама собою рождаемая в чуть устоявшейся компании — это, разумеется, женщины, если, конечно, компания сложилась без них. Тема бесконечная — от обиды до усмешек, от обожания до похвальбы. Но сейчас из обилия то с улыбкой, то с грустью переданных случаев мне вспоминается тот, что был поведен очень строгим на вид и манеры попутчиком. Когда женская тема приобрела слишком уж грубые чёрточки мужской болтовни, он, прервав её, так сказал:

— Женщина, прошу усвоить, — чудное явление нашего бытия. У неё множество самых высоких качеств. Но я бы отметил умение понимать того, кого она любит. Могу рассказать эпизод из жизни моих добрых знакомых. Полагаю, он напоминает притчу и поэтому приподнят над всем нам привычной обыденностью.

Несколько смущенные, мы немедленно согласились.

— В первый новогодний полдень из дома, в котором проживало несколько десятков благополучных семей, вышла молодая супружеская пара. Мужу было уже чуть за тридцать, а жене — ещё около двадцати. Это их супружеский стаж составлял меньше года. Зрелость и юность, соединяясь, нередко чудный дают результат. Оба они так были милы, что друзья любоваться ими не уставали, а прохожие оглядывались в восхищении.

Несмотря на возраст, невеликий для медицинского мира, он уже достиг высоких в нём степеней. Он был преискуснейшим хирургом. Операционная не могла вместить всех желающих хоть вполглаза увидеть его работу. Он не просто понимал, а чувствовал чужой недуг и творил операции как бы на озарении. Многие завидовали ему, а близкие коллеги всерьёз называли его волшебником.

Она же о практике его на медицинском поприще только это и знала. Он о работе своей почти ничего не рассказывали, оберегая от жутких для неё впечатлений, — ведь хирургические операции всегда связаны с кровью. Ну, вернул к жизни за минувший месяц пять-шесть безнадежных людей, а как — это дела специальные. Она и не расспрашивала — пусть волшебство остаётся таинственным. Но часто любовалась и гладила его красивые, крепкие пальцы — это ведь руки волшебника.

Сама-то она была студенткой консерватории по классу фортепиано. Высоких похвал пока не достигла. За трудные этюды бралась неохотно, а виртуозных пьес Ференца Листа просто боялась. Она при муже играла только тщательно отработанные ею вещи, а новых не разучивала при нём никогда, потому что в исполнении тоже должно быть таинство, а при постижении сложных пассажей на клавиши капает пот.

Вот такая милая пара вышла из дому в первый новогодний день. Их ждали верные, любящие друзья.

Ночью выпал обильный снег. К утру небо очистилось от облаков, и солнце мягко искрилось в белом покрове земли и деревьев. Следы молодожёнов, пока шли они по двору, были первыми на ещё никем не тронутом снегу, но когда они вышли на улицу и слились с вереницей прохожих, следы их слились с чужими следами.

Через три или четыре квартала путь перегородила толпа. Она заняла весь тротуар. Протискиваясь сквозь неё, молодожёны увидели, чего это она собралась.

У стены дома, зажмурив глаза, а рот приоткрывши и всхрипывая надрывно, лежал мужичонка. в замызганном тряпье, весь в своей же блевотине.

Толпа возмущалась:

— Вот же дрянь! Такой день хороший, а этот — свинья свиньей! Обрыгался и валяется у всех на виду!

Но хирург наш, лишь глянув, сразу же понял, что это — не мерзкая пьянь, а очень больной человек, может, даже и при смерти. И он пробился сквозь толпу, и склонился над бедолагой, и белоснежным своим платочком стал вытирать блевотину, и волшебными руками своими, раздвинув обрыганное тряпье, ощупывать грязную грудь.

При виде всего этого юной супруге его стало противно, а потом — ужасно и дурно. Она выбралась из толпы и, подавив тошноту, побежала вспять, пытаясь освободиться от жуткой картины: милые руки ковыряются в самой что ни есть мерзкой мерзости...

Можно только вообразить, что было с нею и в ней, пока она в одиночестве бродила в стороне от прохожих, но — верно вообразить, если знать, к чему привело свалившееся на неё испытание.

Очень похоже, впервые так явно открылось ей, что жизнь состоит не из одних милых радостей и лёгоньких несуразниц, что жизнь вокруг переполнена пусть и чужими, но вплотную подступающими невзгодами, что от чужих страданий не загордиться и не отбежать. Бывают эти невзгоды и эти страдания как бы прикрытыми и потому не замечаемыми, не требующи-

ми участия. Но бывают, и часто, такими, что как бы сами собою кричат, а то и молчаливо молят о действенном сострадании. И существует, не может не быть множества людей, не просто разделяющих и этим смягчающих чужие бедствия. Есть мастера, которые умеют и готовы их разрушать, освобождая от них. Если хотите, величайте волшебниками таких мастеров, а работу их — волшебством, а порождает его сострадание. Великие слова «Трещина мира проходит через сердце поэта» можно без всякой натяжки и следует отнести ко всем, кто своим талантом и мастерством, а главное — щедростью своей души помогает людям рушить невзгоды, да и просто жить чисто. Не будь этих волшебников, страдания заполнили бы и опрокинули мир. Как это ни сложно, а жить рядом с ними — неизбывная радость.

Конечно, мысли у юной пианистки были попроще. Скорее это были не мысли, а движения души. Однако вот что определённно.

Зачем это Лист, наверняка задумалась она, и так в своих сочинениях неимоверно виртуозный, создал ещё и этюды сложности запредельной? Нелепо же полагать, что это — каприз неудержимого гения. Нет, нет! Это — высший взлёт гения: с небесных вершин он хотел бурными переливами чудных звуков передать людям что-то такое, что откликнется в них, поднимая их в ту же высь. Но ведь эти этюды по сложности своей неисполнимы. Заурядностью неисполнимы?..

Хирург не скоро вернулся домой, а когда переступил порог, тотчас услышал переливы басистых и звонких струн рояля. Эти переливы вдруг обрывались, но после коротенькой паузы снова и снова вздымались, будто пытаясь подняться в очень высокую даль.

Он осторожно вступил в комнату, где был рояль, и впервые увидел родную молоденькую пианистку за её тяжкой работой. Он подошёл к ней совсем близко и опустил руки на её напряжённые плечи. И она, не отрываясь от рояля, прижалась щекой к его крепким волшебным пальцам...

Назначение волшебства — очищать мир от грязи. Но всем ли дано это понять?

КРИМИНАЛЬНАЯ БЫЛЬ

Если в купе компания не сложилась, на столике один только чай от проводницы, а у соседей постные лица. Лучшее место для общения, пусть и недолгого, это — вагон-ресторан. При условии, что повезёт на сотрапезника.

Моим визави был приятный по манерам и виду мужчина в свежей сорочке и пиджаке — не то, что иные, являющиеся сюда в пижаме или даже в майке и шортах. Поначалу он был молчалив. Не спеша выпил бокал темно-красного вина, не спеша закусил. И всё смотрел поверх моего плеча и то усмехался, то морщился, то вздыхал с сожалением. Там, позади меня, был подвешен к потолку монитор, соединённый с видеомagnитофоном, и на экране бесконечно проносились погони, разнообразнейшие насилия, превращения степенных мужчин или милейших девушек в трупы, мелькали кровавые лужи, перекошенные злобой лица, смачные удары по скулам или под дых, и сопровождали всё это жалобные или свирепые вопли, пальба, взвизги тормозов и рычание моторов. Детективы, одним словом, и в основном-то отечественного производства. Должно быть, директор ресторана был «патриотом».

Визави почти безразлично смотрел, смотрел на монитор за моим плечом и разразился вдруг монологом:

— Вы правильно расположились спиной к этой галиматые. Я бы тоже так сел, да вас не хотелось стеснять. Думаю, вы того же мнения, что и я, относительно, так сказать, «творений» и демонстраций такого сорта. И в литературе, и в кинематографе, а значит — и на телевидении уже не наводнение этого жанра, а потоп.

Он, похоже, был из редующего сонма тех людей, что раздражены накипью делячества в искусстве и вообще в нашей нынешней жизни, заряжены на острые суждения, однако не достигли высоких трибун, почему и настроены высказаться даже в малой компании. В моём взгляде, должно быть, выразился интерес, и он продолжал:

— Знаете ли, я был поражён и обрадован, когда в метро увидел в руках юноши не книжонку в дешёвой обложке, изображающей обнажённую девку или физиономию убийцы, а — томик Тургенева. Талантливая старуха Агата Кристи успехом своим породила сонмище авторниц беглого читива. Назойливые предложения воспитали азартный спрос, а распухший спрос раскормил предложения.

Главное — откуда берутся сюжеты. Добро бы из милицейских протоколов, хотя и взятый оттуда голый факт требует плоти из выразительных слов, иначе не сплести и слабенького «творения». Но как часто перипетии книжонки или телевизионного сериала — всего-то натужное правдоподобие жизни. Такое впечатление, что собрались мужики, выпили водки и настроились сочинить нечто небывало заковыристое. Или дамочка пришла в экстаз от своих же нежитейских

фантазий. Думаю, разновидностей преступных действий в жизни значительно меньше, чем в детективных книжонках и сериалах. Хотя случаются факты, не попадающие в криминальные перечни.

Вот если вам витийство моё интересно и вы разделите со мной бутылочку «Каберне», расскажу об одном действительном происшествии. Его сообщил мне очень серьёзный человек. Не шутник.

Ранним мартовским утром в милицию позвонила служанка из элитного жилья и сообщила, что её хозяйка убита. Выехала оперативная группа, и предстала ей такая картина.

У подножия старинного и уже ветхого и покинутого трёхэтажного дома лежала, уткнувшись в снег, женщина в коричневой норковой шубке и дорогих меховых сапогах. Рука её крепко держала кожаный поводок, и чёрный пудель то скулил над нею, то тявкал на верхние этажи. На вид женщине было лет семьдесят пять. Из головы её, пропитав расписной пушистый платок, стекала струйка крови. Удар был нанесён сзади и сверху увесистым твёрдым предметом. Без всякого сомнения — убийство.

Звонили из элитного дома, а в этом ни одно окно не светило, и подъезды были темны, ибо он был обречён на снос, и жильцы его уже с полгода, как убралась.

Поначалу следствие пошло нерасторопно — должно быть, из-за раннего времени, — но когда установили личность убитой и старший оперативник воскликнул: «А не матушка ли это Бориса Борисовича?!» — дело двинулось весьма сноровисто.

Хозяйка норковой шубы и чёрного пуделя жила по другую сторону квартала, в доме новейшей постройки, где квартиры были из пяти-шести комнат, потолок повыше, чем даже в брошенном старинном доме, а в холле бодрствовал охранник. Ну да! — это же Борис Борисович так поселил свою матушку, приставив к ней опытную служанку. Версии печального происшествия завертелись.

Сразу же определили, что снос дома уже затевался: крышу убрали и кирпичный чердак пошевелили, однако рабочие-разборщики с неделю назад перебежали на другой объект, где, должно быть, платили щедрее. Некого порасспросить.

Старый, уже подтаявший снег вперемежку с осколками кирпича и прочим мелким и крупным мусором был у дома густо затоптан, следов убийцы не определить. К тому же и на грабёж не похоже: содрали бы со старушки и шубу, и меховые сапожки. Искать надо. И думать.

Дом весь прошарили от подвала до чердака и обнаружили десяток бомжей, приютившихся в запустелом жилье. Основательно их потрепали и не выявили ничего. Бомжи дорогие одежды прибрали бы к рукам.

А не служанка ли причастна к убийству? Не сама, конечно, — тоже ведь старушенция, и, кроме как придушить хозяйку в постели, силёнок не стало бы у неё. Но, может, организовала кого-нибудь? Потоптали её допросами. И мотивов злого деяния не установили. Хозяйка сама одаривала её своими слегка поношенными одеяниями, а за домашние услуги и заботы столько платила, что старший оперативник вздохнул сокрушённо. И никто, от соседей до продавщиц супермаркета, не видел служанку даже с мало-мальски подозрительными лицами.

Более того, Борис Борисович, сын убиенной, впал чуть ли не в ярость, узнав о таком подозрении. Тётенька эта его холила с малолетства, а при матушке состояла прямо-таки в доверенных подружках. Он и генералу высказал удивление беспомощностью его службы. Тот в ответ виновато поохал.

Борис Борисович был субъектом авторитетнейшим: он успел и сумел ухватить в пору первой безудержной приватизации весьма и весьма крупный куш, и его доходы вызывали и зависть, и восхищение. Самые видные и значительные люди были с ним в дружелюбии. Его, например, лишь пожурили с усмешкой, когда, набив шлюхами свою вместительную яхту, он побродил с ними по Средиземноморью. На знаменитейшим курорте обнаглевший гарем вызвал скандал, возмутивший почтенную публику и получивший огласку... Понятно, почему генерал, собрав свою службу, долго и гневно стучал на неё сапогами. И, ещё не остыв, выдвинул свою версию.

Это же кто-то из врагов-конкурентов или обозлённых завистников хочет Бориса Борисовича подкосить, а для начала решил его в горе повергнуть, ведь человек от горя сильно слабеет, и запросто будет его раздавить. Или сам он, плотно охраняемый и осторожный после круиза со шлюхами, подставится под прицел.

Следовательно, нужно пройти по всем его отношениям и определить, кого же он сокрушил или крепко обидел, а затем всех этих злодеев хорошенько прощупать, выявляя главного.

И вот самые проницательные подопечные генерала, перепоручив все дела, принялись за ответственнойшее задание. Дни и ночи шли они по нитям и ниточкам, которые вели от Бориса Борисовича в другие фирмы и города. Немало отыскалось

просто обиженных и ярых его врагов, только вот подозрения не воплощались в улики. А делом этим постоянно интересовались в очень высоких сферах: Борис Борисович значился в разряде неприкасаемых.

Не поздоровилось бы всем подопечным генерала и ему не избежать бы отставки, если бы один бомж, обретавшийся в той старенькой трёхэтажке, не повстречал бы школьного друга, не выклянчил бы у него денег, не притащил бы на ночлег водяры и закусона, не напился бы и не разболтался бы по пьяни, вопреки своему же решению крепко помалкивать. Молва тотчас доплыла до оперативников. Бомжа повязали и заставили говорить. Не поверили ни первому его сообщению, ни второму, хотя были они одинаковы. Поколотили его ради истины, он и в третий раз сквозь рыдания повторил свой рассказ слово в слово. Ему начали верить, когда по его же указке, недалеко от того места, где лежала убитая, нашёлся единственный среди мусора и осколков почти целый кирпич. При первом осмотре об него споткнулся младший оперативник, отшвырнул сапогом, и это вещественное доказательство во внимание принято не было. Без промашки следственных дел не бывает.

Утверждать, что этот бомж был виновником происшествия или, по крайней мере, соучастником, не было никакого резона: он ведь не снял с убитой дорожную одежду, а на привычный ночлег в старом доме вернулся, хотя легко мог исчезнуть в одном из других таких же пристанищ. Так что всего-то бомж являлся свидетелем, и он к тому же точно назвал виновников происшествия. Однако схватить и привлечь к ответственности по самой суровой графе закона возможности не было никакой. Почему?

В то трагедийное утро свидетель-бомж спозаранку и втихаря покинул свой уголок на ночлеге. Спозаранку затем, что было далеко добираться до места, где его подкармливали за перетаскивание тяжелого товара. А втихаря потому, что увязался бы кто из сожителей. У бомжей дружба хилая. Вышел на улицу. Вдохнул свежего воздуха. Пахло весной. На верху дома, на потревоженной кирпичной кладке призывно вопил мартовский кот. А в ответ ему на тротуаре кошечка откликнулась. Бомж чуть ли не прослезился от умиления.

Как вдруг явилась чёрная собака, за собой на коротком поводке она тянула семенившую бабку. Собака увидела кошечку, гавкнула на неё и приготовилась прыгнуть, но та ловко шмыгнула куда-то в сторону, не на чердак. От возмущения, что его милёнка испугнута и исчезла, кот на верху дома свирепо зашипел и подпрыгнул раз и другой. От этого со-

рвался и полетел вниз кирпич. И наперекор всем другим вариантам угодил прямо в собачью хозяйку. Та и рухнула на-земь.

Бомж обрадованно подбежал: вот поможет ей и получит вознаграждение. Разглядел старуху и увидел, что она уж мертва. И лихо дал дёру: у милиции, известно, к бомжам снисхождения нет, пришьёт чего станет ей надобно. И вот разболтался по пьяной дури.

Составив основательный протокол, бомжа отпустили: его сообщение вооружало на закрытие дела. Генерал остался в прежнем звании и прежней должности. И подопечных его не тронули, хотя и посмеивались — как же отыщут они того кота и ту кошечку и какое наказание определяют собаке.

Вот вам правдивый криминальный сюжет. Будь у меня знаковый режиссёр, развёл бы его на сериал. Нет, никто за такой сюжет не возьмётся. Это же должна быть сатира, довольно злая, и не только на следственные органы, но и очень повыше. Ныне сатира не в чести. В ходу разве что безобидные шаржики.

Мы допили «Каберне», и он ушёл, очень вежливо попрощавшись. Правда, в глазах его мелькнула грустинка, будто он возвращался к скучным делам. Но теперь и мне интересно: найдётся ли постановщик вот такого сюжета?

ПЕРВЕЙШЕЕ ПРАВИЛО

Вообще-то о делах своих попутчики, даже и приоткрывшись, откровенничают редко, если, конечно, не хотят похвалиться. Откровенность обычно рождается из задумчивости, которую навеивает размеренный перестук колёс: дорога — это всегда расставание с чем-то и ожидание чего-то.

Однажды я сам завёл разговор о том, что пережитое непременно откликается раньше ли, позже и кое-что в жизни диктует. Философские мотивы вплетаются в общение, когда и собеседник настроен на них. Иной раз в купе разместится напротив тебя такой бука, что и подступиться к нему неохота, а в тот раз от соседа повеяло чем-то таким, что бывает у тех, кто живёт среди людей в заботе о них. Слово за слово, наш разговор возвысился до умозаключений, и повёл его мой попутчик.

— Да, пережитое помогает или наказывает — это уж каков человек. Тем не менее я полагаю, что есть нечто более значимое. Каждая судьба, по-моему, решается в столкновениях с другими судьбами, даже очень и очень дальними. Эти чужие, иной раз и чуждые судьбы обычно к тебе лишь чуть-чуть прикасаются, но, бывает, круто поворачивают жизнь.

Мы ведь, вступая в жизнь и шагая по ней, постоянно проходим разного рода экзамены. Бывают они проходными, мало заметными, бывают серьёзными, у женщин — на жену, у мужиков — на мужа, например, или на дружбу, а бывают и важнейшими — на профессию. Рано или поздно такой экзамен каждого наступает, если, разумеется, то, чем человек занимается, можно определить как профессию.

Знаю я разные случаи. И благоприятные и роковые. Да что хитрить-то? Не буду хитрить — это было со мной.

В крупнейшем уральском городе я претолочно выучился на журналиста. Причём, не сплошные пятёрки стали тому основанием, а зрелые журналисты на практике и преподаватели отмечали во мне способность вникать в героев очерков, находить и передавать их своеобразие. И в награду направили меня работать в Молдавию, сразу в республиканскую молодёжную газету.

Молдавия — край благодатный, красивый, добрый, приветливый. Это сейчас оттуда идёт в Россию поток безработных, это сейчас русскоязычные люди чувствуют себя там чужаками. А тогда...

После первых же двух-трёх материалов установилась ко мне в редакции благожелательность. Даже в очередную командировку дали машину, хотя ехать предстояло всего-то за сотню километров, за Днестр, в городок по имени Рыбница. Дорога туда вела мимо садов и виноградников на покатых холмах, мимо белых и голубых селений, утопающих в зелени. Я даже на стихи вдохновился:

*Мне по сердцу злое рычанье мотора,
Дороги призывная крутизна,
Когда открывается чуткому взору
Ещё не изведенная сторона.
Машина прожорливо жрёт километры,
И радость движенья теснится в груди,
И взбешенно мечутся встречные ветры,
И всё позади, и всё впереди!*

Десятилетия пролетели, а не забылось...

Город Рыбница — это одноэтажные кварталы, вставленные в непрерывный парк, прижаты к Днестру косогором.

В комсомольском райкоме посыпались советы:

— У нас есть прекрасная виноградарша — героиня труда в двадцать лет ... На стройку цементного завода приехали замечательные ребята... У нас народный театр талантливый... Есть толковый молоденький сельский учитель, у него брат погиб в партизанах. Из института истории интересовались...

Все советы я взял на заметку, а для начала ухватился за последний.

Жил до войны в маленьком селе у Днестра невысокий худенький паренёк. Не в заводилах был, тихий. Учился, как все одногодки, книжки читал, думал, как подрастёт, пойти в трактористы — очень понравился ему кинофильм о водителях могучих машин. Трактор — это ведь мирный танк. А до этого послужить в пограничниках, там славные ребята, хоть и строгие.

В четырнадцать лет, как и полагалось, вступил в комсомол. За билетом надо было прибыть в райком, в Рыбницу: там происходило торжественное вручение заветного документа. По прямой дороге над берегом автобусы не пускали: тогда была там граница. Добираться до Рыбницы приходилось далёким объездом почти целый день, а напрямик — десятка три километров. Юность выбирает прямые пути.

Отправился ранним утром. Ветерок в спину, солнце над головой. Шагал, насвистывая «Броня крепка...». Но чем дальше шёл по каменистой дороге, то падавшей к днестровской воде, то вздымавшейся на кручу, тем чаще и чаще останавливался передохнуть. И не хватило силёнок одолеть всю дорогу. Пограничники подвезли.

В приятелях был у него одноклассник — крепенький паренёк, будто свинцом налитый. Однако идти вместе к знакомому трактористу выучиваться, подсобляя, не захотел. Любил с животиной возиться. Откормится поросёночек — будут зимой хоть котлеты, хоть костица — мясо с косточкой на углях, хоть сальце. Ну, на селе и это — хорошее дело.

Война рядом с селом громыхнула. Отступавшие красноармейцы вцепились в прибрежные кручи, держались, пока танки с крестами на башнях не обошли их с тыла и раздавили. Война покатила на восток. В селе, разросшемся к тому времени, хозяйничала примария — румынская жандармерия.

Наш паренёк в армию не успел: ему только за семнадцать перевалило. Притихнуть бы, затаиться, как многие, а он забеспокоился. По ночам пробирался, крадучись, туда, где был бой, волок домой то автомат, то винтовку с патронами, то гранаты и прятал в погребе. И в какую-то ночь, не потревожив ни матери, ни братишки, исчез. До села добежала молва, что где-то недалеко действуют партизаны. Мать догадалась, куда и зачем ушёл сын, и, когда жандармы пришли любопытствовать, объяснила, что подался он в город подзаработать. Те навряд ли поверили.

Его не было больше года. Он вернулся глубокой ночью, перебинтованный по голове и груди. Пришёл не в свой дом —

мать всполошится и наверняка есть надзор, а к приятелю, животноводу-любителю, тот лучше спрячет до заживления ран. Приятель не испугался, уложил в каморке за каза маре — главной комнатой в доме, бинты сменил, накормил. Весь день был рядом, только отлучался поросёночку водички и корма подкинуть.

И вечером ввалились жандармы. Не рыскали по углам, а сразу пошли в каморку. Поволокли в примарию.

Румыны считали левое Приднестровье своей территорией, называли её Транснистрией и редко расстреливали местных жителей, провинившихся перед ними. Но страшно били и за малый проступок, подолгу и с удовольствием. А тут жандармам попался партизан — боевой, ибо раненный. Начальство оценит, под Сталинград не отправит, потому как ретивые и здесь надобны. Не подбираются ли партизаны и сюда? Один уж явился. Надо дознаться.

Его били всю ночь. Он не кричал, но слух по селу разлетелся. Мать прибежала, упрасивала пожалеть, её вытолкали, швырнули наземь. Она так и лежала до утра, и младший сынишка ревел возле неё.

Утром выскочила из примарии бабка, пошла по селу, причитая:

— Ой, приташили меня побелить, а там стена до потолка в крови!..

Чуть позже вывели нашего парня. Бинты сорваны, раны кровью сочатся, тёмные потёки под глазами и на зубах, но глаза широко открыты. Руки связаны за спиной, весь обвешан оружием, найденным в подвале его дома. На груди табличка с чёрной надписью «Partisanul».

И повели его по дороге над берегом, по той дороге, по которой не так уж давно он мальчишкой шёл на своё маленькое торжество, да всего пути не смог одолеть. Затем повели, чтобы все сёла на пути и все люди видели, какая участь грозит всякому, кто непокорен режиму. А он, под железным грузом, избитый насквозь, спотыкаясь на каждом шагу, шёл и шёл, стараясь держать голову высоко, и смотрел в глаза людям, жавшимся у плетней.

«Смотрите, люди, смотрите, и пусть уйдёт страх из ваших сердец. Не на жалость к себе я иду перед вами, а чтоб не было среди вас робких душ. Сколько вас ещё впереди? Пусть все увидят, как не сгибаются и умирают, чтобы вы жили гордо».

Он навечно упал, дошагав до тюрьмы...

В редакции чуть ли не всплакнули над этим очерком, извинив даже патетику. Главный редактор позвал к себе пожать руку:

— В знак такого успеха уступлю тебе тему, которую берёт для себя. Среди героев войны — уроженцев Молдавии — есть сельский врач, погибший, освобождая узников фашистского концлагеря.

Сижу я весь в лаврах, и входит тщедушный мужичонка. Прокovskyял до моего стола, сел.

— Меня к тебе редактор направил.

Так, первый посетитель. Лицо серое, будто никогда не видевшее солнца, одутловатое. Один глаз мутный, наполовину прикрытый. Ввалившийся рот без зубов. Положил передо мной помятый номер газеты с моим расхваленным очерком.

— Это ты написал?

Слова не из горла, а откуда-то из-под нёба выдавливает.

— И что?

— Я не слышу, глухой. Ты пиши.

«Вас что-то в очерке не устраивает? И кто вы такой?».

— Ты здесь написал, что я предатель. А я никого не предавал.

«Я написал, как мне рассказали».

— Я не предавал. Меня его мать оклеветала. И брат. Я из-за них пятнадцать лет страдал в лагерях невиновный. Меня даже не судили. Арестовали и увезли. Был бы я виноват, меня бы поставили на расстрел, а меня на пятнадцать лет... Я не предавал!

«Чего вы хотите? Я не следователь».

— Напиши, что я не предавал.

«Героя очерка схватили в вашем доме».

— Может, кто другой его выдал. Меня тоже жандармы допрашивали и били. А потом мать его на меня показала. В селе многие не верили, что я предатель, и забыли. А сейчас вспомнили и поверили. Как я буду жить? Мне и так мало осталось... Дай хоть немножко пожить...

Вот-вот заплачет. Но не заплакал, только несколько раз сжал глаза. Поднялся со стоном, заковылял к двери. Я подбежал помочь ему переступить порог. Он слабенько оттолкнул.

Я с неделю не мог взяться за новую, подсказанную тему. Мысли о героическом заслонял мутный, полуприкрытый глаз.

Брат героя меня навестил:

— Спасибо, хорошо написал.

— А как поживает тот, который предатель?

— Повесился. По вони нашли. Не хочу о нём говорить.

Главный редактор долго смотрел на меня, не отводя прищуренных глаз. Потом сказал:

— В институте признали правильность очерка. Наказания военной и послевоенной поры не пересматриваются. Однако... Очерк очерком, а человек, изуродованный в лагерях, но, возможно, невинный, в сущности, из-за тебя покончил с собой. А, наверное, хотел пожить... Знаешь, неудобно будет дальше с тобой...

Я сам ушёл из газеты. Истерзался весь — и ушёл. Более того, вообще оставил журналистику. Пресная тематика не влекла, а только возьмусь за такую, в которой должны раскрыться человеческие пути, тотчас встаёт перед глазами повесившийся. Это же я перед всеми его ославил. И я лишил себя права судить чужие судьбы.

Теперь я — учитель литературы в средних классах. Преподаю выверенные азы...

Есть первейшее правило жизни среди людей — не навреди! Оно всем известно, только вот для всех ли оно стало заповедью?..

СОСЕДУШКА

А всё же как-то спокойнее на душе, когда рассказывается тебе просто житейский случай — он хоть и откликнется раздумьем, да нету в нём горечи.

Вот один мужик был прямо-таки идеальным попутчиком. Войдя в купе, так приветливо улыбнулся, словно надеялся встретить именно меня — и встретил, и предложил немедленно пойти в ресторан. Но я не был настроен столь бурно отпраздновать предстоящее знакомство и в его же приветливой манере отказался. А он:

— С вашего позволения, придётся без вас выпить за ваше здоровье.

Вернулся он раньше, чем ожидалось.

— В вагоне-ресторане прямо-таки базар сейчас разгорелся. Почтенные на вид мужики за одним столиком собрались, а чуть ли не перессорились. Такие все убеждённые в себе, что чужих мыслей не признают. Сначала мирно чокались с добродушными пожеланиями, а потом разгорячились. И не вино виновато, а каждому захотелось своё суждение отстоять, возражая другому иногда и с ехидцей.

Толчок дала молодая компания по соседству. Столько собралось за столиком, что едва впрытык уместились. Водку безмерно пивом залили и расшумелись. Заглушили все голоса в ресторане. Уже и ссора занялась между ними. Не поде-

лили чего-то. Совсем в ор вдалились. Кое-как выставили их всем персоналом ресторана, но они ещё шумели в тамбурах и коридорах, пока начальник поезда их не разогнал, пригрозив высадить за хулиганство.

— Да-а!.. — произнёс первый из пожилых сотрапезников. — Молодёжь ныне пошла — тяжело видеть.

— Почему же это «пошла»? Воспиталась такой, — возразил ему другой. — А какое теперь воспитание — противно и говорить.

— Всегда были в этом процессе изъяны, — вступил в разговор и третий. — Однако были примеры для подражания. Идеалы, если угодно.

И пошло:

— Да какие примеры? Недостигаемые образцы? А воспитание в ваше время в том состояло, чтобы все дружно маршировали под барабаны и лозунги.

— Ах, у вас есть ваше время?

— Напрасно оба вы начинаете петушиться. Все мы из одного времени, которое, так сказать, разрублено на пласты и кусочки.

— Вот! Именно так! Каждому назначен его кусочек всеобщих условий.

— Да почему же «назначен»? Это — суждение для слабаков. А кто крепче, тот сам выбирает себе условия. Потому-то наше время так обильно на истины. У каждого, кто не поник, своя истина.

— Вот-вот! По-вашему, и хапуга по-своему прав, и насильник, и взяточник. Разброд правых интересов. А на деле — не оттолкнёшь, не получишь.

— Предлагаю вернуться к начальной теме нашей уже резковатой беседы. В том, что сегодняшняя молодёжь в подавляющей массе своей, говоря мягко, бесцельна, легко и бездумно поддаётся соблазнам, а в общем-то очень растеряна, виноваты мы с вами — отцы и деды. Сами растерянные, мы не дали им достойных ориентиров — кем быть, какими? Стать даже успешными слугами успешных воротил — не слишком вдохновенная участь, однако, что же иное? Все деловитые настоroje: не получишь ли сверху или снизу пинок? А до успеха дорвутся — погружаются в упоение роскошью, и никакое их самодурство не наказуемо. Мелкая проституция, мелкое воровство, мелкое жульничество преследуются и отражаются в гордых отчётах. А крупный разврат и крупный грабёж? Рыночные отношения охватили не только сферу вещественную, но и то, что составляет духовность. Нет ничего неприкасаемого. Всё продаётся, потому что покупается

Вот на этих тирадах мне стало весьма тоскливо. Оно-то, пожалуй, и верно, верно и то, что в наши дни по любому вопросу общественной значимости наберётся десяток очень разных позиций и каждая будет по-своему права. Только вот думаю, что жизнь и проще, и хитрей, и мудрее любых суждений о ней. Надо бы рассказать тем витиям одну житейскую быль, да не открылось и щелочки вторгнуться в их полемические слова.

А не рассказать ли вам? У вас взгляд, располагающий поговорить. Так вот:

На общей лестничной площадке на седьмом этаже живет по соседству со мной очень симпатичная женщина. С утра ей на вид чуть за тридцать, а поздним вечером уже и под сорок. Моя жена с ней подружилась, а я так — на обочине, хотя и в курсе самого главного.

А главное в том, что наша соседка заботами перегружена. Однако удрученной на людях не бывает. Всегда приветливая, улыбающаяся, готовая на соседские услуги. Все зовут её просто Юля, не слышал я, чтобы её величали по отчеству.

Живёт она в крошечной однокомнатной квартире, меньше и не бывает. Так уж зодчие утеснили её ради соседних хором. Кухонька — и двух гостей не усадить, а комнатка — метров шестнадцать да ещё с балкой перекрытия, нависающей с потолка. И живёт Юля там вместе, во-первых, с престарелой и болезненной матерью. Та раньше одна тут жила, но когда разболелась, вызвала к себе дочь из Крыма и поселила с собой. Тому года четыре уже.

Во-вторых, есть у Юли повзрослевший сын. Закончил школу и теперь служит на флоте в Приморье. Значит, некогда был у неё супруг, либо — беглый, либо отвергнутый. Скорее второе: не похожа Юля на брошенную.

И, в-третьих, живут при ней ещё два пацанёнка. Лет им по шести. Бойкие пацанята, смыслённые, будущие красавцы. Ну, есть в кого. Автор их — нынешний муж. Нет, не беглый и не отставленный. Просто нету ему жилья в комнатке, где и без него бытуют вповалку.

Муж этот обретался на стороне, в квартиру навевывался лишь повидать пацанят, без ночлега. Собой привлекателен незаурядно, что выразилось и в детишках, но, так сказать, неунывающий неудачник. Занятием, ныне мало востребованным. Вроде фотографом был на ялтинском побережье, но в нашем городе не нашёлся. К рекламным делам, например, чужака не подпустят...

Мать Юли вместе с хилой квартиркой владела ещё дачным участком с домиком, огородом и садом. Вот там он и

ночевал даже зимой при печурке. И не этим наделом был озабочен, а в дачном посёлке искал подзаработать. Этот обширный посёлок когда-то был создан мощным заводом, Завод развалился, а дачники выжили. Три длинные улицы с десятком поперечных проулков и две сотни добротных участков. Вот по ним Юлин муж и подвизался. Составилась маленькая артель. Для строительства непригодная, а так — подлатать, перетащить, вскопать. Дешёвая работёнка, но с весны до осени непрерывная. К тому же неподалёку вырастал городок замков-особняков, там тоже бывал наём на подсобные работы, если конкуренты запаздывали.

Но Юле и детишкам, не говоря уж о тёще, из тех деньжонк мало перепало. Иной месяц — и ничего. Что ли, от компанейского нрава, укрепились в муженьке тяга к выпивке. Поначалу выпивал артельно, а затем и в одиночку. Туда-то деньжонки и уплывали. Иссеянут — является с шоколадкой повозиться с сынишками и просто-напросто подкормиться. Юля не прогоняла — не лишать же сынишек отцовщины. А, может, бабская жалость, а то и нечто посильнее ею владело. Сердце женское не разгадать... Бывали скандалы, наверное, и попрёки, только внутри комнатухи они и погасали.

Какое же сравнение подобрать? С лошадкой, влекущей по вязкой дороге перегруженный воз? С экскаватором, роющим землю от зари до зари? Три работы Юля волокла на себе. С утра бежала в больницу подменить медсестру. В юности выучилась. В полдень — приглядеть, как детишки. Городской-то детсадик на годы вперёд недоступен, а частный открыт только для чад нуворишей. Пополудни Юля спешила в некую бизнес-контору составлять хитроумные отчёты: некогда освоила и экономические азы. А вечером — в школу мыть полы в коридорах и классах.

И что удивительно: эта карусель, непосильная и для иных мужиков, мало отражалась на ней, будто усталость никак её не брала. Глаза всегда с огоньком, в плавных, но крепких руках незаметна и тяжёлая ноша. И походка лёгкая, как бы летящая. Вот такая вот неунывающая неутомимость наполняла наших бабушек и матерей, которые в военное лихолетье удержали на себе страну, а потом вытащили её из разрухи... Нет, правда, это творческому человеку необходимо вдохновение, чтобы на бумаге, или на холсте, или в нотах выразить своё озарение, а к такой бедовой работе, как она, сила приходит в самих заботах.

Ну, в самом деле — часы в операционной не утомляют и представляются очень важными, это же радость, когда ещё вчера умиравший человек при тебе возвращается в жизнь. И

в конторе приятно, когда, составляя сводные отчёты, видишь, что за ними правильные дела. И, возвращаясь почти уже ночью из школы, не думаешь, а просто знаешь, что утром детишки будут дышать чистым воздухом.

По выходным дням, если не было ничего неурочного, она спешила на дачный участок. У неё, кстати, взамен крымской комнаты была легковушка, не какой-нибудь заезженный «москвичок», а хоть и подержанная, но иномарка, пусть и не высокого класса. Без неё на все дела было бы не успеть.

На даче — знаете, может, — в любую пору полно хлопот. Юля умела подготовить к доброму урожаю и вишни, и яблоки, и смородину, и малину, и привередливую клубнику. Опять же крымская выучка... Зато и сынишкам, и матери, да и супругу до лета хватало компотов, варений и соков. Но и с дачи она возвращалась весёлой, будто понежилась где-нибудь на Канарах.

Только однажды была огорчённо задумчивой и вот что при мне рассказала.

Возле дачной избёнки была насыпана из отборной земли особо ухоженная цветочная клумба. На ней с весны и до осени дружно и пышно росли тюльпаны, астры и прочие эдельвейсы. Юля всех соседей одаривала букетами. Мне бывало порой стыдно, что я замешкаюсь жене цветов принести по хорошему поводу, а дома стоят в вазе какие-нибудь пионы... Так вот что Юля рассказала однажды.

Весной посреди клумбы необычайно бойко стал подниматься к небу ирис с красивым стволем и сочными листьями-стрелками. Вот-вот расцветёт на радость глазам. Как вдруг заметила Юля, что рядом с ним, прямо-таки прильнув к нему, подрастает крепенькая дикая ромашка. Уже и выбросила цветок. Смотрела Юля, смотрела и вырвала её с корнем, а ирис тщательно напоила. Но на второй же день начал ирис увядать, поник и вовсе пожух. Не повод ли порассуждать о капризах житья-бытья? Сама Юля сказала так:

— Понятно. Если меня от моего муженька оторвать — напроць зачухнет.

А у муженька в последнее время что-то наладилось. По крайней мере, стал реже впадать в запой. Он же видел все надрывные хлопоты жёнушки и, должно быть, совесть в нём пробудилась. Всё охотнее и с лучшим настроением Юля стремилась на дачу, где он по-прежнему обретался.

А теперь о том, главном, ради чего этот сказ.

Едет Юля на дачу, припозднившись. На шоссе уже было просторно, а на просёлке — вообще никого. Собралась на развилке повернуть к своему посёлку, как видит вдруг непо-

далёку притулившийся к обочине бежевый лимузин. А перед ним стоит мужик с маленькой девочкой на руках и кивает головой — помощи.

Подъехала. Девочка в обмороке, едва дышит, хрипит. Быстро выяснила у мужика, что его доченьку укачало в дороге до рвоты, она глубоко захлебнулась и вот — почти умирает. Юля знала, как в таких случаях выручать. Положила девочку грудкой к себе на коленку, помассировала спинку и шейку, девчушка задышала ровно и чисто и через минуту очнулась. Посмотрела на Юлю, протянула к ней ручонки и воскликнула вдруг как-то и удивлённо, и радостно:

— Мама! Мамочка! — Прильнула к Юле и снова: — Мамочка! Мама!

И мужик прохрипел с надрывом:

— Господи, это же она в тебе свою мать увидела, а её больше года как нет.

Попытался перенять девочку к себе на руки — та к Юле ещё плотнее прижалась. И мужик сказал изумлённо:

— А ты действительно на Людмилу очень похожа. И лицом, и фигурой.

Девочку всё же удалось поместить в лимузин, но она и сквозь стекло к Юле тянулась. А мужик говорил:

— У меня уже сердце надорвалось! Если б не ты... Как тебя вознаградить? Поедем ко мне и решим. Или сразу возьмёшь тыщу валютной?

— Я по профессии сестра милосердия, — ответила Юля, — обязана помогать и награду за помощь не беру. И никуда не поеду, своих дел полно. А девочку немедленно отвези к врачу, пусть хорошенько осмотрит.

Вернулась за руль и отправилась в свой прерванный путь. И по дороге нарисовался ей тот мужик, хотя она и не очень-то разглядела его. Не коротышка, но приземист, да с брюшком, да широкая лысина на полголовы. Не стар и лицом ничего. Ну, да Бог с ним, мало ли кто помельтешит перед глазами. Вскоре дачные хлопоты его заслонили: вишни пора собирать, и клубника подходит, и сорняк снова попёр. Мужнёк-то этими хлопотами пренебрегает, но — молодец: с утра до ночи где-то чего-то делает. Интересно, сколько в этот раз принесёт? Он спозаранку торопливо ушёл, с вечера почти трезвый. Значит, теперь строго в артели...

Утро предвещало жару, и только Юля, по-пляжному одетая, взялась за мотыгу, как к избёнке её неслышно подкатил бежевый лимузин и явился вчерашний мужик с огромным букетом огромных роз. Весёлый, ни капельки не смущённый.

— Здравствуй, Юленька! Я все-таки тебя разыскал и у твоих соседей всё про тебя узнал. Снова прошу: поедет ко мне, это же всего семь километров отсюда. Леночка хнычет» «Когда мама придет?», да и я о тебе думал всю ночь. Честно говорю, не вру. Посидим по-хорошему, потолкуем.

— Да о чём толковать? У меня муж и двое сынишек.

— Вот и здорово! Организуем домашний детсадик. Наймём пару няnek и повариху. А муж... Что такой муж? Я и о нём порасспрашивал.

— Ну, это — мои дела.

— Ладно, только ты о себе, о своей жизни подумай. Серьёзно подумай, какой она может стать.

Отчалил. Все глаза проглядел на грудь и ноги, паршивец. Да хрен с ним, мало ли кто пялится и в больнице, и в конторе, и в магазинах. Надавать бы всем по мордасам! А розы соседей порадуют.

В ближайшую субботу жара разъярилась. Юля и от небольшой работы намаялась. Благо, в сарайчике у неё, как и на других скромненьких дачках, действовал немудрёный спасительный агрегат — объёмистая бочка, наполняемая из общего водопровода, с трубочкой в душ. Юля и сунулась нагишом в живительную струю. И не успела напиться прохладой, как ощутила, что рассматривают её. Обернулась — тот же мужик стоит в распахнутой двери и глядит.

— Отвернись!

— Не могу. От тебя невозможно отвернуться. Всю жизнь любовался бы...

Юля накинула полотенце, вышла наружу.

— Ну чего тебе надо? Чего нахальничаешь?

И совершил такой разговор:

— Юленька, не злись, подобрей и послушай. Я — не шутник. И не пустой приставала. Я — деловой человек. У меня к тебе очень серьёзное предложение. Бросай эту свою незавидную жизнь, бросай своего пустякового мужа и переходи ко мне.. У меня крепкое дело. У меня не такая дачка, а замок. У меня квартира из пяти комнат, и нам с тобой, и всем детишкам будет просторно. А когда захочешь — хоть на Средиземное море, хоть в Таиланд. Решайся.

— Так если ты такой богатея, купи себе девок, сколько потянешь.

— Я не по девкам. Я, как не стало жены, женщин не знаю. Я обещаю тебе верность и преданность. Решайся.

— Послушай, не хочю я в твою жизнь, понимаешь? И если ты сейчас же и навсегда не отвяжешься, я тебя прогоню мотыгой.

— Да ладно, уеду сейчас. А ты подумай ещё, подумай!

Чуть позже, в будний какой-то день, возвращаясь домой после мытья школьных классов и коридоров, она заметила у нашего подъезда тот же бежевый лимузин. Отошла тихонько в ночную темень и сидела там, пока лимузин не уехал. А у своей двери увидела огромный букет из диковинных цветов, которых и названий не знала. И потом не раз появлялись у её квартирки такие букеты. Передаривала она их, передаривала, а потом стала класть в скверике на скамейку — пусть влюблённые полуночники пользуются.

А мужик тот больше не возникал. Может, штурмовать утомился, может, гордость в нём возбудилась.

Историю эту Юля поведала только однажды. С усмешкой. Неподдельной усмешкой. И как-то спросила:

— А вот интересно, когда богатеев не любят и отвергают, что они чувствуют?

Кто же их знает?.. Подошла пора сынишек в школу готовить — ту самую, где поздними вечерами наводила чистоту. Мать совсем разболелась. Зато муженёк выправился, похоже. Выбрался из запоев и стал приносить заметные деньги. Хватало и на лекарства для матери, и детишек побаловать, и самой немного принарядиться. Жизнь стала не хуже, чем у других небогатых, да ладных.

Вот такой сказ. Честно говорю — не выдуман. Ну, подробнее получился, чем соседushка рассказала. И что же, по-вашему, в нём? Просто случай или нечто значительней? Думаю, есть тут повод поразмышлять о нашем житье-бытье. О том, что не всё ещё продано-куплено.

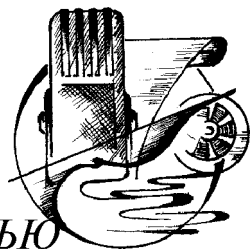
Галина СИЛЛАСТЕ,
доктор философских наук,
заслуженный деятель науки РФ

АВАНТЮРИСТЫ ИЗ-ЗА ЗУБЧАТЫХ СТЕН

— *Галина Георгиевна, вопрос о вступлении России в ВТО фактически решен. Кому это больше выгодно экономически и политически? Как население нашей страны относится к этому?*

— Есть одно золотое правило: если в определенных акциях имеется интерес у твоего оппонента, то решение выгодно в первую очередь ему. Я полностью переношу это на политику вступления России в ВТО. Почему переговоры шли в таком секретном режиме? Наверное, есть что скрывать от тех людей, кто еще способен думать и понимать то, что стоит за этим важнейшим политическим и экономическим шагом.

Вот результаты опросов общественного мнения «Левада-центра»: в 2004 году 58% россиян считали, что вступление в ВТО соответствует интересам нашей страны. К 2010 году — 47%. За шесть лет — минус 10%. А 29% респондентов считают, что отказ России от вступления в ВТО означает стремление «защитить российскую промышленность от конкуренции с более сильными эконо-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

миками западных стран» и «создать собственные экономические зоны».

— *Сколько стоит входной билет в ВТО?*

— Стоимость колоссальная. На кону стоит вопрос об уничтожении российской авиационной промышленности, обрабатывающей промышленности, вопрос фактического уничтожения нашего сельского хозяйства. Вступление в ВТО выгодно только торговцам углеводородами.

— *Согласно проекту, в стране будут созданы 20 городских агломераций с населением в 3 миллиона каждая. Случайны ли совпадения по времени: агломерации и вступление в ВТО?*

— Одной рукой правительство и Кремль губят свое сельское хозяйство, создавая агломерации, а другой открывают для западных продуктов огромный — 140-миллионный продовольственный рынок. Я думаю, что две разные линии политики одного государства не могут быть не взаимосвязаны. Вопрос в том, как глубоко можно просчитать последствия этих решений и действия тех интересов, которые за ними стоят.

Судя по решениям власти, просто напрашивается предположение о том, что между вступлением в ВТО, освобождением огромных территорий из-за создания агломераций, оттоком трудовых ресурсов в мегагорода есть логическая связь.

— *Вы считаете, что создание агломераций — это неправильное решение?*

— В 90-е годы основные глаголы в стране были «украсть, забрать», «прихватизировать»... В начале нового века — «сохранить», «заморозить». Сейчас основной глагол власти — «укрупнить». Под общим рефреном — модернизировать.

Все властные решения в последние годы направлены именно на укрупнение всего и вся. На политические, а не экономические и социальные проекты. Понятно, что создание городских агломераций-миллионников направлено против малых и средних городов. Это позволит власти свободнее уйти из зон, которые невыгодно поддерживать.

Агломерация бывает естественной и искусственной. Когда все идет естественным путем, человек сам определяет — будет ли он ездить в крупный город Санкт-Петербург, Москву, Новосибирск или останется в своем городе. Там у него есть работа, жилье, социальное обеспечение. И другое дело — если это линия государственной политики. Тогда могут загонять добровольно-принудительно. Например, отсутстви-

ем поддержки программ занятости населения, сокращением финансовых трансфертов из центра. Будут сокращать больницы, поликлиники, другие социальные объекты. И таким путем создавать многомиллионные городские гетто. При этом фактически уничтожат небольшие и малые города с населением до 100 тысяч человек. А это — 90% всех городов.

— *Но как управлять подобными монстрами? Многие ученые говорят, что город с населением свыше 100 тысяч жителей уже на грани управленческого риска.*

— Сейчас любая городская власть в нашей стране не может охватить все проблемы современных российских крупных городов. Если же и дальше развивать такие бешеные мегаполисы, как Москва или Красноярск, присоединив к ним области, — это будет утренняя электричка. Душно, холодно, озлобленно.

— *Где те гении-руководители, которые смогут обеспечить нормальное функционирование уже не мегаполиса, а мегаполиса в кубе?*

— В стране нет управленцев такого уровня, которые умели бы управлять агломерациями в разных условиях экономического развития. Я считаю, это абсолютно политическая идея. Плюс интерес определенного ряда кругов к экономическим дивидендам, которые может принести создание подобных монстров.

В Европе, например, таких агломераций нет и быть не может. Они берегут то, чем могут эффективно управлять. У Кремля же опять свой загадочный путь. Наша 20-летняя власть все время жмет на экономические педали и экономический эгоизм, подкрепленный политическими амбициями.

Чтобы доказать, будет ли любое решение полезным, бесполезным или вредным, нужно серьезно просчитать возможные социальные последствия управленческого решения. Но в современной России последствия просчитывать не принято. Над россиянами ведется бесконечный полевой эксперимент. Как над мышками. Я считаю решение по созданию агломераций авантюрным.

— *А ради чего затевается такой эксперимент? Какие дивиденды?*

— Создание городских монстров выгодно только верхушке конкретной городской власти, которая будет управлять такой агломерацией. Она приобретает дополнительные ресурсы, возможность дополнительного оборота, дополнительной прибыли за счет расширения рынков: не-

движимости, продовольствия, промышленных товаров. Любое укрепление — колоссальное расширение различных рынков.

При этом самый лакомый кусок — это расширение рынков недвижимости и земли. Эти два кита определяют сегодняшнюю жадность к созданию агломераций. Недаром говорится: «Берите землю, ее больше не производят». В основе — стремление к владению землей в рамках агломерации. Нарращивание своей земельной вотчины. И естественно, возможность торговли ею. Власть блестяще научилась торговать тем, что контролирует. Кажется, это единственное, чему она научилась за 20 лет.

— *То есть на российское село в администрации президента и правительстве, судя по докладу, просто махнули рукой?*

— Сейчас 73% населения страны живет в различных по численности городах. По предварительным данным переписи, в России проживает 141 миллион человек. Из них 66 миллионов — трудоспособное население. Предположим, 60 миллионов будут жить в агломерациях. При такой политике россияне сами освободят земли, которые не останутся пустыми. Ведь новые хозяйства на селе практически не создаются. Фермерские — выживают с огромным трудом. Я поражаюсь тем людям, которые на селе еще что-то делают.

— *Кому тогда в конечном итоге нужна идея агломераций в стране, которая не имеет устойчивой экономики...*

— Которая всю социальную инфраструктуру за Московской кольцевой дорогой просто разбила вдребезги, где село практически уничтожено. 10% российских сел не имеют ни одного жителя, такого даже после Отечественной войны не было.

Судя по всему, власть хочет расстаться с излишними хлопотами по развитию своего родного сельского хозяйства. Уже сейчас то, что осталось в сельской местности, стоит на последней грани выживания. Село, на мой взгляд, загублено гримасами урбанизации последних лет — наркоманией, алкоголизацией.

Наша кафедра реализовала большой социолого-педагогический проект «Сельская школа и село России в начале XXI века» и была в шоке, когда подводила итоги. 82% сельского населения — учителей, родителей и старшеклассников — признали, что самая большая беда на селе от Калининграда до Республики Саха — это повальное пьянство, по сути, алкоголизация. Нет оснований считать, что за прошедшие четыре года ситуация улучшилась.

Вместо того чтобы спасти российское село, а рецепты и возможности есть, применяют своего рода социальную гильотину. Кто не выживет, тому кладбище, а кто выживет — бросайте последнее и уезжайте в манящие города.

— *Как в этот контекст вписывается идея главы Минздрава-соцразвития 2-жи Голиковой по добровольно-принудительному вселению пожилых людей в дома престарелых в обмен на их жилплощадь?*

— Цель этой идеи — получить квадратные метры, землю, обменный фонд. То есть то, чем власть превосходно научилась пользоваться в своих интересах, а не в интересах народа. Продавать эти метры нынешнюю власть учить не надо.

Страны — члены ВТО заинтересованы в российской земле и в российских территориях. Уже все то, что получил Запад от российского рынка, — космический подарок для их компаний. Он об этом относительно недавно и мечтать не смел.

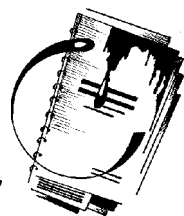
Беседовал Иван КОНЕВ

ПОЛЬША — СССР: «ЗАБЫТЫЕ» СОБЫТИЯ

Решение Госдумы РФ по «Катынскому делу» по-прежнему вызывает много вопросов. Есть вопросы и относительно официальной позиции Польши по поводу гибели десятков тысяч солдат и офицеров Красной армии в польских концлагерях в 1920-х годах... А если предпочитать доскональность и объективность в изучении советско- и российско-польских отношений, нелишне напомнить и некоторые вроде бы совсем забытые их страницы.

Эти страницы, увы, сопряжены с существенным ущербом и с большими жертвами, понесенными народами и армиями не только Польши вследствие политики «лондонского» польского эмигрантского правительства в 1942—1944 годах.

Напомним, что 30 июля 1941 года в Лондоне был подписан договор эмигрантского правительства Польши с СССР «О возобновлении дипломатических отношений» и Пакт «О создании польской армии на Востоке». А согласно подписанному 14 августа 1941 г. в Москве советско-польскому соглашению о взаимопомощи, руководство СССР обязалось создать «на советской территории польские войска, которые будут двинуты на

ДОСЬЕ "МГ"

фронт по достижении полной боевой готовности». Сперва численность этой армии, формируемой из оказавшихся в 1939—1941 гг. в СССР солдат и офицеров Польши, была определена в 30 тыс. Но по просьбе тогдашнего польского премьер-министра Владислава Сикорского, в ходе его переговоров с И. В. Сталиным в середине декабря 1941-го, численность той армии было решено довести до 96 тыс.

Подчеркнем: денежное довольствие, продовольственное, медицинское, бытовое обеспечение, обучение, обмундирование (причем с польскими знаками воинского отличия), вооружение и поставку боеприпасов этой армии, а также содержание и снабжение семей и родственников солдат и офицеров этой армии осуществлял СССР. В том числе в счет беспроцентного займа в 300 млн. тогдашних советских рублей, предоставленного польскому правительству в январе 1942 года. А сроки и размеры выплат по этому займу, по просьбе польской стороны, не были оговорены...

Плюс к тому, СССР безвозмездно выдал офицерскому составу этой польской армии в октябре 1941-го — апреле 1942-го около 15,4 млн. руб. в целом. Уже к марту 1942 г. ее численность почти достигла 80 тыс. в составе шести пехотных дивизий.

Всего на формирование армии Андерса было израсходовано более 187 миллионов рублей! На деньги, которые СССР потратил на эту армию, отмечает известный эксперт В. Швед, можно было создать полноценную танковую (1000 Т-34) или авиационную (1000 Ил-2) армию!

Причем СССР согласился, чтобы командовал этими войсками отнюдь не просоветски настроенный генерал Владислав Андерс. А полная боевая готовность упомянутой армии была достигнута, по официальным данным обеих сторон, к середине февраля 1942 года.

И что же? Когда руководство СССР 2 февраля 1942 г. предложило Андерсу направить на советско-германский фронт только одну — 5-ю пехотную дивизию, польский командующий отказался: дескать, он против ввода в военные действия отдельных польских частей на разных участках фронта. Также было отклонено предложение СССР направить некоторые части армии Андерса на усиление советско-турецкой или ирано-турецкой границы.

А вскоре тот же Андерс и правительство Польши, пребывавшее с ноября 1939 г. в Лондоне, развернули кампанию... за эвакуацию польских войск и их семей в Иран, британский Ирак, французские Сирию и Ливан. Польские требования были поддержаны правительством Великобритании и

лично У. Черчиллем. Затем Лондон и Вашингтон официально заявили, что, вопреки своим прежним гарантиям, второй фронт в Европе не будет открыт в 1942 году. Весьма примечательные совпадения...

Руководство СССР удовлетворило все более настойчивые просьбы Черчилля и Андерса: через каспийские порты Шевченко (Казахстан), Красноводск (Туркмения), Баку и Ленкорань (Азербайджан) началась эвакуация в Иран той польской армии вместе с семьями и родственниками военнослужащих.

В разгар Сталинградского сражения, когда каждая винтовка и каждый боец были на счету, эта армия, обмундированная и вооруженная Советским Союзом, отплыла на соединение с англичанами. 1 сентября 1942 г. эвакуация польской армии в Иран была закончена. Всего из СССР выехало 76 110 военнослужащих и 38 629 членов их семей. А фашистские войска к тому времени захватили весь Крым, почти весь Северный Кавказ, угрожая прорывом в Закавказье, и рвались к Сталинграду...

Мы отстояли Сталинград без помощи Андерса. И никто не намерен требовать ни у него, ни у его идейных наследников в Польше извинений. Хотя, учитывая польский подход, может, следовало бы...

Второе. Существует немало всевозможных спекуляций по поводу позиции СССР и действий Красной Армии в период Варшавского антифашистского восстания (август–сентябрь 1944 г.). Как эмигрантское, так и нынешнее польское правительство утверждают, что СССР, якобы намеренно, позволил гитлеровцам жестоко подавить это восстание к началу октября 1944-го.

Но даже в польских источниках есть прямо противоположное. А именно: восстание было спровоцировано «лондонскими поляками» без согласования не только с советским командованием, хотя Красная армия к тому времени уже почти овладела правобережной Варшавой, но и с руководством партизанских соединений польских коммунистов, действовавших в Варшаве и ее пригородах. Польские коммунистические отряды сразу включились в то восстание — даже несмотря на то, что лондонское руководство и непосредственное командование восставших («лондонский» генерал Бур-Коморовский) отказывались сотрудничать с большинством таких отрядов.

Тем не менее в восставшую Варшаву удалось переправить 5 артиллерийских бригад, 1 минометный полк, 3 инженерных батальона и батальон плавающих броневедомостей

Красной армии. А их действия, как и само восстание в Варшаве, поддерживались с Варшавского правобережья 6 артиллерийскими дивизионами и дополнительной артиллерийской бригадой советских войск. С воздуха восставшим и направленным к ним части Красной армии прикрывала авиация 16-й армии 1-го Белорусского фронта. За 14 сентября — 1 октября советские летчики совершили в направлении Варшавы 2243 самолето-вылета, сбросив восставшим и направленным им в помощь войскам 156 минометов, 505 противотанковых ружей, 2667 автоматов и винтовок, 41 780 гранат, 51 840 мин, 3 млн. патронов и других боеприпасов, 113 тонн продовольствия, 515 кг медикаментов.

Но спровоцировавшие восстание и руководившие им «лондонские поляки» даже в ходе самого восстания в минимальной степени взаимодействовали с советским командованием и с перебросенными в Варшаву советскими частями. И, тем более, с польскими коммунистическими соединениями. Просьбы же «поляков-лондонцев» переправить в Варшаву если не британское оружие, то хотя бы британских военных советников замалчивались или отклонялись английской стороной.

Все это стало одной из главных причин кровавой расправы гитлеровцев с варшавянами в начале октября 1944-го. Причем и гитлеровские генералы — Гудериан и Бах-Зелевский, задействованные в подавлении этого восстания, отмечали впоследствии, что польские лидеры в Лондоне даже ценой уничтожения Варшавы и ее жителей сводили счеты с Москвой...

Во что обошлась польским патриотам и их советским союзникам упомянутая политика эмигрантского правительства Польши и подчинявшегося ему командования в Варшаве — тоже нелишне подсчитать...

Приведем в заключение и такие «забытые» факты. Советский Союз в первые месяцы после освобождения Варшавы оказывал большую помощь продовольствием жителям польской столицы. В сообщении ТАСС от 27 января 1945 г. сообщалось что «в целях оказания немедленной продовольственной помощи населению освобожденной Варшавы Советские республики направляют в г. Варшаву из своих ресурсов 60 тысяч тонн хлеба... Весь хлеб передается для населения Варшавы безвозмездно». Потом этот хлеб был распределен для всех крупных городов Польши.

Постановление ГКО СССР от 25.09.1945 г. обязывало военные советы 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов для оказания помощи городам и промышленным цент-

рам вновь освобожденных районов Польши передать Временному правительству в срок с 1 по 20.3.1945 г. 2 тыс. грузовых автомашин из числа трофейных и автомашин отечественного производства, пригодных к эксплуатации (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 398. Л. 191).

СССР отказался от всех претензий на германское имущество в Польше и уступил Варшаве 15% репарационных поступлений, причитающихся нам за счет советской зоны оккупации, а также 15% промышленного оборудования, которое СССР вывозил из Германии.

Спустя годы, в связи с кризисной ситуацией в Польше, в 1980—1986 годах Советский Союз оказал польскому народу безвозмездную помощь на сумму в 7 млрд. руб. Об этом говорилось на заседании Политбюро ЦК КПСС 23 октября 1986 г.

А в 1989 г. Польша (через министра иностранных дел Скубишевского во время визита в Москву) поставила вопрос о возмещении Советским Союзом материального ущерба гражданам польского происхождения, пострадавшим от сталинских репрессий. Подобным путем Польша стремилась ликвидировать свою задолженность Советскому Союзу в размере 5,3 млрд. инвалютных руб., т.е. по тогдашнему курсу более 8 млрд. долларов США. Этот долг после 1992 г. просто исчез. И благодарности, как всегда, не последовало...

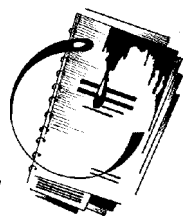
ИЗ «КРАСНОГО АДА» В ВЕЧНОСТЬ

(К 90-летию гибели Николая Гумилева)

Задолго до ареста Гумилев сам подписал себе смертный приговор, вернувшись из Парижа в «логово красного зверя». Это было самоубийство, но он отвоевал тяжелое право: «самому выбирать свою смерть...»

5 декабря 1920 года глава ВЧК Феликс Дзержинский разослал в губернии приказ ЧК с грифом «Совершенно секретно». В нем «палач русского народа» требовал от своих подручных «устраивать фиктивные белогвардейские организации в целях быстрее выяснения иностранной агентуры...». Жизнь человека с этого момента обесценилась до нуля. Достаточно было желания органов, и «белогвардейцем» мог стать любой. Охотой на русских писателей и их уничтожением занимался один из самых циничных чекистов Яков Агранов. Его грязный след прослеживается в подготовке убийств многих русских поэтов. В книге Станислава и Сергея Куняевых «Сергей Есенин» читаем: «...речь идет о поэте Лазаре Бермане — бывшем секретаре «Голоса жизни»... Кто же такой Лазарь Берман?... После 1917 года он становится секретным сотрудником ВЧК—ОГПУ. В огромной мере — Берман давал по-

ДОСЬЕ "МГ"

казания как «связник» между Аграновым и «организацией»... Таганцева. Есть сведения, что в этих же показаниях он назвал имена Есенина и Маяковского как участников заговора. Если же мы вспомним, что «гумилевское» дело вел будущий близкий друг Маяковского Яша Агранов, то картина становится еще интереснее...»

Травля Гумилева началась уже в 1918 году. Так, еще 7 декабря 1918 года в первом номере газеты «Искусство коммуны» была опубликована статья будущего мужа Ахматовой Николая Пунина «Попытка реставрации». В этой статье он писал: «...Признаюсь, я лично чувствовал себя бодрым и светлым в течение всего этого года отчасти потому, что перестали писать или, по крайней мере, печататься некоторые «критики» и читаться некоторые поэты (Гумилев, например). И вдруг я встречаюсь с ним снова в «советских кругах»... этому воскрешению я в конечном итоге не удивлен. Для меня это одно из бесчисленных проявлений неусыпной реакции, которая то там, то здесь нет-нет да и подымет свою битую голову».

Выходец из Царского Села, Николай Пунин оказался мелким и завистливым человеком и опустился до политического доноса. Господь отплатил ему той же монетой — этот искусствовед умер в лагере.

Гумилева неоднократно предупреждали о грозящей ему опасности. Друг Михаила Кузмина писатель Юрий Юркун прямо говорил поэту: «Николай Степанович, я слышал, что за вами следят. Вам лучше скрыться!» Но поэт-конкистадор не мог изменить своим принципам, ведь тогда бы он превратился в обыкновенного эмигранта. Осип Манделъштам вспоминал: «Я помню его слова: «Я нахожусь в полной безопасности, я говорю всем, открыто, что я — монархист. Для них (т.е. для большевиков) самое главное — это определенность. Они знают это и меня не трогают».

Старший брат поэта, Дмитрий Гумилев, вовремя выскользнул из захлопывающейся «мышеловки» ОГПУ. 1 августа 1921 года он вместе с женой тайно покинул Россию навсегда и уехал в имение Фрейнгангов в Эстонии, где и умер через три года в Режице от контузий и болезней, полученных во время войны.

Николай Степанович первые дни августа пребывал в тревожном состоянии духа, о чем вспоминали многие, видевшие его в те предроковые дни. Может быть, именно этим состоянием и можно объяснить написанное в это время стихотворение «Я сам над собой насмеялся...». Печальным, пронзительным светом озарены эти прощальные строки мэтра русской поэзии:

*Я сам над собой насмеялся
И сам я себя обманул,
Когда мог подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя.*

*...Но свет у тебя за плечами,
Такой ослепительный свет,
Там длинные пламени реют,
Как два золотые крыла.*

Тем самым поэт как бы замкнул все написанные им стихи в один светоносный цикл. Свет озаряющий, свет ослепляющий, он заставлял думать и творить. Ведь не зря именно в раннем стихотворении «Я в лес бежал из городов...» поэт тоже писал о свете:

*Свет беспощадный, свет слепой
Мой выел мозг, мне выжжет грудь...*

Это и есть путь поэта от «света слепого» к «ослепительному свету», путь от мрака к свету, от дьявола к Богу.

Предчувствие смерти угнетало Гумилева, полного сил и творческих замыслов. Он понимал, что совершается что-то глупое, странное и нелепое, чего он не в силах остановить. Он боялся не смерти, а состояния, когда нельзя будет творить, и скорбел об этом, и дух его был отягощен мрачными предчувствиями. 2 августа Николай Степанович читал лекцию в поэтической студии Дома искусств. После занятий, не желая оставаться один, он пригласил Нину Берберову прогуляться. Нина Николаевна вспоминала потом: «Когда я собралась уходить, он вышел со мной. Он говорил, что ему нынче тяжело быть одному, что мы опять пойдем есть пирожные в низок. И мы пошли, и вся его грусть в тот вечер, не знаю, каким путем, перешла в меня. Он долго не отпускал меня, наконец. Мы вышли, и через Сенатскую площадь пришли к памятнику Петру Первому, где долго сидели, пока не стало темно. И он пошел провожать меня через весь город...»

Чувство тревоги не покидало Гумилева. 3 августа Владислав Ходасевич уезжал в деревню и зашел к Николаю Степановичу около десяти вечера. Уже в эмиграции он писал об этом печальном вечере: «Мне нужно было еще зайти к баронессе В.И. Икскуль, жившей этажом ниже. Но каждый раз, как я подымался уйти, Гумилев начинал упрашивать: «Посидите еще». Так я и не попал к Варваре Ивановне, присидев

у Гумилева часов до двух ночи. Он был на редкость весел. Говорил много, на разные темы. Мне почему-то запомнился только его рассказ о пребывании в царкосельском лазарете, о Государыне Александре Федоровне и Великих княжнах. Потом Гумилев стал меня уверять, что ему суждено прожить очень долго — «по крайней мере до девяноста лет». Он все повторял: «Непременно до девяноста лет, уж никак не меньше». До тех пор собирался написать кипу книг...»

Веселость поэта была позой. Повторяя: «Непременно до девяноста лет...», Гумилев будто заговаривал смерть и тем самым скрывал свои мрачные предчувствия. Именно 3 августа убийцы из ЧК оформили ордер № 1071, в котором предписывалось: «Произвести обыск и арест Гумилева Николая Степановича, проживающего по Преображенской ул., д. 5/7, кв. 2 по делу № 2534 3 авг. 1921». В этот же день в указанной квартире по Преображенской улице чекисты устроили засаду на двое суток силами сотрудников секретного оперативного отдела Петроградской ЧК. На руки этот позорный документ получил чекист Мотивилов. Курировал дело по уничтожению и запугиванию петербургской интеллигенции «мастер грязных дел» Яков Агранов.

Так в недрах ВЧК родился очередной дьявольский план по созданию подставной Петроградской боевой организации (ПБО). Собрали в эту мифическую «организацию» людей, которые никогда не встречались и даже порой не знали о существовании друг друга.

В 1921 году в поле зрения чекистов попал сын известного в России юриста, почетного академика Н.С. Таганцева — В.Н. Таганцев, профессор географии. К этому времени для многих оставшихся в России стало ясно, что режим диктатуры установился надолго. И тогда интеллигенция начала покидать страну, бросая все.

3 мая 1921 года чекисты в Петрограде смертельно ранили подполковника В.Г. Шведова (Вячеславского). 30 мая 1921 года при переходе финской границы красной погранохраной был убит морской офицер Ю.П. Герман. В распоряжение ЧК в это время попадает письмо генерала Владимирова, названного парижским шефом ПБО. Теперь этих убитых белых офицеров для правдоподобия надо было связать с кем-то из живущих в Петрограде интеллигентов и провозгласить одного из них руководителем «заговора» с целью свержения советской власти. Для этой роли и подобрали слабовольного профессора Владимира Таганцева.

Таганцев оказался для чекистов просто находкой, так как занимал должность секретаря Сапропедевского комитета,

куда обращались многие ученые. Тут-то он и превратился в крупного «заговорщика», связанного с самим бароном Юденичем. Теперь можно было арестовать его и устроить засаду на его квартире. Всех, кто появлялся, — брали и объявляли участниками «заговора». Схватили даже курьера известного академика С. Ольденбурга, принесшего рукопись с рецензией на «Двенадцать» Блока. Рукопись была признана контрреволюционной, курьер — заговорщиком, и его расстреляли. Кроме того, у убитого Ю. Германа (знакового Таганцева) чекисты изъяли три листовки, в которых сообщалось о расстрелах рабочих и о том, что комиссары убивают крестьян.

Отец В.Н. Таганцева — знаменитый юрист и бывший либеральный сенатор Н.С. Таганцев написал ходатайство о сыне Ленину. Тот дал телеграмму с указанием дело пересмотреть. И тут озлобленная вмешательством чекистская машина начала крутиться на полных оборотах. Теперь к арестованным «заговорщикам» можно было «приписать» еще несколько сотен «агнцев» на заклятие. И незначительный заключенный В.Н. Таганцев с двумя убитыми офицерами превратились в руководителей «заговора». В число заговорщиков попал и неугодный новой власти поэт Николай Гумилев.

Чекисты загребли в свои сети многих известных людей Петрограда: Раевского, Крузенштерна, Дурново, Голенищеву-Кутузову, князя С.А. Ухтомского, скульптора, сотрудника Русского музея (его обвинили в передаче за границу сведений о музейном деле). Пятидесятитрехлетнего профессора Н.Ф. Тихвинского с богатым революционным прошлым (был членом социал-демократической группы «Освобождение труда») арестовали за «дачу сведений в заграничную печать о состоянии нефтяного дела в Петрограде», где никакой нефти никогда не было. Медицинского работника Рафаилову, как и 60-летнюю Антипову, забрали за предоставление квартиры заговорщикам. Бывшего престарелого министра юстиции, сенатора и члена Государственного совета С.С. Манухина объявили заговорщиком, видимо, за прошлую службу при законной власти. В числе заговорщиков оказался известный ученый профессор Лазаревский и 67-летний выдающийся художник-архитектор, заслуженный педагог Л.Н. Бенуа, брат известного русского художника Александра Бенуа. Десятками арестовывались бывшие офицеры, профессора, юристы, солдаты, матросы и крестьяне. Видимо, для придания фабрикующему делу устрашающего размаха.

Для того чтобы организовать громкий процесс и дело (все-го фальсификаторы из ЧК собрали 382 тома и привлекли к

уголовной ответственности 833 человека), нужно было добиться признаний от того, кого они назначили в вожди мятежа.

Владимир Николаевич Таганцев сорок пять дней молчал, огорошенный чудовищной ложью. Он верил в порядочность людей, занимавших государственные посты, и не учел иезуитских приемов ЧК. Я.С. Агранов обещал В.Н. Таганцеву, что если только он искренне расскажет обо всем, что ему известно о настроениях интеллигенции, то дело будет быстро и справедливо закончено. Тут же следователь подsunул Таганцеву бумажку: «Я, уполномоченный ВЧК Яков Саулович Агранов, при помощи гражданина Таганцева обязуюсь быстро закончить следственное дело и после окончания передать в гласный суд... Обязуюсь, что ни к кому из обвиняемых не будет применена высшая мера наказания».

Бедного Владимира Николаевича Я.С. Агранов заставил подписать соглашение: «Я, Таганцев, сознательно начинаю делать показания о нашей организации, не утаивая ничего... не утаю ни одного лица, причастного к нашей группе. Все это я делаю для облегчения участи участников нашего процесса». Это был договор кролика и удава. Далее Владимир Николаевич Таганцев начал подписывать все бумажки, которые ему подсовывали следователи.

О Н. Гумилеве В.Н. Таганцев дал следующие показания: «Поэт Гумилев после рассказа Германа обращался к нему в конце ноября 1920 г. Гумилев утверждает, что с ним связана группа интеллигентов, которой он сможет распоряжаться, и в случае выступления согласна выйти на улицу, но желал бы иметь в распоряжении для технических надобностей некоторую свободную наличность. Таковой у нас тогда не было. Мы решили тогда предварительно проверить надежность Гумилева, командировав к нему Шведова для установления связей. В течение трех месяцев, однако, это не было сделано. Только во время Кронштадта Шведов выполнил поручение: разыскал на Преображенской ул. поэта Гумилева, адрес я узнал для него во «Всемирной литературе», где служит Гумилев. Шведов предложил ему помочь нам, если представится надобность в составлении прокламаций. Гумилев согласился, что оставляет за собой право отказаться от тем, не отвечающих его далеко не правым взглядам. Гумилев был близок к совет. ориентации. Шведов мог успокоить, что мы не монархисты, а держимся за власть сов. Не знаю, насколько мог поверить этому утверждению. На расходы Гумилеву было выделено 200 000 советских рублей и лента для пишущей машинки. Про группу свою Гумилев дал уклончивый ответ,

сказав, что для организации ему потребно время. Через несколько дней пал Кронштадт. Стороной я услышал, что Гумилев весьма отходит далеко от контрреволюционных взглядов. Я к нему больше не обращался, как и Шведов и Герман, и поэтических прокламаций нам не пришлось ожидать».

Во-первых, надо было совсем не знать Гумилева, чтобы говорить о его «советской ориентации»; во-вторых, сам Таганцев пишет, что Гумилев ничего не сделал и к нему больше никто не обращался. Н.С. Гумилев не мог участвовать ни в каком заговоре в силу того, что был трезвомыслящим человеком. Это подтверждают воспоминания хорошо знавшего его писателя В. Немировича-Данченко, которому поэт говорил: «На переворот в самой России — никакой надежды. Все усилия тех, кто любит ее и болеет по ней, разобьются о сплошную стену небывалого в мире шпионажа. Ведь он просочил нас, как вода губку. Нельзя верить никому. Из-за границы спасение тоже не придет. Большевики, когда им грозит что-нибудь оттуда, — бросают кость. Ведь награбленного не жалко. Нет, здесь восстание невозможно. Даже мысль о нем предрепреждена. И готовиться к нему глупо. Все это вода на их мельницу». И с горечью добавил: «И ведь будет же, будет Россия свободная, могучая, счастливая — только мы не увидим». Нет оснований не верить Немировичу-Данченко и воспринимать серьезно не основанные ни на чем мемуарные измышления Ирины Одоевцевой и Георгия Иванова о том, что Гумилев чуть ли не в пролетарской одежде ходил куда-то агитировать и прятал дома какие-то прокламации...

Чекисты начали искать адреса Гумилевых в Петрограде. По ошибке арестовали какого-то Николая Сергеевича Гумилева, проживающего по Морской. Арестами руководил чекист Мотивилов, который 2 августа пишет доклад в Петроградскую ЧК: «...установили, что г-н Гумилев Ник. Степанович действительно проживает по Преображенской ул. д. 5/7. кв. 2. Основная профессия: профессор, служит преподавателем в Губполитпросвете».

В ночь с 3 на 4 августа Гумилев Николай Степанович был арестован. По роковому стечению обстоятельств в этот же день по этому же делу был взят в первый раз и Н.Н. Пунин. Своему тестю Е.И. Аренсу из тюрьмы, размещавшейся на улице Шпалерной, 25, он писал 7 августа: «...При первом случае пришлите мыла, зубн. щетку и спичек, очень хочу папирос. Привет Веруну*, передайте ей, что, встретясь здесь с

* В е р у н — Вера Евгеньевна Аренс-Гаккель, родная сестра жены Пунина Анны Евгеньевны, хорошая знакомая Гумилева.

Николаем Степановичем, мы стояли друг перед другом, как шалые, в руках у него была «Илиада», которую от бедняги тут же отобрали...»

Ученик Гумилева Георгий Адамович вспоминал об аресте поэта: «Утром ко мне позвонили из «Всемирной литературы»: «Знаете, «Колчан» задержан в типографии... Вероятно, недо-разумение...» «Колчан» — название одной из ранних книг Гумилева. Тогда как раз печаталось второе ее издание (неточность мемуариста — печатался «Огненный столп», а второе издание «Колчана» вышло в издательстве Гржебина в 1922 году в Берлине. — В.П.). Сначала я не понял, о чем мне сообщают, подумал, что действительно речь идет о типографских или цензурных неурядицах. И только по интонации, по какой-то дрожи в голосе, по ударению на словах «задержан» я догадался, в чем дело... Хлопотали, не думая о расстреле — не было к нему никаких оснований. Даже и по чекистской мерке не было».

Лишь добившись показаний от В.Н. Таганцева, чекисты начали допрашивать Гумилева. Следователем у Николая Степановича оказался такой же негодяй, как и сам Агранов. Это был изворотливый и хитрый следователь Петроградской ЧК по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией Яковсон. Перед допросами он хорошо изучил стихи и взгляды поэта. Ему была поставлена конкретная задача: Гумилев должен быть расстрелян.

Интересно, что на первом же допросе Гумилев назвал себя дворянином, хотя таковым по законам Российской империи не являлся и не мог не понимать, что это признание смертельно опасно. Но Гумилев уже вошел в роль Андре Шенье* русской революции, поставив честь и достоинство выше жизни. Яковсон был неплохим психологом. Он понял, каким образом нужно говорить с поэтом.

Яковсон: Значит, мы с вами остановились на том, что вы открыто считаете себя противником советской власти!

Гумилев: Я этого не говорил. Всякая власть от Бога, и не мне, поэту, разбираться в политической структуре власти.

Яковсон: Ну уж, Николай Степанович, запомнили этого Шведова, а Герман? Германа помните? Вы же ему говорили еще в минувшем году, что с вами связана группа интеллигентов, готовых в случае выступления выйти на улицу. Вы же человек честный, верно? Конквистадор, поэт, укротитель африканских львов на это не способен!

Гумилев: Я привык всегда говорить все, как было на самом деле, а не выдумывать и домысливать. Действительно, меся-

* А н д р е Ш е н ь е (1762—1794) — французский поэт, казненный якобинцами.

ца три тому назад ко мне утром пришел молодой человек высокого роста и бритый, сообщив, что привез мне поклон из Москвы.

Примерно так мог идти диалог, выстраиваемый Яacobсоном, чтобы вынудить поэта дать нужные ему показания (сегодня они находятся в деле Н.С. Гумилева на 85-м листе): «Месяца три тому назад ко мне утром пришел молодой человек высокого роста и бритый, сообщивший, что привез мне поклон из Москвы. Я пригласил его войти, и мы беседовали минут двадцать на городские темы. В конце беседы он обещал мне показать имеющиеся в его распоряжении русские заграничные издания. Через несколько дней он действительно принес мне несколько номеров каких-то газет. И оставил у меня, несмотря на мое заявление, что я в них не нуждаюсь. Прочтя эти номера и не найдя в них ничего для меня интересного, я их сжег. Приблизительно через неделю он пришел опять и стал спрашивать меня, не знаю ли я кого-нибудь, желающего работать для контрреволюции. Я объяснил, что никого такого не знаю, тогда он указал на незначительность работы: добывание разных сведений и настроений, раздачу листовок и сообщал, что эта работа может оплачиваться. Тогда я отказался продолжать разговор с ним на эту тему, и он ушел. Фамилию свою он назвал мне, представляясь. Я ее забыл, но она была не Герман и не Шведов. Н. Гумилев 9 августа 1921».

Домой, в Дом литераторов Николай Степанович отправляет краткую записку: «Я арестован и нахожусь на Шпалерной. Прошу Вас послать мне следующее: 1. Постельное и носильное белье, 2. Миску, кружку и ложку, 3. Папирос и спичек, чаю, 4. Мыло, зубную щетку и порошок, 5. Еду. Я здоров. Прошу сообщить об этом жене».

В.И. Лурье вспоминала: «Помню, что пакеты в тюрьму Гумилеву носили три женщины: жена Аня Энгельгардт, Нина Берберова и Ида Наппельбаум...»

Смерть Блока на некоторое время отвлекла внимание литературной общественности от участи Гумилева. 10 августа в Петрограде при большом стечении народа прошли похороны Александра Александровича на Смоленском кладбище. Гроб с его телом несли на руках с Офицерской улицы до Смоленского кладбища Андрей Белый, Владимир Гиппиус и другие литераторы*.

Николай Оцуп вспоминал, что прямо после похорон Блока они решили идти хлопотать об освобождении Гумилева:

* В 1944 году прах поэта перенесли на Литераторские мостки Волкова кладбища.

«Тут же на кладбище С.Ф. Ольденбург, ныне покойный А.Л. Волинский, Н.М. Волковыцкий и я сговариваемся идти в чека с просьбой выпустить Гумилева на поруки Академии Наук, Всемирной литературы и еще ряда других не очень благонадежных организаций. К этим учреждениям догадались в последнюю минуту прибавить вполне благонадежный пролеткульт и еще три учреждения, в которых Гумилев читал лекции... Говорить об этом тяжело. Нам ответили, что Гумилев арестован за должностное преступление. Один из нас ответил, что Гумилев ни на какой должности не состоял. Председатель петербургской чека был явно недоволен, что с ним спорят...

Вскоре появилось письмо деятелей культуры в защиту поэта:

«В Президиум Петроградской губернской Чрезвычайной комиссии.

Председатель Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов, член редакционной коллегии государственного издательства «Всемирная литература», член Высшего совета Дома искусств, член комитета Дома литераторов, преподаватель Пролеткульта, профессор Российского института истории искусств Николай Степанович Гумилев арестован по ордеру Губ. Ч.К. в начале текущего месяца. Ввиду деятельного участия Н.С. Гумилева во всех указанных учреждениях и высокого его значения для русской литературы нижепоименованные учреждения ходатайствуют об освобождении Н.С. Гумилева под их поручительство.

Председатель Петроградского отдела Всероссийского Союза писателей А.Л. Волинский,

Товарищ председателя Петроградского Отделения Всероссийского Союза поэтов М. Лозинский,

Председатель коллегии по управлению Домом литераторов Б. Харитон,

Председатель пролеткульта А. Маширов,

Председатель Высшего совета Дома искусств М. Горький,

Член издательской коллегии «Всемирной литературы» Ив. М».

Позже, когда станет ясно, что дело было «сфабриковано топорно», чекисты подкинут в Центральный Государственный архив литературы и искусства фальшивку, якобы написанную М. Горьким 5 августа 1921 года: *«Августа 5-го дня 1921 г. В ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ И СПЕКУЛЯЦИЕЙ. Гороховая, 2. По дошедшим до издательства «Всемирная литература» сведениям, сотрудник его, Николай Степанович Гумилев, в ночь на 4 августа 1921 года был арестован. Принимая во внимание, что*

означенный Гумилев является ответственным работником в издательстве «Всемирная литература» и имеет на руках неоконченные заказы, редакционная коллегия просит о скорейшем расследовании дела и при отсутствии инкриминируемых данных освобождения Н.С. Гумилева от ареста. Председатель редакционной коллегии. Секретарь».

Увы, и ее сделали топорно. На этом послании не смогли даже поставить подпись председателя, то есть Горького. Сомнительно, чтобы Горький, которого уговаривали поставить подпись под коллективным письмом, сам написал прошение. В 1928 году он в письме в Ромену Роллану резко отозвался о Гумилеве: «Я не знаю, кто такой Пашуканис и за что он расстрелян. Гумилева расстреляли как участника политического заговора, организованного неким Таганцевым...»

Вот так — ни много ни мало. Горький, по одной из версий, сам отравленный впоследствии большевиками, верил в «заговор».

Правда, попытку спасти Гумилева предприняла Мария Федоровна Андреева. Секретарь Луначарского А.Э. Колбановский писал об этом: «Около 4 часов ночи раздался звонок. Я пошел открывать дверь и услышал женский голос, просивший срочно впустить к Луначарскому. Это оказалась известная всем член партии большевиков, бывшая до революции женой Горького, бывшая актриса МХАТа Мария Федоровна Андреева. Она просила срочно разбудить Анатолия Васильевича... Когда Луначарский проснулся и, конечно, сразу ее узнал, она попросила немедленно позвонить Ленину. «Медлить нельзя. Надо спасти Гумилева. Это большой и талантливый поэт. Держинский подписал приказ о расстреле целой группы, в которую входил и Гумилев. Только Ленин может отменить его расстрел». Андреева была так взволнована и так настаивала, что Луначарский наконец согласился позвонить Ленину, даже в такой час. Когда Ленин взял трубку, Луначарский рассказал ему все, что только что узнал от Андреевой. Ленин некоторое время молчал, потом произнес: «Мы не можем целовать руку, поднятую против нас», — и положил трубку. Луначарский передал ответ Ленина Андреевой в моем присутствии. Таким образом, Ленин дал согласие на расстрел Гумилева».

Так что все сказки, усиленно распространявшиеся в 80-х годах прошлого века о том, что председатель Совета народных комиссаров Ульянов-Ленин пытался приостановить «дело» и проявил человечность, не имели под собой никакой почвы. Мог ли человек, разрушивший русское государство с тысячелетней славой, озаботиться судьбой великого русского поэта?!

Интересно, что именно в это время «колдовское» чутье бывшей жены поэта подсказало ей строки провидческого стихотворения. 16 августа Анна Ахматова по дороге из Царского Села в Петербург в вагоне третьего класса написала:

*Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я,
Любит, любит кровушку
Русская земля.*

Что писал Гумилев в камере №7 ДПЗ на Шпалерной, к сожалению, неизвестно. Однако именно в это время (до 16 августа) вышла из печати последняя прижизненная книга поэта «Огненный столп». Книга посвящена Анне Николаевне Гумилевой (Энгельгардт).

Стихи последнего сборника Николая Степановича как нельзя лучше отвечали поэтической формуле С.Т. Кольриджа: «Лучшие слова — в лучшем порядке», которую 35-летний поэт считал для себя главной заповедью. В книге тема колдовства и волшебства обрела завершенность. Гумилев замкнул цикл жизненных исканий, идя от обратного: «Волшебная скрипка», «Гондла» «Гафиз» («Дитя Аллаха») и, наконец, ключ к ним в стихотворении «Память», где «колдовской ребенок, словом останавливавший дождь», объясняет многие тайны творчества. Память поколений, живущая в поэте, будоражит кровь и раскрывает неведомое.

Вот почему «колдовской» ребенок вообразил себя избранником Бога и царем и решился на дерзновенный шаг:

*Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.*

В стихотворении «Мои читатели» поэт очерчивает круг людей, вдохновляющихся его стихами:

*Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, веселой и злой,*

*Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.*

Поэт в первую очередь обращается к таким же, как он, романтикам, скитальцам, которые больше всего в жизни дорожат личной свободой и честью, поэтому с ними он может говорить на одном языке. Вторая часть стихотворения звучит как завещание. Гумилев учит своих друзей-романтиков мужеству перед лицом жизни и смерти:

*Я не оскорбляю их неврастенией,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выведенного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать что надо.
...А когда придет их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю,
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда.*

Шедевр русской лирики «Заблудившийся трамвай» открывает потаенные, провидческие видения поэта:

*В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне...*

И где:

*Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет.*

Да ведь это билет в вечность, где души держат ответ перед Всевышним.

Георгий Иванов в рецензии на сборник писал в «Летописи Дома литераторов», вышедшей 1 ноября 1921 года: «Огненный столп» Н. Гумилева более чем любая из его предыдущих книг полна напряженного стремления вперед по пути полно-

го овладения мастерством поэзии в высшем (и единственном) значении этого слова. «Я помню древнюю молитву мастеров...» — так начинается одно из центральных по значению стихотворений «Огненного столпа». Стать мастером — не формы, как любят у нас выражаться, а подлинным мастером поэзии, человеком, которому подвластны все тайны этого труднейшего из искусства, — Гумилев стремится с первых строк своего полудетского «Пути Конквистадоров», и «Огненный столп» красноречивое доказательство того, как много было достигнуто поэтом и какие широкие возможности перед ним открывались. Если мы проследим пройденный Гумилевым творческий путь, то не найдем на всем его протяжении почти никаких отклонений от раз и навсегда поставленной цели. Стремление к ней, сначала инстинктивное, с годами делается все более сознательным и волевым. Цель эта — поднять поэзию до уровня религиозного культа, вернуть ей ту силу, которой Орфей очаровывал даже зверей и камни».

Вивиан Итин (под инициалами В.И.) в четвертом номере журнала «Сибирские огни» за 1922 год писал об «Огненном столпе»: «Муза Дальних Странствий» — любимейшая из муз поэта. В его стихах нас поглощает соль южных морей, пески пустынь, пальмы оазисов... Ведь, может быть, теперь, в пламенной буре революции... больше чем когда бы то ни было надо знать,

*Как не бояться,
Не бояться и делать что надо...*

Значение Гумилева и его влияние на современников огромно. Его смерть и для революционной России остается глубокой трагедией...»

Другой известный литературовед того времени Г. Горбачев во второй книге журнала «Горн» (издание Всероссийского и Московского пролеткультов) писал в 1922 году: «В «Огненном столпе», в стихах Гумилева, изданных в 1921 г., наряду с упадочн. «Персидской миниатюрой», «Слоненком», имеются сильные бодрые мотивы свежей ненадломленной, даже первобытной силы («Память», «Леопард», особенно исповедание тела в «Душе и Теле»)... Или строки «Моих читателей»...» Даже пролеткультовский журнал оценил мастерство поэта.

В. Брюсов признавал, что есть подлинная сила в одной из последних поэм Н. Гумилева «Звездный ужас». А Глеб Струве во втором томе вашингтонского Собрания сочинений Н. Гумилева (1964 г.) поместил интересное исследование, где доказал, что мотивы «колдовства и ворожбы» чувствуются не

только в целом ряде стихотворений «Огненного столпа», но и во многих других книгах поэта, включая и стихи об Африке.

И только бывший друг по Цеху поэтов Сергей Городецкий, узнав о гибели поэта, напечатал пасквильный некролог в журнале «Искусство» (Баку, № 2—3 за 1921 г.): «...бездушная формальная эстетика аристократии затягивала его (Гумилева. — В.П.) все больше. Он делается одним из руководителей журнала «Аполлон», этой могилы вдохновения и творчества. Гумилев дает одну за другой хорошие работы, книгу «Колчан», «Китайский павильон». Поэму «Мик», переводы «Гильгамеша» (так в журнале. — В.П.) и «Робин-Гуда», но связанность со старым миром рано делает его литературным стариком. Он основывает школу акмеизма, дает таких талантливых учеников, как Мандельштам, но холодный академизм закрывает ему дорогу к будущему. Он не видит и не чувствует революции, из насмешливого европейца превращается в православного христианина, и все эти проклятые силы затягивают его в авантюру. Давно погибши творчески, он гибнет и физически. Певец буржуазии уходит вместе с ней». Правда, Городецкий стыдливо скрылся за инициалами С.Г.

Сегодня можно сказать, что не увидел будущего русской литературы не Гумилев, а Городецкий.

Как жаль, что всех этих отзывов Гумилев не мог уже прочитать, да и неизвестно, держал ли он в руках свою последнюю книгу. О выходе «Огненного столпа» Гумилева сообщила петроградская газета «Жизнь искусства» от 16—21 августа. В это время мир поэта ограничивался грязной камерой и допросами чекиста Яковсона, который вдохновенно и лживо твердил поэту о чести, честности, порядочности, понимая, с кем имеет дело. Для Гумилева отсутствие чести было самым грязным и низменным уродством. Подлая сущность чекиста маскировалась театральной заинтересованностью в судьбе поэта. На допросах, как известно, Яковсон по памяти цитировал стихи Гумилева и, конечно, понимал, что перед ним большой поэт. Но, по-видимому, как всякий убийца, он страдал комплексом Герострата.

18 августа Яковсон снова допрашивает поэта и оформляет новый протокол допроса, такой же бестолковый и путанный в его оформлении, как и предыдущий: *«Допрошенный следователем Яковсоном, я показываю следующее: летом прошлого года я был знаком с поэтом Борисом Вериним и беседовал с ним на политические темы, горько сетуя на подавление частной инициативы в советской России. Осенью он уехал в Финляндию, через месяц я получил в мое отсутствие от него записку, сообщающую, что он доехал благополучно и хорошо устро-*

ился. Затем, зимой, перед Рождеством, ко мне пришла немолодая дама, которая мне передала недописанную записку, содержащую ряд вопросов, связанных, очевидно, с заграничным шпионажем, например, сведения о готовящемся походе на Индию. Я ответил ей, что никаких таких сведений я давать не хочу, и она ушла. Затем, в начале Кронштадтского восстания ко мне пришел Вячеславский с предложением доставлять для него сведения и принять участие в восстании, буде оно переносится в Петроград. От дачи сведений я отказался, а на выступление согласился, причем сказал, что мне, по всей вероятности, удастся в момент выступления собрать и повести за собой кучку прохожих, пользуясь общим оппозиционным настроением. Я выразил также согласие на попытку написания контрреволюционных стихов. Дней через пять он пришел ко мне опять, вел те же разговоры и предложил гектографировальную ленту и деньги на расходы, связанные с выступлением. Я не взял ни того, ни другого, указав, что не знаю, удастся ли мне использовать ленту. Через несколько дней он зашел опять, и я определенно ответил, что ленту я не беру, не будучи в состоянии использовать, а деньги 200 000 взял на всякий случай и держал их в столе, ожидая или событий, то есть восстания в городе, или прихода Вячеславского, чтобы вернуть их, потому что после падения Кронштадта я резко изменил мое отношение к советской власти. С тех пор ни Вячеславский, никто другой с подобными разговорами ко мне не приходили, и я предал все дело забвению. В добавление сообщаю, что я действительно сказал Вячеславскому, что могу собрать активную группу из моих товарищей, бывших офицеров, что являлось легкомыслием с моей стороны, потому что я встречался с ними лишь случайно и исполнить мое обещание мне было бы крайне затруднительно. Кроме того, когда мы обсуждали сумму расходов, мы говорили также о миллионе работ.

Гумилев.

Допросил Яacobсон 18.8.1921 г.».

От всей этой грязной стряпни, от выражений типа «кучка людей» веет безграмотным косноязычием Яacobсона, а вовсе не слогом поэта.

А тем временем слухи об аресте Гумилева все шире и шире растекались по Петрограду, вызывая явное недоумение действиями большевиков. В. Немирович-Данченко вспоминал: «...узнав о том, что он (Гумилев. — В.П.) взят в Чека, я ничего не понял. Разумеется — глупая ошибка, недоразумение, которое разъяснится сейчас, и он будет выпущен. Вспомнили его работу с пролетарскими поэтами. В своих лекциях он не скры-

вал ненависти к деспотизму коммунистических тиранов. Но там, в кружке молодежи, предателей не было. Некоторое время меня мучило: не послужило ли поводом к аресту Гумилева устроено мною знакомство его с Оргом и предполагавшееся печатание поэм Николая Степановича в Ревеле. Ведь всякое сношение с заграницей считалось в России — преступлением. И только через неделю появились первые смутные слухи о таганцевском заговоре, к которому пристегнули поэта. Это показалось нам всем так нелепо, что мы успокоились...»

Правда, успокоились не все. Николай Оцуп вспоминал: «В среду я, окруженный друзьями Гумилева, звоню по телефону, переданному чекистом нашей делегации. — Кто говорит? — От делегации (начинаю перечислять учреждения). — Ага, это по поводу Гумилева, завтра узнаете. Мы узнали не назавтра, когда об этом знала уже вся Россия, а в тот же день. Несколько молодых поэтов и поэтесс, учеников и учениц Гумилева, каждый день носили передачу на Гороховую. Уже во вторник передачу не приняли (вероятно, носили на Шпалерную, а не на Гороховую, так как Гумилев сидел на Шпалерной. — В.П.). В среду, после звонка в чека, молодой поэт Р. и я бросились по всем тюрьмам искать Гумилева. Начали с Крестов, где, как оказалось, политических не держали. На Шпалерной нам удалось проникнуть во двор, мы спросили сквозь решетку какую-то служащую: где сейчас находится арестованный Гумилев? Приняв нас вероятно за кого-либо из администрации, она справилась в какой-то книге и ответила из-за решетки: «Ночью взят на Гороховую». Мы спустились, все больше и больше ускоряя шаг, потому что сзади уже раздавался крик: «Стой, стой, а вы кто будете?!»...»

Группа писателей отправилась в тюрьму хлопотать о поэте перед председателем Петроградской ЧК Семеновым. По воспоминаниям Амфитеатрова, Семенов прикинулся дурачком:

«— Да чем он, собственно, занимался, ваш Гумилевич? — спросил он равнодушно.

— Не Гумилевич, а Гумилев.

— Ну?

— Он поэт...

— Ага? Значит, писатель... Не слыхал... Зайдите через неделю, мы наведем справки.

— Да за что же он арестован-то?

Подумал и... объяснил:

— Видите ли, так как теперь, за свободой торговли, причина спекуляции исключается, то, вероятно, господин Гумилев взят за какое-нибудь должностное преступление...

Депутации оставалось лишь дико уставиться на глубоко-

мысленного чекиста изумленным глазами: Гумилев нигде не служил, — какое же за ним могло быть «должностное преступление»? Аполлону, что ли, дерзостей наговорил на Парнасе?»

Тем не менее допросы продолжались. Следователь подсовывал Гумилеву на подпись все более намеренно двусмысленные протоколы допросов. Так, на листах 87–88 дела Гумилева читаем: «Допрошенный следователем Яковсоном, я показываю: сим подтверждаю, что Вячеславский был у меня один и я, говоря с ним о группе лиц, могущих принять участие в восстании, имел в виду не кого-нибудь определенного, а просто человек десять встреченных знакомых, из числа бывших офицеров, способных в свою очередь организовать и повести за собой добровольцев, которые, по моему мнению, не замедлили бы примкнуть к уже состоявшейся кучке. <...> Допрошенный следователем Яковсоном, я показываю следующее: никаких фамилий, могущих принести какую-нибудь пользу организации Таганцева путем установления между ними связей, я не знаю и потому назвать не могу. Чувствую себя виновным по отношению к существующей в России власти в том, что в дни Кронштадтского восстания был готов принять участие в восстании, если бы оно перекинулось в Петроград, и вел по этому поводу разговоры с Вячеславским».

Переливание из пустого в порожнее: видел — не видел, читал — не читал, обещал — не обещал, хотел — не хотел, сочувствовал — не сочувствовал. Да кто же мог не сочувствовать несчастным, когда расстреливали сотнями и тысячами не руководителей Кронштадтского восстания, а простых матросов?! Только бездушный человек мог не почувствовать всей этой вопиющей несправедливости.

Но палачам требовались дополнительные подтверждения и от «главы заговора» Таганцева. Профессора снова тащат на допрос, так как нужно было вставить в дело поэта хоть что-то конкретное. Так, на листе 89 дела Гумилева появляются «новые признания» Таганцева: *«В дополнение к сказанному мною ранее о Гумилеве как о поэте добавляю, что насколько я помню, в разговоре с Ю. Германом сказал, что во время активного выступления в Петрограде, которое он предлагал устроить... к восставшей организации присоединится группа интеллигентов в полтораста человек. Цифру точно не помню. Гумилев согласился составлять для нашей организации прокламации... Таганцев, 23 авг. 21».*

Этой скудной информации, которая не поддается точному юридическому толкованию, Агранову, Семенову и Яковсо-

ну оказалось достаточно, чтобы убить без всякого суда, а по сути и без следствия великого русского поэта Николая Степановича Гумилева.

На листе 102 Якобсон написал свое юридически безграмотное «Заключение по делу №2534 гр. Гумилева Николая Станиславовича (исправлено чернилами на «Степановича». — **В.П.**), обвиняемого в причастности к контрреволюционной организации Таганцева (Петроградской боевой организации) и связанных с ней организаций и групп. Следствием установлено, что дело гр. Гумилева Николая Станиславовича (снова зачеркнуто и надписано «Степановича» — **В.П.**) 35 лет происходит из дворян, проживающего в г. Петрограде угол Невского и Мойки в Доме искусств, поэт, женат, беспартийный, окончил высшее учебное заведение, филолог, член коллегии издательства Всемирной литературы, возникло на основании показаний Таганцева от 6.8.1921 г., в котором он показывает следующее: «Гражданин Гумилев утверждал курьеру финской контрразведки Герману, что он, Гумилев, связан с группой интеллигентов, которой последний может распоряжаться, и которая в случае выступления готова выйти на улицу для активной борьбы с большевиками, но желал бы иметь в распоряжении некоторую сумму для технических надобностей. Чтоб проверить надежность Гумилева организация Таганцева командировала члена организации гр. Шведова для ведения окончательных переговоров с гр. Гумилевым. Последний взял на себя оказать активное содействие в борьбе с большевиками и составлении прокламаций контрреволюционного характера. На расходы Гумилеву было выдано 200 000 рублей советскими деньгами и лента для пишущей машинки. В своих показаниях гр. Гумилев подтверждает вышеуказанные против него обвинения и виновность в желании оказать содействие контрреволюционной организации Таганцева, выразившееся в подготовке кадров интеллигентов для борьбы с большевиками и в сочинении прокламаций контрреволюционного характера. Своим показанием гр. Гумилев подтверждает получку денег от организации в сумме 200 000 рублей для технических надобностей». В своем первом показании гр. Гумилев совершенно отрицал его причастность к контрреволюционной организации и на все заданные вопросы отвечал отрицательно. Виновность в контрреволюционной организации гр. Гумилева Н. Ст. на основании протокола Таганцева и его подтверждения вполне доказана. На основании вышеизложенного считаю необходимым применить по от-

ношению к гр. Гумилеву Николаю Станиславовичу (снова неправильно. — В.П.) как явному врагу народа и рабоче-крестьянской революции высшую меру наказания — расстрел.

Следователь Якобсон (расписался синим карандашом).

Оперуполномоченный ВЧК (стоит только должность — ни подписи, ни фамилии нет)».

Получается, что один человек решил судьбу великого поэта.

24 августа состоялось заседание президиума Петроградской губернской ЧК. В деле Гумилева на листе 104 приводится выписка из заседания: «Гумилев Николай Степанович 35 лет, б. дворянин, филолог, член коллегии издательства «Всемирная литература», женат, беспартийный, б. офицер, участник Петроградской боевой контрреволюционной организации, активно содействовал составлению прокламаций контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, кадровых офицеров, которые активно примут участие в восстании, получил от организации деньги на технические надобности»» Под этим сомнительным документом (если вообще его можно было назвать документом) стояло «верно» — и никакой подписи. И приписка без подписи: «Приговорить к высшей мере наказания — расстрелу». И больше никаких сведений!..

По свидетельству Г.А. Стратановского, сидевшего в камере № 7 ДПЗ на Шпалерной осенью 1921 года, на стене камеры он видел надпись, сделанную рукой поэта: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь. Н. Гумилев».

Что переживал в последние дни тюремного заключения Николай Степанович, неизвестно, но сохранилась записка, переданная поэтом жене: «Не беспокойся обо мне. Я здоров, пишу стихи и играю в шахматы».

25 августа Николай Степанович Гумилев был безвинно убит Петроградской ЧК, действовавшей по наущению Якова Сауловича Агранова и в соответствии с заповедями «красного террориста» Лациса, писавшего сотрудникам ЧК еще в 1918 году: «При осуществлении красного террора — не ищите данных в следственном материале, не ищите преступления словом и делом, а спрашивайте, к какому классу и воспитанию принадлежит обвиняемый. В этом весь смысл красного террора. Ибо мы ведем борьбу против класса, а не против отдельных личностей». Есть разные версии о месте расстрела поэта (одни вслед за Ахматовой утверждали, что Гумилева расстреляли по Ирининской дороге у станции Бернгардовки). Но судя по тому, где в то время проводились расстрелы,

более реальным местом следует считать территорию Ржевского артиллерийского полигона, выходящего к Рябовскому шоссе.

Смерть поэт принял достойно — не дрогнул перед сатанинскими пулями. Работник ЧК Держибашев* открыто восхищался мужеством поэта на допросах. Тайный осведомитель ЧК, считавший себя поэтом, Сергей Бобров поведал Георгию Иванову: «Знаете, шикарно умер. Я слышал из первых уст. Улыбался, докурил папиросу... Даже на ребят из особого отдела произвел впечатление... Мало кто так умирает...»

30 августа «Жизнь искусства» (Петроград) опубликовала информацию о том, что издательство Цеха поэтов готовит к выпуску книгу Гумилева «Посредине странствия земного». Увы, это издание не было осуществлено. Зато это издательство выпустило первую поэтическую книгу Николая Оцупа «Град» (Пг., 1921). Верный ученик поэта Николай Оцуп включил в эту книгу написанное 30 августа одно из самых прекрасных стихотворений, посвященное памяти убитого Гумилева:

*Теплое сердце брата укусили свинцовые осы,
Волжские нивы побиты желтым палящим дождем,
В нищей корзине жизни — яблоки и папиросы,
Трижды чудесна осень в бедном величье своем.*

*... Тверже по мертвым листьям, по савану первого снега,
Солоноватый привкус поздних осенних дней,
С гиком по звонким камням летит шальная телега,
Трижды прекрасна жизнь в жесткой правде своей.*

31 августа состоялось собрание совета Петроградской губернии, где с докладом выступил председатель Губчека Семенов, он доложил о ликвидации «заговоров» и о том, что «восставшие» хотели: «...воспользовавшись недовольством голодных, на их костях и крови воздвигнуть старое здание монархии... Здесь и поэт Гумилев, вербовавших кадровых офицеров». В этот же день «Известия ВЦИК» дали сообщение ВЧК «О раскрытом в Петрограде заговоре против советской власти».

1 сентября 1921 года город ахнул. Появились сообщения о расстрелянных, специально расклеенные большевиками для устрашения по всему городу. «Петроградская правда» в этот день сообщала: «В настоящее время ввиду полной ликвида-

* Был расстрелян в 1924 году.

ции белогвардейских организаций в Петрограде, представляется возможным опубликование более полных сведений о подготовлявшемся восстании... Основным методом борьбы деятели контрреволюции избирают политический и экономический террор, с целью дезорганизации хозяйственной жизни и расстройств рядов Коммунистической партии... в распоряжении ВЧК находится письмо парижского шефа петроградской белогвардейской организации (ПБО) генерала Владимирова на имя одного из руководителей организации Германа, «убедительно прошу кустарно не делать. Необходимо сочетать ваши намерения с какими-либо крупными беспорядками»... Белыми террористами за последние два месяца убиты в Петрограде 7 и тяжело ранены 8 коммунистов. Во главе организации стоял комитет из трех лиц: главы организации — проф. В.Н. Таганцева, бывшего подпольщика Шведова и агента финской разведки, бывшего офицера Ю.П. Германа (убит на границе). Петроград был разбит на районы во главе с руководителями групп. Начальнику военной подготовки восстания подпольщику П.П. Иванову удалось привлечь к работе лиц командного состава Красной Армии и ряд бывших морских офицеров. Одновременно с восстанием в Петрограде должны были произойти выступления в Бологое, Рыбинске, Старой Руссе с целью отрезать Петроград от Москвы. <...> В то время как Владимиров организовывал эмигрантские и военные круги, Коковцевым и Струве организована группа русских финансистов для оказания помощи Петрограду после переворота. Лейтмотивом организации стала идея создания «беспартийных Советов». Этим самым ПБО надеялась привлечь на сторону восставших военные части, рабочие коллективы и крестьян. Выступления должны были начаться в сентябре, ко времени сбора продналога. Заговорщики, представлявшие из себя узкие разрозненные группы, рассчитывали использовать малейшее проявление недовольства на почве голода...»

Естественно, мало кто поверил этому вопиюще безграмотному документу. Здесь и «разбитый на районы во главе с руководителями групп» город, и здесь же заговорщики, представляющие собой «узкие разрозненные группы»...

В этой же газете приведен список расстрелянных невинных жертв, как участников мифической ПБО. Под номером 30 (всего расстрелян шестьдесят один человек) было опубликовано сообщение о расстреле Н.С. Гумилева все с теми же юридически глупыми формулировками: «Активно содействовал составлению прокламаций к.-революционного содержания, обещая связать с организацией в момент восста-

ния группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности...»

«Активно содействовал», но, по показаниям того же Таганцева, ни одной прокламации не составил. «Обещал связать», но ни с кем не связал... Это, увы, не бред, а большевистский суд!

Убийство поэта и гнусно спровоцированное чекистами «Дело Таганцева» привело русскую интеллигенцию в шоковое состояние. Писатель Михаил Слонимский вспоминал: «И вот, кажется, на следующее утро (имеется в виду расстрел. — В.П.), Горький появился в комнатах «Всемирной литературы» в слезах. Он поминутно вытирал глаза платком. От него мы впервые узнали о том, что Гумилев расстрелян. В моей памяти отпечатались его слова тогда: «Это Гришка Зиновьев задержал ленинские указания» — и еще — «Запомните фамилию следователя Тарасов — это он убил поэта Гумилева!» Однако в фамилии следователя сейчас, сорок лет спустя, я не уверен». Фамилия следователя известна. Известно и распоряжение Ленина.

Актриса Дориана Филипповна Слепян вспоминала: «Когда я прочла в газетах о процессе, в котором фигурировал Гумилев, я была ошеломлена. Мне это невозможно было себе представить, так непохоже это было на него! В те трудные и голодные годы многие брюзжали и роптали, а Николай Степанович, совершенно не умевший устраиваться, как многие, ходил всегда голодный, плохо одетый, и не только не возмущался и не жаловался на трудности быта, но говорил об этом скорее с юмором, к которому он вообще не был особенно привержен. Через много лет я столкнулась в театре, в котором служила, с бывшим старым чекистом тех лет (он был директором театра), который присутствовал на расстреле Гумилева. Он рассказывал, что был поражен его стойкостью до самого трагического конца. Позднее, в годы необоснованных репрессий — этого товарища постигла та же участь». Что ж, тут можно сказать — получил по заслугам.

В Бежецке семья поэта восприняла сообщение о гибели Николая Степановича очень тяжело. Его сестра, Александра Степановна, вспоминала (она писала о себе в третьем лице. — В.П.): «Александра Степановна, которая первая узнала из газет об этом, сразу лишилась рассудка. «Как я скажу маме?» — твердила она, бегая по комнате и ломая руки, и ничего не слушала, кто говорил, что Анна Ивановна уже все знает. Только один Лева мог ее успокоить. Наконец доктор дал ей снотворного, и она затихла. У Варвары Ивановны (род-

ная сестра матери поэта. — **В.П.**) сделался потрясающий озноб, и она слегла и умерла 2 декабря того же года. Что касается до Анны Ивановны, то кто-то уверил ее, что Николай Степанович не такой человек, чтобы так просто погибнуть, что ему удалось бежать, и он, разумеется, при помощи своих друзей и почитателей, проберется в свою любимую Африку. Она ждала сына, ждала внука...»

Открыто, как по Александру Блоку, друзья поэта устраивать панихиду побоялись и провели ее почти тайно в Казанском соборе. На панихиду пришли вдова поэта Гумилева, Анна Ахматова, Георгий Иванов, Николай Оцуп, Георгий Адамович, вдова Блока Любовь Дмитриевна и довольно малочисленная группа интеллигенции Петрограда. С.К. Эрлих, принимавшая участие в панихиде, позже вспоминала: «Нас была небольшая кучка людей, но и та разбилась на две группы. Старшее поколение собралось вокруг Анны Андреевны Ахматовой. А мы окружали молодую, беспомощную, растерянную Анну Николаевну (Энгельгардт). И все, все беззвучно плакали, а священник читал заупокойную «по убиенному Николаю». И потом мы все прощались на ступенях Казанского собора».

Через несколько дней по Гумилеву прошла еще одна панихида — на сей раз в Спасской часовне Гуслицкого монастыря на Невском проспекте. Часовня была заполнена людьми до отказа.

Владислав Ходасевич позже напишет: «В начале сентября мы узнали, что Гумилев убит. Письмо из Петербурга шло мрачные, с полунамекками, с умолчаниями. Когда вернулся я в город, там еще не опомнились после этих смертей (Блока и Гумилева. — **В.П.**).

Николай Оцуп передал в своих воспоминаниях атмосферу, царившую в городе: «Никогда мы не забудем Петербурга периода запустения и смерти... Но после августа 21-го в Петербурге стало трудно дышать, в Петербурге невозможно было оставаться — тяжело больной город умер с последним дыханием Блока и Гумилева... Все следующие дни сливаются в одном впечатлении Смоленского кладбища, где хоронили Блока, и стенной газеты, сообщавшей о расстреле Гумилева».

Ахматова, узнав о гибели поэта от В.И. Рыкова, тяжело восприняла эту утрату. В августе—сентябре она написала несколько стихотворений, посвященных Гумилеву. Вообще после того, как Ахматова пожила с Шилейко, который запрещал ей даже писать стихи, она сумела оценить все благородство Гумилева, и до конца жизни искупала перед ним вину в своих произведениях.

15 сентября она пишет жалобное стихотворение с нотками бабьей заплачки:

*Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все сердца туманит...
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.
И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенье боли и забвенье нег —
За это жизнь отдать не мало.*

Увы, этого забвения не будет до конца ее жизни. Стихи Ахматовой и Оцупа — первые, посвященные памяти казненного Гумилева.

На Западе о расправе над поэтом Гумилевым и ведущими учеными Петрограда писали многие русские эмигрантские газеты. 21 сентября 1921 года в парижской газете «Последние новости» появилось характерное для того времени письмо русской академической группы в Берлине: «Ознакомившись с официальным сообщением о расстрелах по делу так называемой «Петроградской белогвардейской организации», мы заявляем, что профессора Лазаревский и Тихвинский были расстреляны по постановлению ВЧК, т.е. без соблюдения даже тех простейших гарантий, какие могло бы дать рассмотрение предъявленных им обвинений, хотя бы в революционном советском трибунале. Даже и при старом строе профессора, принадлежавшие и к оппозиционным течениям русской политической мысли, могли беспрепятственно работать каждый по своей специальности... Русская академическая группа уверена, что испытываемое ею чувство возмущения найдет живой отклик в сердцах всех, в ком еще не угасло сознание человечности и права...»

9 сентября 1921 года в той же парижской газете «Последние новости» вышла статья С.В. Познера «Памяти Н.С. Гумилева», потом, 11 сентября, пишет о «Заговоре» П. Милюков. В Берлине 14 сентября печатается некролог о Н.С. Гумилеве в газете «Голос России». В Ревеле в газете «Последние известия» появляется статья Сергея Штейна «Погиб поэт...». 18 сентября о Гумилеве пишет в эмигрантской газете «Сегодня» А. Амфитеатров, 20 сентября в парижских «Последних новостях» появляется статья Андрея Левинсона «Блаженны мертвые». В берлинском «Руле» появляется статья памяти поэта, написанная Петром Струве. В четыреста тридцать шестом номере «Общего дела» в Париже 26 сентября Ю. Ни-

кольский публикует статью «Поэт-рыцарь». А через день в этой же газете появится первая статья, разоблачающая большевиков, в которой прямо писалось, что никакого заговора вообще не существовало. В Париже в сентябре состоялся митинг. На котором выступали известные русские писатели, осуждая красный террор и убийство большевиками Гумилева. А 15 сентября в Париже прошел шестой вечер поэзии Палаты поэтов, где о творчестве Гумилева рассказывал поэт Михаил Струве.

Волна некрологов и статей о поэте, прокатившаяся по эмигрантским газетам, была вызвана не только гибелью Гумилева. Многие ведь даже не знали поэта при жизни и были далеки от его поэзии. Но сам факт варварского уничтожения интеллигенции вызвал жгучую волну ненависти к распявшимся красным бандитам. Гумилев на многие годы стал символом сопротивления кровавой диктатуре, знаменем белого сопротивления, хотя никогда не был заговорщиком. Именно в это время начали создаваться легенды о Гумилеве-заговорщике. О том, что в дни Кронштадтского восстания Гумилев показывал ему контрреволюционные прокламации, писал в 1926 году журналист Б.О. Харитон в газете «Сегодня» (Рига, 1926, 27 августа). Сергей Маковский тоже написал, что верил в заговор: «Многие тогда мечтали в Петербурге о восстановлении романовской монархии... однако никто не догадывался, что Гумилев состоит в тайном обществе, замышляет переворот». Даже жена брата поэта, Анна Андреевна Гумилева, и та уверовала, что Николай Степанович был заговорщиком.

Можно согласиться с Владиславом Ходасевичем, который написал однажды, что Гумилева убили «ради наслаждения убийством вообще, еще — ради удовольствия убить поэта, еще — для острастки».

Бытовали и такие версии, что якобы с Гумилевым рассчитались всемогущий тогда Григорий Зиновьев (принявший одно из стихотворений поэта на свой счет) и муж бывшей любовницы Гумилева Ларисы Рейснер — комиссар Балтфлота Федор Раскольников. Тайные пружины могли быть какими угодно, но нельзя забывать про зловещую фигуру Якова Агранова, который на протяжении многих лет занимался уничтожением русских поэтов.

Посмертная слава поэта росла с каждым годом, и все, что было написано Гумилевым, теперь уже представлялось в свете его героической жизни и смерти. Леонид Страховский в четвертом номере журнала «Современник» (Торонто, 1961)

писал: «...судьба была жестока к Гумилеву. Его конец — пуля чекиста в затылок и безвестная могила. Глубочайшая трагедия русской поэзии в том, что три ее самых замечательных поэта кончили свою жизнь насильственной смертью и при этом в молодых годах: Пушкин — тридцати семи лет, Лермонтов — двадцати шести и Гумилев — тридцати пяти». Первая книга о поэте «Творчество Н. Гумилева» вышла уже в 1931 году в Сан-Франциско, и автором ее был Андрей Ющенко.

В России Николай Степанович прошел самое страшное испытание — насильственным забвением. Его стихи не только запрещали, но за книги Гумилева ссылали в концлагеря. Много лет провел в совдеповских лагерях сын поэта Лев Николаевич, ученый с мировым именем, лишь за то, что носил фамилию отца. Сидел и младший сын, хотя носил фамилию матери.

Только в 1990-х годах генеральный прокурор СССР А. Сухарев направил протест Пленуму Верховного суда СССР в порядке надзора по делу Н.С. Гумилева, где писал: «...*решение Петроградской губернской Чрезвычайной комиссии в отношении Н.С. Гумилева подлежит отмене, а дело — прекращению по следующим основаниям. Как утверждается в заключении по делу со ссылкой на показания Таганцева, Гумилев говорил курьеру финской контрразведки Герману, что он, Гумилев, связан с группой интеллигентов и может ею распоряжаться... Из показаний Гумилева от 9 августа 1921 года явствует, что он отказался разговаривать с неизвестным ему человеком о какой-либо контрреволюционной деятельности. На вторичном допросе 18 августа 1921 года Гумилев вновь утверждал, что он дважды отказывался сообщать сведения шпионского характера. При этом он согласился на выступление с кучкой прохожих, пользуясь общим оппозиционным настроением. Во время третьей встречи с Вячеславским взял у него 200 000 на всякий случай и держал их в столе, ожидая или событий, то есть восстания в городе, или прихода Вячеславского, чтобы вернуть их. После падения Кронштадта он, Гумилев, резко изменил свое отношение к советской власти и все дело предал забвению. Подтверждая факт разговора с Вячеславским о том, что он, Гумилев, может собрать активную группу из своих товарищей, бывших офицеров, Гумилев пояснил: это заявление было легкомысленным, потому что он встречался с ними случайно и исполнить обещанное ему было крайне затруднительно. По словам Таганцева, Гумилев оставлял за собой право отказаться от тем, не отвечающих его далеко не правым взглядам. Как утверждает Таганцев, Гумилев был близок к советской ориентации. Про свою группу Гумилев дал уклончивый ответ, ска-*

зав, что для организации ему нужно время. Через несколько дней, говорил Таганцев, Гумилев далеко отошел от контрреволюционных взглядов, к нему больше никто не обращался и никаких поэтических прокламаций от него не поступало. Что касается 200 000 рублей, полученных Гумилевым, то из них 23 июля 1921 года он 50 тысяч передал М. Шагинян, а 16 тысяч рублей у него изъяли при обыске, судьба остальных денег не установлена. <...> В 1921 году в защиту Гумилева выступила литературная общественность во главе с М. Горьким, но ее ходатайство осталось без ответа. Приведенные данные свидетельствуют, что Н. С. Гумилев не являлся участником Петроградской боевой контрреволюционной организации и не предпринимал никаких шагов по оказанию ей содействия, а полученные им 200 000 рублей были ничем иным, как колебанием интеллигента, и эти деньги не использовались в ущерб интересам советского государства. Н.С. Гумилев не был врагом народа и рабоче-крестьянской революции. На основании изложенного, и руководствуясь ст. 35 Закона о Прокуратуре СССР, прошу решение Президиума Петроградской губернской Чрезвычайной комиссии от 24 августа 1921 года в отношении Гумилева Николая Степановича отменить и дело о нем прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Генеральный прокурор Союза ССР А. Сухарев.

30 сентября 1991 года состоялось заседание Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. Резолюция справедливости гласила: «Постановление Президиума Петроградской губернской чрезвычайной комиссии от 24 августа 1921 года в отношении Гумилева Николая Степановича отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления». Иными словами, расправа над поэтом была названа убийством, и все его участники по этому постановлению стали государственными преступниками.

В том, что правда восторжествовала, есть немалая заслуга и сына первого биографа Гумилева П. Лукницкого — Сергея Лукницкого, который долгие годы посвятил тому, чтобы дело Н.С. Гумилева из архива КГБ было выдано для изучения и потом пересмотрено. У поэта-рыцаря нашлись и бескорыстные защитники, которые служили светлomu его имени.

Сегодня в России о Николае Гумилеве написаны сотни исследовательских статей, диссертаций, огромными тиражами выходят его книги, но до сих пор точно не известно место, где захоронен поэт:

*Ни креста, ни могилы,
Только наспех зарыт,*

*Только звезды застыли,
Только вечность летит.*

*Только эхо уходит
В золотые слова,
И на красном восходе
Что-то шепчет трава.*

*И деревья, как люди,
Печально не спят:
...Память вечною будет
И за то, что распят!*

*И за то, что с усмешкой
Принял муки и смерть,
И за то, что не в спешке
Мог немислимо сметь!*

*Ни креста, ни могилы,
Лишь трава-мурава,
Но полны страшной силы
Золотые слова!*

По всему миру разлетелись сегодня книги поэта, *золотые слова* его живы и разгадываются до сих пор, хотя множатся диссертации о поэте на многих языках мира. Жива поэзия поэта-рыцаря, романтика и путешественника. Она чиста и целительна, как вода живительного лесного ручья, питающегося от волшебных источников. И тайна у Гумилева есть, и разгадка ее столь же проста, сколь и гениальна. Помните, в Евангелии страждущий обратился к Иисусу Христу с просьбой об исцелении, и Он ответил: будет тебе по вере твоей!

Вера в себя превратила «колдовского ребенка» в романтика и сделала бессмертным русским поэтом!

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

ПОЭТИЧЕСКАЯ РАДУГА

Татьяна БАШКИРОВА (г. Коломна)

* * *

Из студеной Оки не испить убежавшей водицы.
Облетающих листьев не красит закат.
Я махну рукавом — разлетятся, как вольные птицы,
Мои резвые годы — их ровным числом пятьдесят.

Мне тринадцатый год... Мой безоблачный день лучезарен.
Комнатушка мала и бедна — что грустить от такой чепухи?
Набирает держава разбег, и наш в космосе первый —
Гагарин,
И о нем я, волнуясь, наивно слагаю стихи!

Тайны девичьи дарим мы щуровским старым аллеям,
В платьях, мамами сшитых, на танцы спешим, — не беда!
Мы читаем наивные книжки, но быстро взрослеем,
И кого-то в столицу умчат поезда навсегда...

В ранней розовой юности так побродить захотелось,
Встретить давних, немногих, а ныне ушедших подруг.
Но нагрянули вихри, шальная земля завертелась, —
Не бараки — коттеджи по Щурову выросли вдруг.

День сегодняшний встал молчаливой холодной стеною.
В нем — наивный подросток — я места себе не найду.
Я не знаю, не ведаю, что теперь будет со мною, —
Мне — двенадцать, как в том позабытом, далеком году.

Догорает луна, как лимонная стывшая корка,
Озаряя окрестности без деревень и садов.
Где напев петушиный, где яблочный запах? — И горько
Видеть ей на земле лишь громады больших городов.

Полыхает в лицо мне, слепя своим светом, реклама.
Люди в бешеном ритме не знают ни ночи, ни дня.
Но я помню молитвы слова, что шептала мне мама, —
Те слова согревают, донныне спасают меня.

* * *

Уметь понять молчание воды
И то, о чем тоскует подорожник.
Последний луч бледнеющей звезды
Ласкать пытливым взглядом осторожно,
Услышать песню ивы над ручьем
И гимн скворца — весенний, вдохновенный,
И ощутить перед лицом Вселенной
Короткий миг, в который мы живем...

* * *

Сойди, Покров, на Русь —
Спокойным чистым снегом,
Над отдыхом полей пролейся голубым
Всевидящим, огромным,
Великим русским небом —
Покоить города, стоящие под ним.

Как храма чистоту, предзимнюю прохладу
Шумливой дай толпе под звон колоколов...
И в душах всех людей не суету — отраду
Негаснувшей свечой твоей зажги, Покров!

К обочине

шоссе затихшее припало,
Печально дремлет куст — к зиме совсем погас...
Простит ли небо нас — никчемных и усталых,
Как всё прощает нам земля, покоя нас..

* * *

Зарос травой иль меньше стал тот двор,
Теперь здесь наши бегают ребята.
А вид с крыльца волнует до сих пор:
Голутвин-монастырь в лучах заката.
Здесь у забора движется Ока,
Полынь цветет, невзрачна и горька,
На светлой зорьке точит вдовьи слезы,
И добрым словом помнят старика,
Что посадил под окнами березы.
От суеты, от пыльных, шумных дней
Тут хорошо... И мы, душою дети,
Спешим к окошку матери своей,
Пока оно нам в этом мире светит.

Тойво РЯННЕЛЬ (Финляндия)

ВСПОМИНАЯ ЛЕДОХОД

Я видел бунт стихии грозный —
На Енисее ледоход,
И спину трогало морозом,
Душа срывалась на полет!
И резко льдины грохотали,
И мутно пенилась река,
И с нетерпеньем люди ждали
Волну тепла издалека...
Толпа, сплоченная участием,
Смотрела бой на высоте,
И лишь один искатель счастья
Спускался к бешеной воде.

Быть может, в этой круговерти,
Опохмелившись поутру,
Причину для красивой смерти
Искал открыто на миру.
А может, он искал общения
С самой энергией весны,
Гонимый жаждой риска гений
В потоках яростных речных?

И он, стихией окрыленный,
Взлетал по скользким гребням льдин,
Везучий акробат и клоун,
Весны и ветра властелин.
Скрывалось следствие в причине,
И без вопросов зрел ответ —
Рождался в подвиге мужчина
И Божьей милостью поэт!

НА КИВАЧЕ

Алмазна сыплется гора...
Г. Державин

Я, оглушенный водопадом,
Стою у скального плеча,
Внимаю музыку каскадов —
Органный рокот Кивача.

Как будто Ятти-великаном
Разорван подземелья ад,
Чтоб нескончаемым фонтаном
Вода и камень пели в лад.

И вольное воды паденье
Здесь превращается в полет,
И голос сказочной Сирены
В иную даль меня зовет.

Я очарован вод кипеньем
И радуг красочной игрой
Что возбуждают вдохновенье —
Щемящий радости настрой.

И на бессмертье околдован,
Себе на радость и беду,
Я в неизбежный час условный
Сюда на исповедь приду.

Чтоб подвести свои итоги
И отчитаться, как могу,
Перед собой и перед Богом —
Еще на этом берегу.

И если голосом Сирены
Меня стихия позовет,
То в хаосе летучей пены
Свершу последний свой полет.

Вадим КВАШНИН (г. Коломна)

* * *

От лугов прохлада и медвяный дух.
Выгоняет стадо молодой пастух.

Рядом с ним девчонка — тоньше василька:
Белая юбчонка, легкая рука.

Сочно гнутся травы от высоких рос.
Там, за переправой, где речной покос,

Где еще синее дымка вдалеке,
Ночь была короткой на его руке.

В утреннем тумане млел сосновый сруб
Молоком налитых земляничных губ.

Ласковое утро, и со всех сторон —
Голубое небо, златотканый звон!

Слюдяное стадо светит далеко,
Смейся звонче, радость, лейся, молоко!

* * *

Привет, деревенское лето!
Пришло! А начавшись едва —
От солнца большого и света
Блестит и трава, и листва!

В лесу там кукушка кукует,
Трещит на лугу коростель.
От радости сердце ликует,
От самого неба — досель!

Гуляй! Деревенская воля!
И в солнечный яркий рассвет

Я крикнул в открытое поле:
«Кукушка, а сколько мне лет?!.»

Мне десять — она куковала...
И сердце стучало в груди,
А сердце в груди ликовало:
Мне десять, и жизнь — впереди!

Года прокатились покато,
То жёрновом, то колесом.
Как жил я? Счастливо, богато?
Я жил, и спасибо на том.

Эпоха меняла эпоху.
И что мне собой дорожить?
Спрошу — между выдохом-вздохом:
«Кукушка, а сколько мне жить?»

Я думаю, что угадает,
И сердце, как в детстве, замрет.
Как в детстве я верю, что знает,
А сколько — сейчас пропоет...

Сергей СКОРЫЙ (г. Киев)

* * *

Я не знаю, сколько проживу —
Есть секреты за семью замками,
Но всё чаще глажу я руками
Эту землю, листья и траву.

А порой гляжу: на склоне дня,
По тропе на алом небосводе
Мальчик, так похожий на меня,
Босиком за горизонт уходит...

А МОГЛО ВЕДЬ НЕ БЫТЬ

А могло ведь не быть
Нашей встречи, как будто, случайной,

На дорогах судьбы,
Там, где птицы о счастье поют.
Ведь кружится Земля
И скользят по ней люди, отчаясь
Хоть когда-нибудь где-то
Найти половинку свою.

А могло ведь не быть
Этой грустной и грешной улыбки,
Долетевшей ко мне
Сквозь сиреневый дым сигарет.
Стало слышно: с небес
Кто-то нежно играет на скрипке,
Проливая нам в души
Такой упоительный свет.

А могло ведь не быть
Этих глаз, распахнувшихся настежь.
В их глубинах печальных
То ль радость моя, то ль беда...
И грохочут сердца
По законам неведомой власти,
И порой даже странно,
Что не было это всегда.

А могло ведь не быть...

ОСТАЛОСЬ ЛИШЬ ОДНО...

Наверное, донельзя пропиталась
Водой с небес осенняя земля...
Всю ночь шел дождь, и вызывают жалость
Озябшие, без листьев, тополя.

Быть может, им приснилась зелень кроны,
А в ней веселый птичий пересвист...
Но явь скудна: промокшие вороны,
Наохлившись, сердито смотрят вниз.

Но мы-то вовсе в том не виноваты,
Что мир продрог, дороги развезло...
Осталось лишь одно — и здесь права ты —
Искать друг в друге летнее тепло.

* * *

Эта осень на дожди щедра —
Видно, нет у Господа лимита:
За окном — как будто из ведра,
Вся Земля уже почти залита.

Листья сбросил сад давным-давно
И теперь грустит в свинцовых лужах...
Дремлет ум, и голос мой простужен —
Разогрею красное вино.

В ноги лег мурлыкающий кот,
И на грудь пристроен томик Блока...
Сон придет, и если повезет,
Мне приснится чей-то рыжий локон.

Леонид КОРНИЕНКО (Финляндия)

А ЖИТЬ?!

Рассказ

Ну что за жизнь настала! Мне нужно было добраться из Кировограда до Харькова. По давней студенческой привычке, как это было в советские семидесятые годы, я решил поехать вечерним автобусом. Но не досмотрел каких-то изменений в расписании и поехал не в ту сторону. Пришлось спешно высадиться на автобусной станции в Знаменке, чтобы пересесть на поезд Херсон—Харьков.

Тепловоз, медленно и неотвратно, словно одноглазый циклоп, заполз в пространство пассажирского вокзала, волоча за собой гибкую змею вагонов. Мой седьмой вагон остановился как раз напротив меня. Угадал правильно. И, довольный собой, я выбросил десятый окурочок под колеса вагона.

Пожилая проводница, посверкав ровным рядом металлических зубов на мое «Наконец-то!», пропустила меня в тамбур и тут же с лязгом захлопнула тяжеленную вагонную дверь.

Я расположился в пустом купе, вытащил бутылку пива «Рогань». Ехать предстояло девять часов. Конечно, можно было бы и взять постель. Но это же лишняя бутылка пива! А в своем вояже в Харьков я был весьма ограничен в средствах! Так что кимарнуть лучше в походном положении, кулак под

голову. Проводница не возражала, ей было все равно. По-сверкав на мои объяснения металлическими зубами, она ушла к себе. Поезд тронулся, заползая в темноту. Тусклый свет в вагоне не позволял читать. И я задремал.

Проснулся от толчка чьей-то сумкой. Напротив меня уселся круглый, как сдоба, коротко стриженный розоволицый парень. Ослабив в улыбке крупные зубы, он осведомился:

— Не помешаю? Скушно одному сидеть. Ты, бачу, пивом балываешься. А самогонку пьешь?

Самогонки я не хотел. Дремота так разморила, что я и слова не мог сказать, а потому только покачал головой.

— А я пью! И имею! Еще и огурцы, и сало павлыськое есть! А? Давай!

Я прищурился и снова качнул головой, но спросил:

— Откуда сало павлышское?

— Да я сам с Павлыша! А тута, в Александрии, это... в гостях у тетки был. Теперь в Харьков еду. На заработки. На станции, у Користовке, три часа прождал поезда. Автобус с Александрии до станции только до двенадцати ночи ходит.

— А что, в Павлыше у вас работы нет?

— Э!.. У Павлыше теперь ничего нет! От смотри! Дед мой и батька в колхозе всю жизнь работали. И все было у нас! Все справно! Дед еще пасеку держал. Медом торговал. Хорбша была пасека! Я там каждое лето деду помогал. И мед качал. На медогонке. Бочка такая, внутри соты хрестом выставляются. Крутишь ручку уверху, соты тоже, як космонавты крутятся по кругу на этой... центрифуге, кажись. Мед на стенки из сот летит, стекает униз, потом у желоб и до посудыны. Красота! А як у хатыни пахнет! На улицу не выйдешь. Бджоли со всей округи слетятся.

Я в знак понимания покивал головой.

— От! А батя у меня механизатором был. Добре работал, бо не пил. Болячка у него такая была. Алкоголя организма не принимала. Башка потом болела страшно. А у дворе было две коровы, индыки, гуси, куры... Эх! Все пошезло! Главное, корма так подорожали, что мамка только курей теперь держать может. Работы в Павлыше совсем не стало. Батька маялся-маялся без дела, да и поехал на заработки в Россию. Видно, хорошо устроился, стал деньги присылать. Правда, теперь уже реже. Видать, скрутно стало с работой. А может, и молодуху нашел. А нам как с мамкой жить? Колхоза нет. Фермеры тутешные сами на ладан дышают. Стал я мотаться усюды, работу искать. В Александрии у тетки пожил трошки, работы нет. Вот и порешил у Харьков, к брату двоюродному, теткинному сыну, ехать.

Я с сомнением покачал головой.

— Во-во! И я не верю! Ну да шо делать? Надо же как-то жить!.. Вот и еду!.. Може со мной все же квакнешь? Не хочешь? И я не буду!

Мы помолчали. Парень поерзал, хотел было продолжить разговор, но я поспешил закрыть глаза и притвориться спящим.

Минут через сорок проводница прошла по вагону и объявила, что следующая станция — Павлыш. Парень ожил, прилип к окну, пытаясь в темноте разглядеть знакомые места. За стеклом проплывали только точки одиночных фонарных столбов. Парень крикнул и вернулся на свое место.

— Не буду выходить. Поеду прямо в Харьков. Мамке я говорил, она знает. Чего тут шукать? — озвучил он свои давние мысли и даже не глянул в окно, когда поезд остановился.

Лязгнула дверь вагона. Кто-то влез в тамбур, переговариваясь с проводницей и матеря багаж, не пролезавший по проходу. Павлышанин не выдержал, выглянул из купе. Вошедший, увидев его, окликнул:

— Земеля! Помоги затащить эти тюки. За-астрял!

Парень с готовностью поспешил к нему на помощь.

Я тоже выглянул.

Долговязый парень в шапочке и ветровке передавал павлышанину огромный тюк.

— Тю! Так он легкий!

— Да там же барахло одежное. Может сюда под сиденье захватить?

— До нас, до нас давай! А эти два?

— Да они небольшие! Можно на полки...

— Тоже до нас!

Я пересел к окну. Почти сразу на освобожденное мною пространство плюхнулись две сумки, которые затем улетели на верхние полки. Долговязый и павлышанин, довольные друг другом, уселись лицом к лицу, секунду-другую помолчали. Долговязый затем по-хозяйски огляделся, кивнул нам:

— До Харькова?

На наши ответные кивки радостно ответил:

— И я туда же! Барахло из Кременчуга на Барабашовский рынок везу. Там точка у меня. Торгую на ней. Выживать же надо! Вот и мотаюсь. Где дешевле? Где дороже? Где спрос? На что спрос? Голова пухнет, а кошелек — нет! И ноги начали от такой гонки болеть. Детей (их у меня аж трое!) не вижу неделями. И женка! Вроде довольна, что копейку несу, и недовольна, бо як вдова соломенная. Когда же жить? Такие вот дела...

Павлышанин, полный сочувствия и сопереживания, хлопнул ладонями по полке и начал свою историю. Фаза дорожной встречи вошла в пик взаимного узнавания.

В купе появились гости. Это были два пожилых дядьки. Услышав из нашего купе оживленный говор, они, как бабочки на свет, пришли из разных концов вагона на разговор. Одного, рыхлого, бледного, в светлой рубашке навывпуск и галстук на резинке, павлышанин, встав, радостно-почтительно поприветствовал. Это оказался учитель из Павлыша. Он сел в вагон вместе с долговязым. Другой, маленький, сухонький, сел в вагон немного ранее, в Лекаревке. Оба тоже ехали в Харьков.

После обмена ознакомительными фразами разговор продолжил учитель. Обстоятельно отсморгавшись в большой носовой платок, он заговорил неспешно, округло и внушительно:

— Разговор о жизни можно на всякий лад повернуть. И как жить, если не за что, и когда жить, если труд в каторгу круглосуточную превращается. Но вот избежать одного важного пункта при этом никак нельзя: зачем так жить? Ведь правда? И наглядным примером могу привести свою педагогическую жизнь. Вот, Владимир, я у вас историю преподавал. Что я говорил о войне с фашистской Германией? Только то, что в учебнике было. А я ведь намного больше тогда знал! Материала собрал о войне в этих местах на два краеведческих музея! Но тогда, при Союзе, рассказывать все это нельзя. Сразу — на Соловки! А сейчас? Кому это нужно в такие вот разбродные времена?

— Ну почему же не нужно? Знать все надо! — резонно заметил павлышанин, встав с лавки для убедительности своих слов. И подбодренный учитель продолжил.

— Ну, вот примером, на Черкашине забрали в армию человек восемьсот, которые до войны или проходили военные сборы, или служили. Их, не разбираясь, артиллерист кто или пехотинец, по разным частям распахали, а через неделю в бой. Одного пехотинца, мне рассказывали, который в жизни пушки не видел, командир батареи на поле боя, как симулянта, расстрелял! Мог я такое, Владимир, вам рассказать? Не мог! Не было этого в программе по истории! А в моей памяти, а на моей совести? Каково мне было молчать?!

Учитель так разволновался, что не стал продолжать, вытащил платок и дрожащей рукой стал вытирать лоб и шею. Все понимающе помолчали.

Мужичок из Лекаревки, все это время молчавший, вдруг словно просиял изнутри.

— Я, это, и у меня такая же хрень случилась в сорок четвертом. Учитель правду говорит! Когда немцев прогнали, мне токо семнадцать годков стукнуло. Но меня, это, отседова, с Лекаревки, в Армейский запасной стрелковый полк под Полтаву все одно отправили. Народу там согнали — тьму! Построили, помню, всех, и политрук перед строем объявил, что будут среди нас беспощадно вражеские элементы отсеивать. Сеять ничего не сеяли, пять дней газеты читали да страшали, что мы все, кто под немцем был, предатели и должны искупить вину кровью. А потом вызвали человек двести, и меня с ними, погрузили на грузовики и повезли в сторону заката, на фронт. Гимнастерок нам не дали, только шинели поверх нашей же одёжи напялили. Мне еще и с петлицами досталась.

Везут нас дорогами лесными, а уже грохот слышно все громче. Выехали мы на большую поляну-галявину. Впереди, у самого леса, три сарая с соломенными крышами. Старший нашей команды, майор, на них указал, мол, привал там сделаем. Только подъехали, а из-за тех сараев вдруг танки немецкие, штук пять выползли, окружили, и давай нас и машины наши гусеницами давить! Страх господний! Машины, люди — в кровавое месиво! Кто живой из-под гусениц выскочил, того автоматчики, следом подошедшие, кого застрелят, кого к сараям отгонят! Я и гусениц избежал, и пули, и к сараю пинками был отогнан. Скоро танки, дело свое страшное сделав, остановились. Сами черные с гусеницами красными от крови, в лохмотьях мяса людского. Танкисты, тоже все в черном, повылазили на башни, начали равнодушно курить. А нас, человек тридцать, в живых оставшихся, стали строить. Майора, у которого обе руки плетьми висели, и сержанта, у кого правый бок шинели весь кровью набух, из строя сразу вывели. Высокий фельдфебель к ним подошел, шаркая короткими сапогами, и вдруг на чистом русском рывкнул:

— Шо, командиры, людишек на убой привели, а сами еще живы?

Руку с пистолетом вперед вытянул и пулю сержанту в лоб вlepил. Майор на это, серый от боли, просипел:

— С-сволочь! Пре-едатель! Стреляй!

И рухнул рядом с сержантом тоже с дыркой в голове.

Фельдфебель к нам повернулся, не спеша, подошел.

— Кто из Саратова? Есть такие?

Все молчат. А он снова:

— Шо? Языки проглотили? М-мать вашу! Или политруков боитесь? А из хохлов есть кто? Или все хохлы? Ты отку-

да? — Пистолетом тыкнул в грудь мужику в рубашке домашней и пилотке.

— Я-я! Я з-под Полтавы...

— Дурак! Активист колхозный?

— Не-е! Мобилизованный я!

— Все равно, дурак! А ты?

Так он дошел до меня, глянул на петлицы, и, как зверюга, рыкнул:

— Шо, падла! Думал спрятаться?

Схватил меня за ворот шинели, из строя выволок.

— А ну, к ним шагай! Шаз рядом лягишь!

И курком щелк!

Идти до убиенных майора и сержанта мне было шагов десять. Сделал я первый шаг, и во мне вдруг внутренний крик прозвучал громче залпа пушек: «А жить?» Я второй шаг сделал. И еще громче в уши изнутри ударило: «А жи-ить?!»

Земля плывет под ногами. Тела майора и сержанта приближаются все быстрее и быстрее. Сейчас в спину или затылок — пуля...

Но тут из-за сараев легковой автомобиль выехал, а в нем три офицера. Один, старший, наверное, приподнялся и громко окликнул фельдфебеля.

У меня глаза будто на затылок переехали — все вижу. Как офицер снова сел, как фельдфебель пистолет в кобуру сунул, рысью к автомобилю побежал.

— Beutezoldatenen? — громко так спрашивает старший. Это по-ихнему «трофейные солдаты», значит.

— Javol, herr oberst!

Тогда старший что-то тихо приказал, фельдфебель руку вверх выбросил, повернулся и к нам назад побежал.

— А ну, падлы, двигай к сараю! И ты, активист, давай тоже! Бы-ыстрей!

Сердце теплой волной обдало. Жив...

В сарай нас загнали, как овец, прикладами. Все повалились на груды сена, раскиданного по полу. Никому ни до кого не было дела. Каждый переживал возвращение к жизни, забыв, что любого или всех вместе могут в любую минуту прихлопнуть.

Запах сена быстро вернул меня к этой мысли. Я в детстве на сеновале частенько ночевал! Утречком аромат сухого сена мозги включает лучше любого эликсира.

Я поднялся, перевалил через кучи сена, добрался до дальнего угла сарая. Там был надстроен второй этаж и приставлена лестница. Шинель сбросил — и наверх. Там, конечно, сено было чище, но оно меня не интересовало. Я

к скату крыши подобрался и стал на ней изнутри раздирать солому, чтоб дыру сделать и вылезти наружу. Солома сильно слежалась, и голыми руками, без ножа, разодрать ее было тяжело. Когда я на крышу вылез, прямо передо мной лес стеной встал. Немцы были с другой стороны сарая. Порадовался я и стал примеряться, как ловчее съехать по скользкой соломе вниз да в лес ломануться. А тут внизу как рванут гранаты, как застрочат автоматы! Я до сих пор не могу вспомнить, как с крыши слетел, как до леса добежал. Только там уже, в кустах, очухался, оглянулся, зарево от пожара увидел, рев танков услышал, от побоища отъезжавших.

Не помню тоже, сколько по лесу тащился, пока... теленка заблукавшего не встретил. Тот меня увидел, замукал, кинулся навстречу, в руки тыкается, пальцы лижет. Взял я его за ухо, за собой повел, сам не зная куда. Шли, шли, а потом он как мукнет радостно, дорогу видно узнал, и меня теперь за собой повел. И вышли мы к лесниковой садыбе. Там, за то что теленка спас, лесничиха-вдова приютила меня, пока не наехали сюда ездовые из хозяйственного взвода авиаполка. Бумага у меня мобилизованная, слава богу, в кармане сохранилась. Меня в этот взвод взяли. И прослужил я в нем до конца войны. Дошел аж до Померании! Вот так, хлопцы!

Притихшие, мы сидели, уставясь на сухонького дядьку. У каждого из нас прошли войну родственники. И от каждого мы слышали их истории. Жизнь затуманивает остроту рассказанного, но не стирает сопереживание. Оно всплывает иногда в праздники, а когда вот так, при случае.

Сухонький дядька, застеснявшись нашего молчания, махнул рукой:

— Да чё вы, хлопцы! Ну, выжил и живи! И вы — живите!

Все, словно очнувшись, заулыбались. Павлышанин радостно хлопнул ладонью по лавке:

— Деда! А ты самогонку пьешь?

— А хто же ее не пьет? Кто не пьет, тот болеет, або погана людына!

Через пять минут на столике был развернут царский стол. Курица-гриль и две бутылки пива «Рогань» от меня. Яйца, помидоры, домашний хлеб от учителя. Бутерброды с балыком и чай в термосе от долговязого. Моченые и свежие яблоки от сухонького дядьки. А в центре гордо возвысилась литровая бутылка из-под спирта «Рояль», наполненная самогонкой, окруженная огурцами и тонко резанными кусками розового сала от павлышанина.

СТЕКЛО

Рассказ

По вечерам Степан приезжал домой на грузовике. Если был пьяным, то выпадал из кабины на траву и тут же засыпал, если выпивши — спихивал на затылок кепку, улыбался и растопырял руки, чтобы обнять троих пацанов — двух собственных сыновей и племянника. «Сыны!» — бубнил он слюняво и ждал, когда парни притащат спички и поднесут огонек к размятой «беломорине». Затем вставал на колени и заползал в избу на четвереньках, таща на себе хохочущую трицу. В сенях обычно спотыкался, опускался на локти и вскоре оглашал старенький пятистенник залившимся храпом. «Лошадь сдохла!» — с кривой усмешкой объявляла Нинка — жена Степана. «Тьфу!» — сердчала ее мать. «Ну, хватит уже, хватит! — морщились сестра Нинки и мать Степанова племянника Тонька. — А ну-ка быстро мыть ноги! Да чисто! Пятки, пятки оттирайте!»

Если Степан не успевал уснуть, то вскоре его веселость куда-то улетучивалась, он становился злым и мрачным и уже в постели начинал томительные разговоры. В доме стояла ночь, за окном качался уличный фонарь, но от шевеления кружевных отблесков на стенах племяннику Степана казалось, что качается дом, а не фонарь. И что шум летнего дождя за окном — на самом деле шум волн и изба никакая не изба, а парусник, который режет килем черные волны. Только голос Степана все портил. Дядька привычно ныл, что дом старый, что вот венцы поменял, и фундамент подвел, теперь перекрывать крышу, а дом записан на мать, еще и Тонька тут с сыном своим пригрелась, за каким лешим он станет жилы рвать, если не на себя работать? Нинка что-то отвечала, успокаивала мужа, над дощатыми перегородками, что не доходили на ладонь до потолка, витал хмельной дух, Степан, наконец, засыпал и начинал привычно храпеть, а племянник продолжал качаться на волнах и думал, что раньше надо было засыпать, раньше, разве заснешь теперь под этакий храп?

С утра Степан становился еще злее, впрочем, с утра его почти никогда уже не было, как не было Нинки или Тоньки, они посменно трудились на сельской швейной фабрике, а вечером у калитки снова ревел грузовик, и маленький дворик, засыпанный опилками от предзимней пилки дров, оглашал пьяный крик Степана: «Сыны!»

В обед Степан приезжал трезвым. Иногда он приказывал поменять колесо, и вся троица дружно прыгала на стальной трубе, чтобы сорвать с места колесные болты. Иногда требовал прибраться в кузове. Братья привычно карабкались через борт и сметали из кузова в ведра зерно или комбикорм, сбрасывали в заросли шиповника кирпичи, перетаскивали во двор разбитые ящики или доски. Затем бабка загоняла работников обедать, и деревенская кухня наполнялась чавканьем и хрустом. Степан посыпал щи перцем, троица чернила и свои тарелки. Степан макал в солонку кольца белого лука, сыны хрустели вслед за ним и луком. Вот только сало Степан рубил кубиками, а племянник любил тонко, поэтому сердито хмурился и не хватался вслед за братьями за лакомство, не прилаживал его на черный хлеб. После первого на стол водружалась сковородка с картошкой, четверка дружно стучала по ней ложками, не забывая подцеплять из эмалированной миски сдобренную маслом капусту, потом сыны пили чай, а Степан выуживал из кармана четвертинку, срывал с нее «кепку» и, брякнув привычно «дай бог не последнюю, а если последнюю, то не дай бог», — опрокидывал куда-то за полуметаллический прикус внутрь. Поймав в глазах блеск, Степан заводил грузовик и уезжал в совхоз, и троица наконец-то отрывалась от огородных забот и предавалась мальчишеским забавам — то есть казакам-разбойникам, футболу, речке и чужим клубничным грядкам.

Вечером племянник опять не мог заснуть, слушал храп Степана, посвисты братьев, сопенье Нинки и мамки, охи и ахи бабушки и пытался вспомнить собственного отца. Вспомнить не удавалось, перед глазами почему-то вставали армейские фотокарточки, счастливое лицо мамки, ее руки в мыльной пене, начищенные сапоги, значок парашютиста, странная зеленая курточка с пришитой к воротничку белой тряпочкой, выгоревшие брови, беретка и испуганная тетка, которую его мамка била по лицу. На голове тетки колыхался украшенный пластмассовыми ромашками шиньон, она испуганно закрывалась руками и причитала: «Да что ты, Тонь, что ты?» Мамка продолжала хлестать ее по щекам и говорить что-то о брошенном ребенке и непутевом папке, которого эта тетка куда-то увела. Ребенок стоял тут же, сгорал от стыда и немочи, задирали руки локтями вверх и теребил на спине воротник рубашки. Потом он очень долго куда-то ехал вместе с мамкой в холодном вагоне, потом сидел в темном коридоре, в который выходило множество запертых дверей, и вроде бы ждал папку, но не дождался. Тетка, наверное, помешала, которая мыла пол в коридоре и все время заставляла мамку пе-

реставлять табуретку, на которой та сидела вместе с сыном. Почти сразу племянник вспомнил шумное московское метро и опять мамку, которая вдруг словно онемела, замерла, обмякла, задышала неровно почти со всхлипами, а потом перепробовала несколькими тихими словами с неизвестным высоким мужчиной, и вдруг потащила сына к эскалатору, и только там уже ответила на его незаданный вопрос:

— Так, человек один, предлагал жениться, но я папку твоего выбрала. Понимаешь?

— Мам, а ты женись на мне, — попросил мальчишка и даже приподнялся на цыпочки. — Я скоро вырасту! И никакая тетька меня от тебя никогда не уведет!

— Ладно уж, жених! — засмеялась она и почему-то спрятала нос в платок.

Племянник затыкал ухо краем мягкой подушки и думал, что рано или поздно его папка вернется, а если не вернется, то уж точно вспомнит, что в далекой деревне у него остался никакой не племянник, а самый настоящий сын. И хорошо бы, чтобы он узнал, что двоюродные братья стараются не подпускать его к пьяному дядьке Степану, который в папкино недолгое бытие в этой же деревне как раз сидел за пьяную драку в тюрьме. Они орут, что это их папка, а не его, да он и сам не больно рвется к тому обниматься, потому что когда тот пьяный, то сразу засыпает, а трезвый — злой, и если братья подерутся между собой, то залезает в горницу разъяренный, выхватывает ремень и вытягивает по спинам всем троим, даже если дрались только двое. Хорошо еще хоть, что злой он бывает редко, потому что пьяный почти всегда, а пока не проспится, все одно не протрезвеет.

Утром племянник проснулся рано, но открыл глаза не сразу, а сначала послушал кукареканье с заднего двора, потом стук сечки в курином корыте. Втянул носом запахи с кухни, но пирогов не почувствовал, да и разве праздник какой или выходной, вон и бабушка только встала, охает да заматывает серой лентой вздувшиеся синие вены на тонких ногах. Почему же тогда голос Степана на кухне? Злой и отрывистый. Почему дядька не на работе? Неужели выходной? А если выходной, где ж тогда запах пирогов?

— Отпуск у Степана, — заприметила потайные глазные щелочки бабка. — Вставай, парень. Работа сегодня будет. И завтра. Крышу править надо, а то течет. Да не жмурься ты, думаешь, что твой папка справнее был? Такой же...

Племянник опустил ноги на холодный щелястый пол, одернул черные сатиновые трусы, заправил в них майку и выско-

чил на крыльцо. Там уже сидели братья, ежились, стучали зубами от утренней прохлады, ловили острыми плечами солнечные лучи.

— Ну что, цыплята? — загремела молочным бидончиком в калитке их мамка. — А ну-ка живо чистить зубы и за стол!

Тут же началась толкотня у медного рукомойника, потом локти встали на побитую ножом холодную клеенку кухонного стола, потом Нинка погнала племянника перебивать руки, нечего трогать кота под столом, там уж и манная каша расплылась по разномастным тарелкам, и крошка масла в ее центре начала обращаться в желтую каплю. Где-то над головой послышался непривычный в доме мат и стук сапог, а еще через полчаса сыны с завязанными марлей мордочками в клубах пыли ровняли на чердаке керамзит. Какие-то мужики вместе со Степаном тут же новили стропила, во дворе лежали пласты шифера, осколки которого, как помнил племянник, замечательно щелкали в костре, валялась гряда гнилых досок, ошестинившихся почерневшей дражкой. Сыны раздвигали по углам чердака коричневые шарики, набивали самыми большими карманы, дурачились, бросались друг в друга, хихикали, но дело двигалось. Сквозь пыль пробивался смоляной запах свежего дерева, мужики бодро стучали топорами, Степан что-то говорил про шиферные гвозди, как вдруг под ногами племянника хрустнуло и зазвенело.

— Итить твою... — рывкнул Степан, засадил топор в брус и побежал к сынам, перепрыгивая через балки.

Племянник замер в ужасе. У ног его искрились осколки стекла, а рядом, у бревна стояло вынутое чердачное окно, одну створку которого Степан так и не успел застеклить и уже не успеет, потому что заготовленный прямоугольник только что растоптал его племянник.

— Это не я! — тут же заявил один из сынов.

— И не я! — пискнул второй.

Племянник увидел злые глаза дядьки, занесенную над ним тяжелую руку и зажмурился.

Когда он открыл глаза, Степан молча собирал осколки в помятое, выпачканное в растворе ведро.

— Кыш отсюда! — прошипел дядька сквозь зубы. — Все трое!

Племянник проглотил не пролитые слезы, спустился по шаткой лестнице вниз, в очередь с братьями молча и без визга выдержал жесткие пальцы тетки на собственной макушке, не заплакал от попавшего в глаза мыла и не захныкал от не слишком теплой воды. Так же молча выхлебал тарелку супа, но на речку с братьями не пошел. Слезы ушли внутрь и

остановились где-то в груди. Племянник даже поскреб пальцами по ребрам, но слезы ни уходили глубже, ни поднимались к глазам. Мальчишка вышел на улицу и поплелся вдоль засохшей под августовским солнцем колее к безголовой церкви, своды которой коптила совхозная мастерская. Забрел на старое кладбище, посидел на вывернутом из могилы черном камне, прошмыгнул через дырку в заборе к учительскому дому, покачался на качелях, пробился через лопухи к заросшему ряской пруду. Мостки на краю пруда прогнили, но еще держались. Племянник лег животом на теплое серое дерево и стал смотреть в воду. В зеленоватой глубине змеились коричневые водоросли, вздрагивали красные шарики каких-то жучков, серебристыми искрами взбрызгивали стрелки мальков. Где-то над головой трещали стрекозы, ветер гладил макушку, и казалось, что ничего не произошло. Племянник попытался представить, что было бы, если бы Степан отвесил ему подзатыльник, неужели сравнял бы с собственными сыновьями, но вместо этого вдруг пожалел себя и заплакал горько и неутолимо. Слезы потекли в воду и стали таять, не оставляя следа. И сам племянник словно растаял, раскинув руки и радуясь, что лето еще не кончилось, и яблоки уже поспели в саду, и солнце греет ему спину, и что Степан все-таки не посмел его ударить, и вечером придет со смены мамка, и где-то далеко, наверное, все еще зачем-то топчет землю его собственный живой отец.

Он лежал долго, может быть, даже подремал, потом потянулся, поднялся и двинулся к бревенчатому совхозному складу, вокруг которого валялось никому не нужное добро. Выцарапал из размокшей под дождем картонки красный металлический зуб для сенокосилки или комбайна, поднял руки и вытоптал в крапиве тропинку к задней стене сарая, подтащил к окну пустой ящик, смахнул паутину и принялся отгибать зубом тонкие гвозди и выдирать из рамы посеревшие штапики. Наконец пыльное стекло шевельнулось и легло племяннику в ладони. Мальчишка осторожно слез с ящика, подхватил добычу полой рубахи и огородами пошел домой. Незаметно забрался на чердак, поставил стекло возле рамы, облегченно вздохнул и скользнул вниз, забрался в густой малинник.

— Так ты тут? — сунула ему через пять минут в руки миску бабушка. — А я уж замучилась тебя кликать! А ну-ка, собери ягодки мамке к чаю! Со смены уж скоро придет!

— Сыны! — раздался пьяный крик Степана со стороны крыльца.

ОЧЕРЕДНОЙ СЮРПРИЗ

Рассказ

Достопримечательностью поселка был старый деревянный мост, неизвестно кем и когда построенный. Пользовался он дурной славой и вошел в местные поговорки. Если какому-нибудь горемыке было совсем невмочь, он говорил: «Остается только идти на мост...» Имелось в виду, конечно, не на, а с моста.

Под мостом всегда бурлил омут, и даже в знойные летние дни можно было увидеть вертящиеся водные круги. Говорили, что во время паводка глубина под мостом достигала два человеческих роста. Дурное было место.

И славу имело дурную и громкую. Кто хотел свести счеты с жизнью — приходили и издалека. В близлежащих деревнях такого «удобства» не было. Дурное место жутко манило отовсюду по большей части женщин. Мужики — разве что «по пьяни» во время паводка. Ну а бабы, понятное дело — несчастная любовь, злая судьба... Мужиков это злило. Возвращаться темным вечером домой — мост не минуешь. А из омута будто стоны раздаются... Вот и лезет в голову всякая чертовщина. И главное, никому не расскажешь — засмеют. А уж как жена дома разоидется: «Ты бы еще больше зенки залил, тогда не то, что стоны, русалку бы увидел!» А чего залил-то? Рабочий день закончился! Каждый знает свою меру, да больше и не нальют. А вот если у кого ребенок родился, или, допустим, у жены день рождения — тогда уж дополнительно маргарыч.

Тимоха свою меру тоже знал. Но сегодня его подручный Антон принес на радостях бутылку на всю бригаду — жена родила сына. Поэтому все расходились домой, превысив эту самую меру.

Тимофей уходил последним. Бригадир плотницкой бригады, он должен был закрыть под замок инструмент, навести порядок после вечеринки. Вышел на улицу — темень беспросветная, да еще и дождь моросит. Хорошо хоть дорога за много лет вдоль и поперек выученная. По пути Тимоха изобретал оправдания перед своей женой Галей за опоздание. Сказать, что отмечали рождение сына у Антона, нельзя. Для Галины это большой вопрос. Нету у них деток... От этого и частые ссоры. Хотя Тимофей больше молчит, скандалит жена. А мотив один и тот же: «Шляешься неизвестно где, завел на стороне бабу!» У Тимохи и в мыслях нету кого заводить! Он

жену свою уважает. А если честно — так и побаивается немножко, особенно когда норму переберет. Вот как сегодня. Тогда он называет жену Галиной Андреевной, клянётся, что рюмку больше ко рту не поднесет, а насчет других баб, так ему даже смотреть на них противно.

Тимоха подошел к мосту. Дождь поутих, немножко прояснилось, но было грязно и скользко. Про этот коварный бугор перед мостом он помнил, обходил его ежедневно, но сегодня все-таки перебор дал о себе знать. Почему-то ноги разъезжались в разные стороны, да и темновато, обзора никакого!

Короче говоря, Тимофей, пару раз качнувшись, растянулся на всю длину в мягкую жижу. Крепко выругавшись, он поднялся, и вдруг его глазам посреди моста, держась за поручни, явилась женская фигура. На непокрытой голове женщины во все стороны разметались длинные волосы.

«Вот она, русалка! Правду мужики говорили!» — мелькнуло в помутневшем мозгу Тимохи. Он крепко зажмурил глаза, неумело перекрестился и, судорожно вспоминая слова из молитвы его покойной матери, громко произнес:

— Господи! Спаси и помилуй!

Потом, на всякий случай, добавил слова от себя:

— Брошу пить, Господи! Только прогони нечистую силу!

Послышался какой-то возглас и шумный всплеск. Тимоха осторожно открыл глаза — на мосту никого не было.

— Услышал меня Господь, грешного, — облегченно вздохнул он и уже более твердой поступью прошел мост, потом направился дальше по тропе в сторону своего дома.

— Да, завязывать надо с выпивкой, — продолжал рассуждать сам с собой Тимоха, — Ну, разве что по праздникам. К примеру — Рождество, восьмое марта...

Он хотел дальше пересчитывать к своему удовольствию количество праздников, как вдруг около куста орешника послышалось что-то вроде мяуканья.

«Опять нечисть преследует!» — пугливо подумал Тимофей, но мяуканье перешло в явный детский плач, а под кустом он с трудом разглядел какой-то большой ком. Тимоха наклонился и взял обеими руками вздрагивающий сверток.

— Это не котенок, — зачем-то объяснил себе Тимофей, уже зная наверняка, что в свертке плачет ребенок. Женский платок, в который был завернут младенец, был влажный. Мужчина одной рукой машинально расстегнул фуфайку, прижал к груди сверток с ребенком и укрыл его полами одежи. Плач прекратился, сверток изредка всхлипывал. Тимоха забыл про нечистую силу, хмель из его головы как-то враз выветрился. Ни о чем не думая, кроме как о согревшемся на груди живом

свертке, Тимофей пришел домой. Шагнув через порог в прихожую, он остановился. Жена была на кухне, оттуда слышался стук посуды. Еще не видя мужа, Галина раздраженным голосом произнесла:

— Если сейчас ты назовешь меня Галиной Андреевной — я запущу эту тарелку тебе в голову!

В прихожей было подозрительно тихо, и она вышла из кухни. Тимоха как вошел, так и стоял у двери, не раздеваясь. Обеими руками он придерживал полы фуфайки. Одного взгляда достаточно было Галине, чтобы определить — муж сегодня выпивал, а за пазухой ус него опять очередной сюрприз.

— Горе ты мое! Опять подобрал щенка! Я уже двоих вырастила. Куда же нам еще одного?! — Повысив голос, жена перешла на крик: — Сейчас же отнеси его туда, откуда принес!

И вдруг Тимоха непривычно тихим, просящим голосом произнес:

— Галя, не кричи. Ребенка разбудишь!

Сергей КАЛАБУХИН (г. Коломна)

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Рассказ

— Мне в типографию, — сказал я замученному пожилому охраннику у входа в институт.

Тот молча взял мой паспорт, переписал с него что-то в толстенный grossбух и махнул рукой в сторону лестницы.

— Поднимитесь на второй этаж, пройдете по нему налево до конца, там будет еще одна лестница. Спуститесь по ней в подвал — там увидите железную дверь с табличкой.

Я сунул паспорт в карман и пошел сквозь бурляще-галдящие студенческие толпы к лестнице, пронзающей здание института насквозь широкими зигзагами своих пролетов. Неожиданно пахнуло давно забытое ощущение: четверть века назад я, одинокий, так же шел в оглушительно горланящей толпе незнакомых лиц. То были другой город, другой институт, другая страна и другое тысячелетие на дворе. Но лестница в том, моем институте была уже, и девушки старались держаться на ней ближе к стене, чтобы ребята, толпящиеся в вестибюле и курящие на нижних пролетах, не заглядывали им под мини-юбки. А эти, нынешние, непринужденно обло-

качивались о перила, абсолютно не волнуясь о том, что их стринги ничего практически не скрывают от нескромных взглядов. Что это: прогресс или регресс — ведь именно дикарей менее всего смущает нагота?

Мы живем в странное время. Лихорадка стяжательства охватила всех: и людей, вчерашних строителей коммунизма, и организации, в том числе и государственные. В продуктовых магазинах торгуют пылесосами и стиральным порошком, а в промтоварных — продуктами. Закрылось множество детских садов и ясель, и на их месте появились офисы каких-то фирм. Вот и институтская типография, в которой раньше печатались методички, экзаменационные билеты и статьи местных преподавателей, превратилась в частное предприятие, небольшое издательство, печатающее визитки, буклеты, рекламные плакаты, небольшие тиражи книг и даже газету, большую часть которой занимают рекламные объявления.

Я долго жал на кнопку звонка, прежде чем железная дверь со скрипом отворилась. В издательстве было не до меня: здесь вовсю праздновали день рождения начальника. Все сотрудники, видимо, собрались в его кабинете, откуда громко хрипел почему-то модный в среде нашей «интеллигенции» блатной шансон. Меня провели в тихую каморку с тремя столами, один из которых был полностью завален папками с рукописями и пачками чистой бумаги, а на двух других мерцали заставками мониторы компьютеров.

— Сейчас придет Лена и все вам покажет, — пообещала багровая от духоты и выпитого полная женщина, открывшая мне дверь, и вышла.

Я начал прикидывать: уйти сразу или сидеть и ждать неизвестно сколько? Людям явно не до меня. У них, можно сказать, среди дня вечеринка в полном разгаре, и тут приперся какой-то хмырь. А с другой стороны — я заранее звонил, договаривался, пришел без опоздания. На часах 14.00. Кто устраивает сабантуй в такое время на рабочем месте? И все равно меня точило иррациональное чувство вины. Я уже было решил уйти, но тут дверь распахнулась...

Лена пришла не одна, но, едва взглянув друг на друга, мы тут же забыли о ее спутнике. Свершилось чудо: встретились две половинки. Мы поняли это сразу, одновременно. Я «узнал» ее, а она «узнала» меня, хотя до этого мы никогда не встречались. Мы сели перед одним из мониторов. Лена сунула мне свежие гранки. Это была чья-то чужая статья, не моя, но ни меня, ни ее сей факт совершенно не смущал. Она что-то говорила о правке и сокращениях, я что-то отвечал, а сза-

ди нас обиженно пыхтел, переминаясь с ноги на ногу, молодой красавец-атлет. В комнате было два компьютера и два стула перед ними, занятые мной и Леной. Приткнуться незадачливому кавалеру было совершенно негде. А мы все сидели, шуршали гранками, что-то говорили друг другу, не слыша и не понимая ответов, и никак не могли расстаться. Просто наваждение какое-то! Я вдвое старше ее! У меня дочь ей ровесница. Рядом молодой красавец копытом бьет, а она с меня глаз не сводит, с невысокого лысоватого пузана!

— Лен, ну скоро? — басит сзади парень.

— Ты иди. Лёш, развлекайся. У нас тут еще на полчаса дел, не меньше. Потанцуй пока с Катькой.

Недовольно сопя, Лёша вышел.

Минут пять мы молча смотрели друг на друга.

— Подожди меня, — сказала она тихо. — Я только возьму сумочку...

...Мы молча шли. Куда? Зачем? Кто кого провожал: я — ее, или она — меня? «Что ты молчишь? — в сотый раз спрашивал я себя. — Говори что-нибудь. Язык проглотил? А еще писателем себя мнишь!» — «А о чем говорить?» — отвечал я сам себе. — «Я старше ее лет на двадцать! Мы живем с ней в разных мирах. Я и с дочерью-то не всегда могу найти общую тему, хотя знаю все ее интересы и наклонности. Или думаю, что знаю». — «Все равно, что говорить — только не молчи, идиот! Сейчас она остановится и скажет, что пришла. И исчезнет...»

— Давай зайдем на почту, — наконец прохрипел я. — Мне надо отправить рукопись в московский журнал.

Она молча кивнула. Мы поднялись по трем выщербленным бетонным ступенькам, я с трудом отворил прижатую тугой пружиной железную дверь и пропустил Лену вперед. Рыцарь, блин! Язык проглотил. А рыцари давно бы в комплиментах рассыпались перед дамой...

В помещении было душно. Воняло расплавленным сургучом, потом и злобой. Из трех окошек работало всего одно, и к нему выстроился скандалящий хвост крикливых пенсионеров, сжимающих в руках ворохи квитанций оплаты жилья, газа, электроэнергии и прочего.

— Ненавижу очереди, — выдавил я из себя. — Пойдем отсюда.

— Подожди. Давай твой пакет. Здесь работает моя подруга: она обычно сидит вон в том закутке, продает фото пленку, альбомы... Она, наверно, сейчас пьет с почтальонками чай.

Лена решительно подошла к неработающему окошку, на прилавке которого лежало объявление: «Касса не работает»,

и что-то сказала сидящей внутри со скучающим видом полной девице. Та нехотя встала и куда-то пошла.

Я двинулся вдоль витрин, разглядывая содержимое их полок. Чего тут только не было! Рулоны туалетной бумаги всех цветов радуги, постельное белье, стиральный порошок, детские игрушки, дамские романы, фантастика и детективы, красочные детские книги, диски с фильмами и музыкой. И только в самом темном углу, в последней секции, я увидел полки с истинно почтовыми товарами: конвертами всех сортов и размеров, открытками.

— Всё в порядке! — вернулась Лена. — Сейчас Светка принесет квитанцию. А что ты тут рассматриваешь?

— Надо же, марки продают!

— Ну и что? Это ж почта!

— Я собирал их когда-то, в дни юности...

— У тебя есть коллекция марок?

— Валяется где-то. Удивительно: посмотри, большинство марок здесь, на витрине, еще советские! Вот эти, красочные, на которых изображены картины великих художников, парусники и броненосцы, портреты героев и писателей, видишь, на них написано: «Почта СССР». А вот эти, невзрачные, — «Почта России» — их только на конверты клеить, а не в альбомы собирать.

— Я думала, коллекционеры берут всё подряд. Как говорится: для коллекции.

— Есть и такие, конечно. И я поначалу жадно хватал всё, что мог. Зарубежные марки в нашем захолустье были, разумеется, редкостью, а вот выбор наших, советских и тогда был неплох. У нас просто «слюнки текли», когда мы разглядывали всё это красочное богатство на витринах киосков «Союзпечати» и на почте. А вот денег-то в карманах не было! Поэтому мы не покупали марки, а больше менялись ими. Клянчили у соседей и знакомых конверты пришедших им писем и потом аккуратно отклеивали над паром.

— А теперь ты не собираешь марки?

— Нет. Давно уже. Хотя альбомы храню.

— А почему?

— Почему не собираю марки или почему храню?

— Почему хранишь? Я знаю, что хобби не может длиться вечно. Я сама и мои подруги чего только не собирали!

— А я не смог расстаться с марками, хотя бывали времена, когда мне просто позарез нужны были деньги, и я не раз видел в газетах объявления: «Куплю марки». Видишь ли, эти альбомы для меня, как напоминание... В общем с марками у меня связана одна история, довольно неприятная. Все мы

когда-нибудь делаем подлость или поступок, которого позднее стыдимся. И стараемся как можно быстрее забыть об этом и не вспоминать никогда. Кому нравятся муки совести? Но ведь если забыть, то можно и повторить! И вот марки не дают мне забыть...

— Расскажи.

— Рассказать? То, что принято скрывать?

— Расскажи, мне можно.

— Хорошо. Это было в детстве, в классе шестом или седьмом. У нас была обычная для тех времен рабочая школа. Рабочая — не в смысле для рабочих, а просто в ней учились дети рабочих нашего завода. Все практически жили в одном районе сталинских бараков и хрущевских коммуналочек. Все мы были, как принято выражаться, одного круга. И вот когда начался очередной учебный год, в сентябре, в наш класс вошла новенькая. «Это Оля Жупанова, — представила ее Кувшинка, наша классная руководительница. — Дочь нового главного инженера нашего завода. Она будет учиться в вашем классе. Юлинов, — обратилась класснуха ко мне, — пересядь пока на заднюю парту. Оля недавно вернулась с родителями из Монголии, ей надо как можно быстрее влиться в наш учебный процесс».

Я не был отличником, но учился довольно ровно по всем предметам, без двоек и почти без троек. А вот мой сосед по парте, Толян, был отпетым хулиганом и двоечником. Поэтому Кувшинка посадила нас за первую парту, прямо перед учительским столом. Типа, я должен помогать Толяну в учебе, разъяснять ему непонятное на уроке, а бдительное око учителя пресечет любые попытки хулиганства и отлынивания от учебного процесса. И вчерашний хулиган волей-неволей перекуеться в хорошиста. Разумеется, эта идея была чистой утопией. Да, у Толяна на первой парте стало меньше возможностей для проделок. Но и учиться он отнюдь не собирался. Просто назло Кувшинке хотя бы. А каверзы по его приказу стали делать другие ребята. Кулаки Толяна были лучшими стимулами для несогласных и колеблющихся. Зато я неожиданно превратился, так сказать, в «особу, приближенную к императору». Меня перестали задирать и сам Толян, и его хулиганистое окружение. У нас сложился некий симбиоз: я даю списывать Толяну домашние задания, решаю за него контрольные, а он стал, как говорят ныне, моей «крышей». Ты только не думай, что я помогал Толяну из страха перед ним. Нет! Толян был моим кумиром. Мы жили с ним в одном дворе, и он и там был всеобщим заводилой и атаманом нашей мальчишеской стаи. Только Толян крутил «солнышко» на

дворовых качелях. Никто не мог этого повторить. Уверяю тебя, я не раз пытался. Но как только мои ноги начинали отрываться от опоры в близкой к зениту точке, мои руки, на которых повисало почти вниз головой тело, слабели и я, судорожно вцепившись ими в железные стойки, на которых крепилось сиденье, прекращал раскачиваться, стараясь прочнее утвердиться на ногах. И, видимо, то же самое происходило и с другими ребятами нашего двора. Так же я никак не мог заставить себя до конца пройти «усыпление». Была в нашем дворе и такая забава. Несколько ребят хватали кого-нибудь за руки, за ноги, зажимали рот и нос, перекрывая дыхание, и с силой сдавливали живот и грудь. От недостатка кислорода парень терял сознание. Его сразу отпускали и клали на землю. Через некоторое время тот приходил в себя. Главное в этой забаве было не струсить и дойти до конца. Преодолеть страх. Дело это было совершенно добровольное, и испытуемый в любой момент мог остановить процедуру просто постучав по себе или по кому-либо из державших его ребят. Я несколько раз пытался, но так и не смог дойти до конца. А Толян и в этом испытании всегда был на высоте. Так что он не был банальным тупым хулиганом с большими кулаками и маленьким интеллектом. Думаю, Толян был умнее и способнее меня. Он просто не желал быть, как все, не желал зубрить уроки «от сих до сих» и тем зарабатывать отметки и авторитет. Он уже тогда знал, что его удел — завод, станок и водка. Всё, как у отца, деда, прадеда... К чему зубрить всякие физики, химии, истории... А вот лениво пройти мимо продавщицы, молниеносно выхватить из алюминиевого бака несколько свежих, горячих еще пирожков и смыться от погони — вот это было дело! Это единственное, что мне удавалось не хуже Толяна.

— Погоди-ка: ты воровал пирожки?!

— Да. Очень уж, знаешь, есть хотелось. Некоторые ребята из более-менее сытых семей делали это за компанию. И попадались. Потому что для них пирожки не были, как для меня, безотцовщины, жизненной необходимостью, средством утолить голод. Перед продавщицей обычно стояло два-три бака с пирожками: с повидлом, капустой, мясом или рисом. И мы заранее распределяли, кто из какого бака и сколько пирожков должен принести в общий котел. Со временем продавщицы уже знали нас всех в лицо, и это дополнительно осложняло задачу. Надо было прятаться в толпе, выждать момент, когда продавщица отвлекалась на продажу. Многие из нас все же попадались, но не мы с Толяном. И этот факт несколько сблизил меня с ним.

Так что, когда нас неожиданно посадили за одну парту, я был только счастлив и горд таким соседством. А уж то, что я в чем-то превосхожу своего кумира и могу ему помочь... Сама понимаешь.

Списывать у меня, даже сидя на первой парте, для Толяна не составляло никакого особого труда. Я думаю, сами учителя всячески старались предоставить ему такую возможность. Они не сидели за своим столом, а ходили по классу или долго стояли у окна, глядя на улицу.

И вот, неожиданно, Кувшинка нарушила сложившееся равновесие. Конечно, новенькая сразу привлекла к себе всеобщее внимание. Это была красочная бабочка среди муравьев. Даже ее школьная форма была сшита из какой-то невиданной у нас, явно дорогой материи. Оля вовсе не была красавицей, нет. Это была пухленькая приземистая девочка, без талии и груди, с короткими и жидкими прямыми волосами неопределенного серо-каштанового цвета, тусклыми маленькими глазками на грушевидном лице и брезгливыми губами. Но вела себя она, как принцесса, случайно зашедшая в свинарник. Девчонки вились вокруг нее стайей, и некоторые из них тоже стали поглядывать на нас, ребят, свысока. Девочки жадно, с завистью разглядывали фотографии Оли в небывалых нарядах в окружении столь же изысканно одетых мальчиков на фоне экзотических пейзажей. «Это мы в Африке, это — Вьетнам, а это — в Монголии»... — небрежно комментировала Оля. Она приносила в класс иностранные красочные журналы, и девчонки на переменах с ахами и охами разглядывали фотографии зарубежных див, пытались подражать их манерным позам, взглядам. Нам, мальчишкам, всё это было и смешно, и обидно. Конечно, сейчас мы знаем, что Монголия — это нищая страна, большую часть которой занимает пустыня. Но всё равно — это заграница, иной мир. Никто из нас даже не мечтал когда-либо туда попасть. А вот Оля побывала. И не только в Монголии, но и где-то в Африке. И, конечно, многие, а, может, и все мы, ей завидовали. И относились соответственно, позволяя ей вести себя с нами надменно и порой пренебрежительно.

Но скоро всё резко изменилось. Пришла пора контрольных, и Толян по привычке сунулся к соседке, чтобы списать решение. Однако Оля, резко отстранив его, громко пожаловалась учительнице, что Толян ей мешает и пытается списывать. Лебезившая перед дочкой главного инженера учительница приказала Толяну выйти из класса. В звенящей тишине он встал, оглядевшись, принял сочувствующие мужские и ехидные девчачьи взгляды, потом спокойно посмот-

рел на торжествующую Олю Жупанову и громко сказал ей: «Жупа ты, а не принцесса». Созвучие было не в пользу Оли. Мужская половина класса зашлась от хохота. Девчата, потупив глазки, еле сдерживали смех, хотя и не могли сдержать улыбок. Жупанова впала в ступор. Наконец опомнившаяся учительница забегала по классу, застучала указкой по партам, восстанавливая тишину. Толян уже был у двери, когда учительница приказала ему вернуться и извиниться.

— За что? — удивился Толян. — Разве я виноват, что она — жупа?

Класс снова грохнул, и на этот раз смеялись все: и ребята, и девчонки. Красная, как рак, Жупанова вскочила и вылетела из класса, оставив дверь распахнутой настезь.

— Прекратить немедленно! — заорала испуганно взбешённая произошедшим училка, замолотив по столу указкой.

На шум, как утка переваливаясь на коротких ножках, прибежала Кувшинка.

— Что здесь происходит?

Училка, лицо которой то бледнело, то покрывалось красными пятнами, что-то быстро зашептала той на ухо, показывая указкой то на Толяна, то на опустевшее место Жупановой.

— Тихо! — властно взмахнула рукой Кувшинка, ликвидируя последние смешки. — Петухов, завтра я жду твоих родителей!

Толяна тогда чуть не исключили из школы. Но в конце концов всё обошлось. Отец Жупановой оказался нормальным мужиком, как видно тоже не любившим ябедников и доносчиков, и не стал требовать драконовских мер по отношению к Толяну. Меня снова вернули на первую парту, а вот Оля Жупанова с тех пор сидела одна. Сначала она восприняла это как привилегию и по привычке задрала нос, но вскоре оказалось, что никто и не хочет с ней соседствовать. Доносчиков мы не уважали, и Оля из принцесс неожиданно упала на самую нижнюю ступень классовой иерархии, превратившись во всеобщую мишень для насмешек и издевательств. Обидная кличка прилипла к ней намертво. Те, кто еще вчера пресмыкался перед ней, стали самыми яркими ее мучителями. Я не буду тебе пересказывать все унижения, через которые прошла Оля, пытаясь если не вернуть свое прежнее положение, то хотя бы избавиться от настоящего. Она льстила, лебезила перед своими обидчиками, приносила в класс конфеты, пирожные и торты, делала мелкие подарки — ничего не помогало. Толян Жупанову не трогал. Ему под страхом исключения запретили даже смотреть в ее сторону. Но ты же

понимаешь, что Толян и не нужно было участвовать в травле лично. Достаточно было подмигнуть одному, показать кулак другому, кивнуть третьему... А девчонки просто мстили Жупановой за свое прежнее преклонение перед ней.

— А причем здесь марки?

— Сейчас дойдем и до марок. Однажды Жупанова поняла, или кто-то подсказал ей, что главным дирижером травли является Толян. Она попыталась подкупить его, но тот презрительно отказывался и от конфет, и от подарков. И тогда Оля обратилась ко мне. Ведь мы с Толяном составляли некий симбиоз, взаимозависимую пару, и только я мог хоть как-то повлиять на него. Она знала, чем подкупить меня, и принесла в класс марки. И не просто марки, а монгольские, вьетнамские и африканские! Ничего подобного ни я, ни мои друзья тогда не видели. С красочных зубчатых прямоугольников и треугольников на меня смотрели огромные динозавры, страшные африканские маски и зубастые крокодилы, а на гладких, без зубчиков, вьетнамских марках порхали невиданные бабочки. Да, я не смог устоять. Это была первая и последняя в моей жизни взятка! Никогда не забуду презрительных глаз Толяна.

— Продал меня? — спросил он, сжимая кулаки.

— Почему сразу продал? — промямлил я. — Ничего я не продал...

— Дурак ты, Серый! Этими марками она столкнула нас с тобой. Ты был на одной стороне со мной, против нее. А теперь что?

— Я и теперь с тобой...

— Нет! Теперь ты ей должен! Ты взял ее марки и обязан их отработать. Перешел на ее сторону. Понял?

— Фигня! Никуда я не переходил. Да, я был ей должен, но уже отработал свой долг, разговаривая о ней с тобой. Я обещал ей только поговорить! Заставить-то тебя я не могу что-то сделать или не делать... Просто скажи, будет ли когда конец травли или нет, и я с ней в расчете.

Толян выругался и расслабился.

— Ладно, Серый, не бойсь. Бить тебя не буду. Потому что знаю: для тебя такие марки всё равно, что бутылка водяры для моего отца-алкаша. Взял марки и правильно сделал! Но я считал тебя умнее: неужто сам не дотумкался до того, что никак не дойдет до этой дуры? Не тем она со мной пытается расплачиваться! Не нужны мне ее подачки. Она меня обидела при всем классе, дураком выставила. А просить прощения ее, как видно, никто никогда не учил. Была б она парнем, я б, как положено, отвел ее после уроков за угол... Ну, ты ви-

дел, как некоторые на коленях передо мной ползали, размазывая кровь по харе. Быстро понимали, что и как надо делать. А на нее мне и смотреть запретили, так что вот я ее и вразумляю другим способом, да видно не понимает. Объясни ей, отработай марки...

— Держи квитанцию, Ленусь, — подошла к нам рыжая веснушчатая девушка, с лукавым интересом постреливая в мою сторону карим глазом. — Извини, что долго: старухи прям с ума посходили! И так каждый месяц. Как будто их черт разбирает приходиться всегда в одно и то же время...

Мы снова молча шли по улице, почему-то в обратном направлении. Вот уже и знакомый институтский скверик. Студенческое общежитие было рядом.

— Мне надо зайти, переодеться...

Я молча кивнул. Вокруг дымили сигаретами и громко гоготали группки студентов. Тополиный пух кружил в воздухе.

Я прождал ее целый час. Но она не вернулась.

*Материалы рубрики «Писательское братство»
подготовила Марина ПЕРЕЯСЛОВА*

ОТЦЫ И ДЕТИ

Почему наши дети отдаляются от нас, а мы от них?

Я вижу три причины, порождающие это отчуждение. Они взаимосвязаны, и последствия каждой из них усиливают друг друга.

Первая причина имеет объективный характер. Утрата первоначальной близости между родителями и детьми неизбежна по мере взросления детей и обретения ими всё большей самостоятельности. Пока они малы, они зависимы от родителей полностью, а это значит, что и родители зависят от них тоже полностью. Со временем эта взаимозависимость слабеет, а вместе с нею слабеет и связанная с нею близость.

Это отдаление совершается до времени незаметно. Пока картина мира ограничивается для детей их домом и окружающим его небольшим пространством, которое наполняют родители, родственники, соседи и знакомые, до тех пор центром мира для них являются, естественно, родители. Они главные в нём авторитеты.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Но затем, особенно с вступлением в подростковый, а затем и юношеский возраст, картина мира для детей меняется. Её рамки раздвигаются так резко, что осмыслить её содержание они не могут иначе как очень поверхностно.

И что не менее важно, меняются при этом они сами. Они сознают своё взросление как обретение некоего богатства, едва ли не большего, чем их близость с родителями, богатства, которое они отождествляют в первую очередь со своей личной свободой. И тянутся ко всё большей свободе, не сознавая того, что истинная свобода всегда связана с ответственностью. А ответственность невозможна без развития в человеке его разума и его нравственности, которые тоже взаимозависимы.

Это отставание разума и нравственного сознания молодых людей от стремительно растущего в них чувства ценности их свободы порождает конфликты с родителями. Современные родители, как правило, не такие уж мудрецы по части понимания жизни, но они, в отличие от детей, обладают каким-то житейским опытом, которого у тех ещё нет. А потому и пытаются их учить, запрещая им какие-то вещи. А те воспринимают их поучения и запреты как проявления их деспотизма, как проявления их отсталости, как непонимание ими самых модных идей, до которых молодые люди сами уже доросли.

Это стремление детей к освобождению от власти родителей поддерживается современной либеральной педагогикой и современными либеральными СМИ. Поэтому детям в их конфликтах с родителями есть на кого опереться. И чем они старше, тем этот союз с их развратителями для них естественнее.

Впрочем, в американских школах (на которые теперь ориентированы российские школы) школьникам уже в младших классах раздают жетоны с номером телефона, по которому те могут позвонить, чтобы пожаловаться на своих родителей. Например, если мама заставляет дочку помыть после обеда посуду. После чего соответствующая служба предупреждает родительницу, что при повторении этого нарушения прав её дочери она будет судима и приговорена к денежному штрафу или иному наказанию.

У нас этой практики ещё нет, но попытки навязать её нам уже делаются. Причём силами международного масштаба. Так что, как говорится, «всё впереди».

Однако и без этого положение у нас таково, что авторитет родителей в глазах детей тает с каждым новым поколением всё больше. Его вытесняют другие авторитеты, самые разные, на любой вкус. И чем для детей они хороши, эти новые авторитеты, так это тем, что их недостатки и пороки, в отличие от недостатков и пороков родителей, на расстоянии не видны. А если

обнаруживаются со временем, то одного кумира всегда можно заменить другим. А как заменишь родителей?..

Отдаление детей от родителей по мере взросления детей и всё большего погружения их в их собственные миры, малодоступные или вообще недоступные для родителей, есть вещь естественная и неизбежная.

Другое дело, что на этот объективный фактор накладывается фактор субъективный, который или доводит отдаление детей от родителей до полного отчуждения между ними, или, наоборот, ограничивает это отдаление каким-то минимумом, при котором прежняя их близость в основном сохраняется. Личные особенности родителей и детей играют при этом огромную роль.

Итак, мы подошли ко второй причине отдаления детей от родителей. Хотя субъективный фактор, как сказано, противоречив, но преобладают в нём сегодня отрицательные, т.е. усиливающие отчуждение родителей и детей, настроения. Преобладают силы взаимного отталкивания, а не взаимного притяжения. Относительно благополучные семьи — это сегодня какие-то островки, затопляемые всё возрастающей массой расстроенных в своих основах семей. Это какие-то почти реликты, сохраняющиеся благодаря едва живой традиции и обречённые вместе с нею на исчезновение.

Но не слишком ли поспешен такой вывод?

Во-первых, сегодня разлагаются далеко не все народы и не все традиции, а лишь бывшие христианские народы с их традициями. Судьба же остальных ещё под вопросом. Может быть, западный «глобализм» разрушит их со временем тоже. Но не исключено, что, осознав смертельную для себя опасность, они сумеют так усовершенствовать свою нынешнюю идеологию и организацию, что станут не только неуязвимыми для разрушительной силы Запада, но и принесут сами на Запад свои идеи и свою организацию.

И во-вторых. Что мешает нам самим изменить нынешний характер субъективного фактора? Что мешает нам, осознавшим огромное его значение для судеб наших потомков, возродить традиционные наши ценности и, вместе с ними, наши семьи и наши народы?..

Но есть в этой мысли одно уязвимое место. Если наши традиционные ценности не помешали нашему опусканию до нынешнего положения, то, значит, не всё в них было в порядке. Нашу традицию нельзя ни идеализировать, ни перечёркивать. В ней надо разбираться добросовестно, отделяя её достоинства от её слабостей и пороков. Случайно ли мы при нашей традиции проваливались за последние три столетия из одной ямы в другую?

Традиция состоит, грубо говоря, из двух половин. Из истин самых высоких, которые узреваются народом под знаком вечности, и менее высоких, но крайне важных, потому что именно они организуют народ в социально-политическом отношении. Влияние самых высоких истин тоже сказывается на этой организации, но как? Оно может быть и значительным, и незначительным, в зависимости от того, насколько народ и его руководители сумели развиться в умственном и нравственном отношении. Насколько обстоятельства их исторической жизни позволили им это сделать. А эти обстоятельства могли быть и благоприятными для народа, и столь тяжёлыми, что его развитие должно было оказаться надолго заторможенным. Или даже повернуто в каких-то отношениях вспять.

Кроме того, надо учесть ещё и то обстоятельство, что чем выше признаваемые народом истины, тем труднее их осуществить в практической жизни, полной противоречий самого разного рода. Да что там осуществить. Даже понять высокие истины куда труднее, чем более низкие. Но без понимания высоких истин понимание более низких оказывается ущербным. Вот тут и думай, как быть.

Основой традиции является та её часть, которая связывает народ с вечностью. Эту роль выполняет религия народа. Это почти неизменная часть его традиции, если только народ не убеждается в ложности своей религии и не заменяет её более правильной.

Но и эта почти неизменная часть традиции всё-таки меняется до какой-то степени со временем. Меняется в ходе всё более глубокого осознания народом (или его наиболее думающим меньшинством) истин своей религии.

Другая же часть традиции, связанная не столько с вечностью, сколько с конкретными условиями жизни народа, намного изменчивей. Если со временем условия жизни народа меняются, а он продолжает руководствоваться прежними идеями и нормами жизни, приспособленными к прежним условиям, то традиция в этой её части перестаёт работать. Она мертвеет и всё более ложно ориентирует народ. Осознав это обстоятельство, от неё отходят сначала единицы, а затем всё большая часть народа. И хорошо, если отходят лишь от неработающей части традиции. Если традиция мертвеет всё больше, то всё большая часть народа отказывается, по своему неразумию, не только от омертвевших её частей, но и от работающих и спасительных её частей, скомпрометированных их связью с омертвевшими частями.

Традиция может быть полностью живой только в том случае, если она своевременно обновляется в тех её частях, которые свя-

заны с изменяющимися условиями жизни. И обновляется не абы как, не ради самого обновления, а ради того, чтобы заменить устаревшую часть традиции самыми разумными новыми идеями и нормами жизни, вполне соответствующими как неизменной части традиции, так и новым условиям жизни. А насколько народ сумеет осуществить это дело, зависит от него самого. От развитости его сознания и от его таланта.

Чтобы традиция правильно обновлялась, необходимо, как минимум, национальное меньшинство, способное думать не только о своём народе, но и о человечестве в целом. Способное думать о процессах, происходящих в нём, здоровых и не здоровых. Мысли о своём народе вне такого контекста будут неполноценными. Они будут со временем всё более ложно ориентировать народ.

Но для правильной перестройки традиции важно не только понимание процессов, происходящих в народе и человечестве в их настоящем. Важно понимание того, что было с ними в их прошлом. Не понимая правильно своего прошлого, нельзя правильно понять своё настоящее и правильно строить своё будущее.

В частности, что касается христиан, то правильная перестройка их сознания невозможна без уяснения ими причин гибели христианской цивилизации, возникшей некогда вокруг Средиземного моря и распространившейся затем на многие страны. Гибель христианской цивилизации — это событие не менее важное, чем её возникновение. Это событие всемирно-исторического масштаба. Но удивительно, что христиане, живущие ныне уже, по существу, в антихристианском мире, не только не ищут причин гибели своей цивилизации, но даже, если судить по современной христианской литературе, смутно сознают сам факт её гибели. Они настолько увлечены подробностями происходящих у них на глазах событий, что не замечают самого главного события. Так герой басни Крылова, побывав в кунсткамере, «слона-то и не приметил».

Вот как далеко завели нас размышления об «отцах и детях». И заведут ещё дальше, если мы захотим действительно разобраться в этом непростом вопросе.

Признав то обстоятельство, что отношения отцов и детей зависят не столько от особенностей их личностей, сколько от особенностей той или иной культуры, мы признали тем самым решающую роль общества в формировании отношений между людьми. Потому что та или иная культура неотделима от того или иного строя общества, от заложенных в его основание идей и норм жизни. Более того, культура всегда зависима от них.

С утверждением в основании общества новых идей и норм жизни старая культура начинает разрушаться, а новая растёт и вытесняет остатки старой.

Итак, вот третья причина распада внутренних связей между людьми (и между членами семьи, в частности): это ложно построенное общество, разрушительно влияющее на культуру и тем самым на семью. Современное т.н. «либеральное» общество это даже не общество, а псевдообщество, имеющее только видимость общества. Истинное общество строится всегда на *общих* для его членов *положительных* идеях. Здесь же, в современном псевдообществе, всех объединяет, по существу, лишь отрицательная идея — идея свободы каждого члена общества от всех остальных его членов.

Это эгоистическая идея, разрушительная и для каждого человека в отдельности, и для всего общества в целом. Чтобы замаскировать безнравственную природу эгоизма, идеологи «либерального общества» приложили и прилагают много усилий. Ещё в XVIII веке они стали называть эгоизм «разумным эгоизмом» (Чернышевский не сам придумал это слово, он взял его у «просветителей»), а затем соединили его с альтруизмом, т.е. с прямо противоположным ему по смыслу понятием. Вот какие мошенники.

Кроме того, нашли более удачное слово — «индивидуализм». И развили связанное с ним понятие в целую философию превосходства отдельной личности над обществом. Раздули «права человека» до его права быть педерастом, а права общества превратили в его обязанность охранять эти искусственно раздутые «права» и поддерживать внешний порядок в «обществе».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что по мере переустройства общества на антиобщественных началах началось поначалу медленное, а затем всё более быстрое, разрушение религии, этой основы традиционного общества. А вслед за религией (и в ходе её разрушения) стали рушиться и семья, и национальное сознание в народе, и сама нравственность в людях.

Чтобы как-то замаскировать эти потери или как-то компенсировать их в глазах умственно близоруких людей, закулисные руководители псевдообщества насаждают в его членах подчёркнутую вежливость и даже наружную их благожелательность друг к другу. Этой же цели служит высокий уровень материальной жизни на Западе, достигнутый не только за счёт скрытного ограбления большинства человечества при обмене с ним товарами, но и за счёт высокого развития там науки, техники и организации производства. Этой же цели

служит и свободный доступ едва ли не всех членов псевдообщества к разным видам образования, из которого исключены самые важные виды знаний, связанные со смыслом человеческой жизни и смыслом общества. Исключены те виды знаний, которые вскрывают порочность западного мира и подсказывают пути к более человеческому миру.

Когда думаешь об этих компенсациях и уловках руководителей западного мира, то на память как-то невольно приходит практика европейских колонизаторов, которые начинали с того, что выманивали у простодушных туземцев золотые вещицы в обмен на стеклянные бусы. Ибо что такое материальный комфорт и все другие ценности капитализма по сравнению с утратой человеком Бога и всего божественного в самом человеке и в обществе?

С этого риторического и, вместе с тем, фундаментального по своей сути вопроса могло бы начаться внутреннее сближение между людьми. В том, разумеется, случае, если они дорастут до понимания его важности. Если поймут, что современное «либеральное общество» — это смертельная опасность для человечества.

Осознание общей опасности — это начало внутреннего сближения людей. Это начало духовного сближения между мужами и жёнами, между родителями и детьми, между родственниками и соседями. Это начало возрождения и нации, и Церкви. Это начало цивилизации нового типа, более высокого по сравнению со всеми бывшими в истории.

К сказанному можно добавить, что то, что мы видим сегодня вокруг себя, это ещё цветочки, а ягодки впереди. Безнравственный мир, по мере возрастания в нём безнравственности, будет превращаться в мир демонический, т.е. в некое подобие ада уже здесь, на земле. Ибо рациональность, не ограниченная нравственностью и не служащая ей, закономерно приобретает демонический характер.

Если сегодня отцы и дети чаще всего не понимают друг друга или понимают только на бытовом уровне, то в относительно недалёком будущем у большинства человечества, при сохранении нынешней направленности его жизни, не останется ни отцов, ни детей. На Западе и в России семья как институт уже обнаружила признаки отмирания. Всё больше молодых людей отказывается вступать в брак, а заводить детей — тем более. Как говорится, «процесс пошёл».

Поэтому у детей со временем не будет не только отцов, но и матерей, а других родственников и подавно. Детей будут вынашивать женщины-профессионалки, которые будут получать за это дело зарплату. А воспитывать детей будут казён-

ные воспитатели. Школа будет готовить специалистов разных специальностей и уровней, для которых единая история человечества будет уже не нужна. Она будет вредна, потому что будет отвлекать их внимание от решения поставленных перед ними задач. Поэтому для представителей каждой профессии будет выработана, на строго научной основе, своя картина мироздания и истории человечества, максимально мобилизующая их на полезный труд. Развлечения, включая жестокие, будут входить в программу воспитания для подслащивания прозы жизни и придания ей некоторой остроты.

Если среди воспитанников и работников обнаружатся особи, не соответствующие стандартам, то их будут незаметно для остальных выбраковывать и использовать в дальнейшем для научных опытов. Поэтому самые догадливые из них, чтобы избежать этой участи, будут симулировать свою стандартность. Но что они будут чувствовать при этом наедине с собою? Одиночество, которому нет конца. Хорошо себя будут чувствовать только стандартные люди, не имеющие высших потребностей и не подозревающие о них.

Мы, страдающие сегодня от разладов со своими ближними, по сравнению с будущими одинокими людьми — какие-то сказочные счастливицы, не осознающие своего счастья. У нас есть наши ближние, пусть удаляющиеся от нас, но мы их ещё можем видеть и слышать. А будущие специалисты не будут знать ни своих родителей, ни своих детей, ни даже каких-то дальних родственников. Потому что их у них уже не будет.

К этому финалу влечёт людей их социальная пассивность. Пассивность же есть следствие непонимания хорошими людьми того, что она есть попустительство плохим людям, захватывающим в обществе командные позиции и использующим их в своих эгоистических интересах. Вина хороших людей в том, что они видят свои ближайшие интересы, связанные с их личной и семейной жизнью, но не видят свои же собственные отдалённые интересы, которые заключаются в том, чтобы обеспечить своим потомкам жизнь в разумном и нравственном обществе. А вне разумного и нравственного общества их потомки обречены на умственную и нравственную деградацию. И в лучшем случае — на то одиночество, о котором сказано выше.

Но что могут сделать хорошие люди, если они осознают логику деградации человека и общества? Они могут, как минимум, разъяснить эту логику своим ближним и дальним, чтобы помочь им осознать нависшую над ними опасность и попытаться сообща изменить нынешний ход жизни в лучшую сторону.

Итак, осознание общей опасности это начало сближения между людьми и, в частности, начало сближения между членами семьи. А что потом? Какой следующий шаг должен быть сделан после того, как опасность будет осознана? Следующим шагом должен быть поиск идей, организующих правильное общество, и сомысленников, сознающих необходимость правильного общества и тоже ищущих организующие его идеи.

Если муж и жена, если отцы и дети, если братья и сёстры станут такими сомысленниками и товарищами в этом общем их деле, то внутренние связи между ними окрепнут ещё больше. Это будет духовно возрождённая семья. Это будет семья нового типа, разумно сочетающая свой законный семейный интерес с законным интересом своего общества. Эта семья будет ограничивать свой материальный интерес каким-то разумным минимумом, чтобы иметь время и силы для выраживания правильного общества.

Обычная же семья сегодня не имеет ни времени, ни сил на заботы о правильном обществе. Она не имеет их потому, что включена в общую гонку за успехом, понятным примитивно, и старается не отстать от остальных. Эта гонка выматывает силы и мужа, и жены, а их усталость порождает желание отдохнуть и «оттянуться» по-крупному, на что и уходит их свободное время.

В этой гонке за материальным успехом и за престижем ведущими являются дети, завидующие другим детям, имеющим то, чего нет у них. А за детьми следует их мамы, переживающие за своих детей, завидующих другим детям, и завидующие сами другим мамам, имеющим то, чего нет у них. А за мамами следуют их мужья, тоже переживающие за своих завидующих детей и за своих завидующих жён. Мужья даже тогда, когда они не хотят ничего для самих себя, оказываются всё равно перегруженными делами и заботами, связанными с удовлетворением постоянно растущих потребностей их детей и жён. А если у мужей ещё и собственные мужские амбиции, то они перегружают себя ещё больше. А в результате у них не остаётся ни времени, ни сил для того, чтобы задуматься о смысле своей жизни.

Хотя нет, они иногда задумываются об этом. Но как?.. Кое-как. У них нет ни навыков самостоятельного мышления на столь высокую тему, ни соответствующих знаний, ни собеседников, способных поддержать их интерес к этой теме. Кроме того, у них, как уже сказано, нет самого главного — свободного времени, этой величайшей ценности, оценить которую они не могут. Настолько велик действующий на них гипноз всеобщей погони за мнимым успехом.

Пагубная зависимость мужей от их жён и детей, этих слабейших членов семьи и потому наиболее зависимых от окружающего их псевдообщества, преодолевается не столько пониманием всеми членами семьи действительной природы лжеобщества (при всей важности этого понимания), сколько созданием общества правильного, т.е. духовно родственного правильно построенной семье.

В правильном обществе отцы тоже зависят от своих жён и детей, но эта зависимость имеет высокий характер. Она спасительна для всех членов семьи. Здесь отцы отвечают перед Богом и перед своим народом за правильный строй своей семьи, а не влекутся бездумно и беспомощно вслед за своими неразумными детьми и своими неразумными жёнами.

В правильном обществе дети не только зависят от своих родителей, но и понимают спасительность для себя этой своей зависимости от них. Они понимают, что своим противлением родителям они ослабляют их, а своей готовностью им подчиняться, наоборот, усиливают их. А сила их родителей — это их, детей, сила. А бессилие их родителей — это их, детей, бессилие.

И то же самое надо сказать о жёнах. В правильном обществе жена не только зависит от своего мужа, но и понимает спасительность для себя самой и для своих детей этой своей зависимости от него. Здесь она не обессиливает мужа своим противлением ему, а помогает ему в накоплении им его силы. Потому что его сила — это общая сила всей семьи.

В правильном обществе духовный интерес всегда преобладает над интересом материальным, но не исключает его, а ограничивает разумно.

Правильное общество утверждает своей собственной силой, своим примером и своим авторитетом правильные мысли членов семьи и правильный строй её жизни. Оно воспитывает духовно здоровых людей, которые естественно смотрят сверху вниз на духовно больных людей, наполняющих псевдообщество. Здоровые люди не завидуют больным, а презирают их или жалеют.

Презирают их в том случае, если их болезнь перешла в стадию сознательной ненависти к Богу. Нам заповедано любить врагов наших личных, а не врагов Бога, не врагов праведно устроенного общества.

Итак, размышляя о логике возрождения истинного общества, мы пришли к пониманию того, что правильно организованная семья является одной из его основ. Именно она создаёт духовное единство её членов. Именно она решает проблему «отцов и детей», вынесенную мною в заголовок.

Но если традиционная семья организована неправильно или недостаточно правильно, то она будет разрушаться под

влиянием псевдообщества. А если она будет организована правильно, то сама пойдёт в наступление на него и будет наращивать вокруг себя достойных людей.

Эти общины нового типа будут отличаться от прежних общин тем, что их члены будут сознать происходящие в мире процессы и причины разрушения общин старого типа. Эти общины нового типа будут вооружены знаниями того, какие идеи и нормы жизни спасительны для людей и являются условием объединения их в общины, а какие идеи и нормы для них разрушительны. И что ждёт человечество, если оно не осознает необходимости объединения людей в русские общины, вплоть до превращения каждого народа в одну большую общину.

Такова перспектива, которую важно знать заранее, хотя бы в самых общих чертах, чтобы правильно ориентироваться в современном мире. А путь этот, естественно, будет и долог, и труден. И нет никакой гарантии, что он увенчается успехом. Но, как говорится, волков бояться — в лес не ходить. Без риска спасение невозможно.

Работа по возрождению людей и народов в новой их силе не может сводиться только к работе по созданию общин нового типа. Эта работа не исключает множества других работ в самых разных сферах. Не исключает она ни работы по возрождению традиционной религии, этой основы основ всякого здорового общества; ни профессиональной работы, ни политической, ни культурной. Но грош цена будет всем этим работам в атомизированном псевдообществе. Все эти работы пойдут прахом, если не будут сочетаться с постоянным умственным, нравственным и организационным взрослением людей, которое невозможно без возрождения правильного общества.

За границами сказанного остаётся множество вопросов, не получивших ответа. Но дать ответы на все вопросы, связанные со столь сложной темой, невозможно. Невозможно даже в большой книге, а в небольшой статье тем более.

Всё большое начинается с малого. Поэтому я не исключаю того, что то малое, что сказано здесь, поможет кому-то понять отчётливее причины происходящего ныне всё большего отчуждения отцов и детей. А кому-то поможет пойти дальше этого и дать более развёрнутый ответ на вопрос о праведном обществе, способном сближать людей. И, в первую очередь, сближать мужей и жён, родителей и детей, братьев и сестёр, родственников и соседей.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2010 г.

В своей знаменитой речи на открытии памятнику Пушкину в Москве в 1880 году Ф.М. Достоевский, как известно, сказал о «всечеловечности» русского человека: *«...что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?.. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите».*

Но как показала история и вся наша жизнь, т.н. «всечеловечность» вышла русскому человеку только во вред. Гораздо важнее, как мы теперь понимаем, было ему сохранить себя как именно русского, уберечь свою национальную идентичность и русскую душу. А пресловутые «всемирность» и «всечеловечность» стали губительны для него, так как размывали и расслабляли в нем и национальное чувство, и русское сознание.

Кстати, именно об этом в своей менее известной речи на открытии памятника Пушкину говорил А.Н. Островский, в ко-

Продолжение. Начало в №10 за 2008
и в №7-8 за 2010 гг.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

торой подчеркивал, что наш гениальный поэт *«завещал каждому быть самим собой... дал смелость русскому писателю быть русским»*.

А фантазия Достоевского в данном случае оказалась нежизнеспособной.

* * *

25 января российское телевидение вновь громко отметило теперь уже 72 год со дня рождения В.Высоцкого. И хотя нынешняя молодежь его песен уже не поет, а многие, родившиеся в 80-х, очень плохо представляют, кто это такой, все же телезритель не мог не напомнить о некогда поголовном кумире последних десятилетий советского времени.

В 1988 году, во время, наверное, наивысшего поклонения либерально-диссидентствующей интеллигенции этому их кумиру, я написал статью «Приглашение к сомнению», в которой попытался трезво посмотреть на культурное явление под названием «Высоцкий» и критически оценить его творчество. И, главное, — сказал о том, как власть и эстрадно-киношная мафия раскручивают нужных им людей ради одурманивания населения полублатной дешевкой и душещипательным псевдопатриотизмом. Эта статья затем была опубликована в моей книге критики и публицистики, а в последние годы ее многие прочитали на моих сайтах и страницах в Интернете. Сейчас, конечно, я написал бы ее по-другому, но так же критически и даже с большей убедительностью, т.к. за прошедшее время стало известно много других фактов по государственной раскрутке Высоцкого аналогично с раскруткой Солженицына, Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной, А.Дементьева и т.д. Непосредственно занимались этим Андропов и его ведомство с целью т.н. «культурной диверсии» по оболваниванию народа. Этим личностям целенаправленно создавался ореол «мучеников за правду», «страдальцев системы» и «запретных авторов». А в это же время физически и морально убивали истинно русских поэтов: Рубцова, Фатьянова, Передреева и многих других. Свою роль Высоцкий сыграл умело для той власти, потому-то его теперь и славят на всех каналах ТВ. Вот только о Рубцове и Фатьянове, о Передрееве и Глушковой, о Цыбине и Тряпкине там не слышно ни звука.

Громкую популярность Высоцкий приобрел за счет нескольких неплохо сыгранных им главных ролей в известных всем фильмах. Если бы не это, то он так и остался бы примитивно-вульгарным бардом для интеллигентско-маргинальной публики, каких в стране в то время было немало, но ко-

торым в жизни не сопутствовала удача, подобная той, что хоть и трагически, но улыбнулась Высоцкому. К этой удаче он отнесся легкомысленно, потому и погиб от наркотиков и алкоголя. Судьба его испытывала на прочность, и он этого испытания не выдержал. Да и не мог выдержать.

* * *

В чем состоит удел великого народа? На этот вопрос дал ответ замечательный русский философ Н.Н. Страхов: в проявлении своих духовных сил в ясных и могучих формах. Причем он это подчеркивал: именно в *ясных* и именно в *могучих* формах.

Классик русской философии Николай Николаевич Страхов (1828—1896), друг и соратник Аполлона Григорьева, был ярким и глубоким выразителем русского национализма, и потому в XX веке о нем вообще не вспоминали, даже в самом конце, когда были возвращены для изучения почти все значительные русские философы. И только сейчас понимаешь, насколько Страхов выше, нужнее и полезнее многих из них для русской мысли.

В статье «Роковой вопрос» Страхов доказывал необходимость **национальной русской революции** с целью предупреждения в России космополитической революции, которую он предвидел. Он прямо потребовал от русского народа «предотвращения национальной катастрофы путем национальной революции». Кстати сказать, за эту статью он тут же был осужден и обвинен в «бандитизме» как записными «патриотами», так и космополитами. Ну прямо как в наши «времена»...

* * *

За последние полтора века естественная наука, философия и Церковь убедительно разоблачили дарвинизм и доказали его абсурдность. Теперь уже каждому трезвомыслящему и грамотному человеку ясно, что говорить надо (в связи с дарвинизмом) не о природном, биологическом развитии *вида*, а о развитии *индивида*, т.е. о нравственном, духовном и культурном развитии человека. И даже вернее говоря — о развитии *народов* и *культур*. Дарвинизм же совершенно игнорирует духовную природу человека, отрицает Бога в человеке. В то время как чувство прекрасного, эстетическое чувство возникло в нем отнюдь не в результате «развития» из животного состояния.

* * *

Вот интересное объяснение материализма, данное Н.Н. Страховым: «Материализм есть следствие упадка высших духов-

ных интересов, есть понижение ума, а понижение есть отрицательное явление, которое, как все явления, не требует необходимого положительных причин для объяснения. Причина этих низших явлений есть только отсутствие высших».

И вот очень важная его мысль: материальность, материальный мир служат для выражения духовного мира.

И еще одна, не менее важная: «Философия не есть верование, чаяние или мнение, а понятие и наука о Божественном».

«Многознание не делает человека философом» (Гераклит).

Подличая, человек наказывает не другого, а себя.

Кто-то сказал, что нынешняя Россия идет по пути самоубийства. Ежегодно от наркотиков здесь умирает 100 тысяч человек. А вследствие пьянства — 400 тысяч. И самое страшное — то, что эти цифры большинство населения не впечатляют и не останавливают. И в первую очередь — самих пьющих и колющихся. Да и почти все остальные относятся к этим цифрам с разной степенью безразличия.

Президент России то и дело, как заклинание, произносит полюбившееся ему слово «модернизация». Вот только что он собирается модернизировать? Почти все прежние заводы и фабрики в стране стоят, а их оборудование давно распродано по цене металлолома.

Константин Душенов за фильм «Россия с ножом в спине» приговорен к трем годам лишения свободы. Вот так *они* воюют с правдой. Причем всё проделано было втихаря. Ни в каких «либеральных» СМИ о суде над Душеновым не было сказано ни слова.

3 февраля в Санкт-Петербурге в час пик вечера маршрутный автобус на полной скорости вылетел на тротуар, снес автобусную остановку и врезался в толпу людей. Двое человек погибли сразу, более десяти тяжело ранены. Убийца на колесах оправдывался заклинившими тормозами. Как будто «заклинившие тормоза» заставляют выезжать на тротуар...

4 февраля на федеральной трассе «Кавказ» междугородный автобус «Махачкала — Астрахань» выскочил на встречную полосу и столкнулся с груженым «КамАЗом». Погибли шесть человек, в том числе двое детей. Много раненых.

Ни в каких сообщениях речи о терактах на дорогах по-прежнему не идет.

* * *

Либеральная российская власть очень быстро себя изжила и сама себя дискредитировала. Писать о ней уже скучно, потому что всё о ней сказано. Среди ее прошлых и настоящих «деятелей» и лидеров не оказалось ни одного сколько-нибудь умного, честного и достойного человека. Российский либерализм привел всех нас к главному выводу из прошедшего двадцатилетия: умных, истинно образованных и честных либералов нет и не может быть по определению. Либерализм — синоним подлости, лжи и бесчеловечности. И это — навсегда.

Что, разве Ельцин не знал, что творил? Он что, не понимал, какую оставит по себе память? И ведь любой ответ на эти вопросы — против него. Если знал и понимал — мерзавец. Если не догадывался — дебил. Но скорее всего он был и тем и другим.

А что, разве нынешняя власть не понимает, что творит? Так все-таки понимает или нет? Любой ответ на этот вопрос характеризует ее с неприглядной стороны.

Писать, как прежде, публицистические статьи, лишней раз анализируя деятельность этой власти, — даже не столько неприятно, сколько противно.

* * *

Американский выкормыш Ющенко окончательно провалился, что я и предсказывал в «Протуберанцах» за прошлый год. На президентских выборах он набрал лишь пять процентов голосов. Вот так позорно для него завершился «третий тур голосования» пятилетней давности. Перед своим окончательным уходом в небытие он, как всякий озлобленный русофоб, решил громко хлопнуть дверью — объявил Бандеру героем Украины. (Впрочем, какие еще «герои» могут быть «в нэзалэжной Украине»?..)

Америкосы свои интересы на постсоветском пространстве только и способны проводить через всяческие ничтожества — Саакашвили, Ющенко, Гайдара, Чубайса, Немцова, Хакамаду..

* * *

Еще одна американская подстилка, «дивчина с косой», «майданная барышня» Тимошенко также провалилась. Она тоже,

видите ли, надумала стать президентом Украины. Но русские, живущие там, оказались активнее и умнее зашоренных хохлов — и не позволили ей дорваться до главной власти. Эта истеричка попыталась, как пять лет назад, вывести своих оранжевых недоумков на «новый майдан». Но история не повторилась, ей дали понять, что во второй раз этот номер не пройдет. Еврейско-американские «танцы на льду» в исполнении Вити Ющенко и Юли Тимошенко закончились. Дилетанты-танцоры «в Украине» свой чемпионат мира с треском продули.

Янукович долго ждал своего часа. Дождался. Ну что ж, посмотрим, на многое ли он способен.

* * *

Нескончаемая, агрессивная долбежка «холокоста» — не что иное, как беспардонная фальсификация истории. Вот с какой фальсификацией нужно бороться г-ну Сванидзе.

Истериčno-крикливые долдоны не способны понять, что чем навязчивей они кричат о «холокосте», тем сильнее это навязывание отторгается нормальными людьми и вызывает у них обратную реакцию. Русских погибло более 20 миллионов в Великую Отечественную, но русские не долдонят об этой цифре на каждом шагу, и потому она ни у кого не вызывает недоверия.

* * *

После провала на зимней Олимпиаде в Ванкувере Д. Медведев назвал главных спортивных чиновников «жирными котами» и потребовал их самостоятельной отставки. Но что от этого изменится? Их отставка не отменит либерально-рыночной системы в стране, которая, как раковые метастазы, разъедает всё вокруг — от детских приютов до армии и спорта. Отставки чиновников — это те же элементы общего системного разложения и моральной деградации властей всех уровней.

* * *

В Америке «приемными родителями» убит еще один русский ребенок. За последнее время уже 15-й. И российская власть на это никак не реагирует. Американцы покупают наших детей в приютах и убивают их ради донорских органов, имея на этом бизнесе огромные доходы. Но вот вопрос: чье моральное уродство страшнее — американское или либерально-российское?

* * *

Очередной «либеральный» гвалт. Теперь поднят вой по поводу того, что ветераны к 65-летию Победы решили устано-

вить в Москве несколько плакатов с изображением Верховного главнокомандующего И.В. Сталина. В один голос радио и ящик загалдели о преступности советской системы. Но что симптоматично, о Ленине — ни звука. Его они не трогают. По всей Москве как стояли, так и стоят памятники Ленину. Да и на Красной площади без серьезных либералистических возражений лежит его труп. Отчего бы это?..

К тому же и власти, и всевозможные «либералы» упорно противятся переименованию станции метро «Войковская»... Хотя уже давно переименовали «Кировскую», «Щербаковскую», «Ждановскую», «Пл. Ногина»... Так они ненавидят советскую власть... А может, Ленин и Войков не имели к ней никакого отношения?..

* * *

Это время породило и вскормило нелюдей, монстров в человеческом облике. Садисты, шизики, моральные уроды, маньяки и вырожденцы составляют уже немислимо громадный процент от всего населения страны. Каждый день, выходя на улицу и садясь в общественный транспорт, натыкаешься на эти безликие физиономии, не выражающие ни жизни, ни света, ни мысли — ничего. Между собой и по мобильнику они говорят только с помощью мата, других слов для них уже не существует. И человеческая жизнь для них вообще не является какой-либо ценностью. Помимо алкоголиков, наркоманов, кавказских воров и аферистов, окружающих нас, — огромная армия нелюдей.

Вот он, наглядный итог действия в нашей стране всеразлагающего, всеумертвляющего либерализма. Итог, к нашему общему горю, всего лишь промежуточный.

* * *

В Москве и в Питере кавказцы уже до полусмерти избивают милиционеров. Вот к чему привела навязанная «либералами» толерантность — к бандитскому распоясыванию одних, к потаканию им других и к беспомощности третьих. О наказании обнаглевших «гостей» речи вообще не идет.

И одновременно в центре Москвы «либеральные правозащитники» проводят митинги с требованием радикального реформирования органов МВД. Цель этих митингов — окончательно дискредитировать милицию, и без того морально разложенную, чтобы этническая преступность вообще не имела никаких пределов и берегов. Синхронность действий и тех и других удивлений не вызывает.

А самое смешное заключается в том, что о возможности

сопротивления милиции заявил сам министр внутренних дел Нургалиев. После чего «либералы» сразу прекратили свои требования его отставки. Что называется — отмазался.

* * *

6 марта в Ростовской области пропали три мальчика от 4 до 6 лет. Тут же появился слух, что они утонули. Даже водолазов подключили к поиску. Можно не сомневаться в том, что их уже нет в живых и что через какое-то время их тела будут найдены с признаками насильственной смерти. Но об этом скорее всего уже не сообщат.

* * *

Люди в России возмущаются невероятным вздорожанием коммунальных платежей в 2010 году — в несколько раз. А цель, в общем, ясна. Многие просто не смогут платить за квартиру и вскоре будут выселены из своего жилья по решению суда. А их квартиры займут более оборотистые, бесчисленные переселенцы с Кавказа и из Азии.

* * *

«Ювенальная юстиция» в России работает **только** против русских детей.

* * *

То, что в Европе вытворяют с русскими детьми, является фактором неискоренимого европейского фашизма. В одной только Финляндии отобраны дети у пятидесяти русских матерей.

* * *

Политика братства и дружбы между нациями, насаждавшаяся в СССР, в конечном счете вызвала обратную реакцию. В отвалившихся республиках ненависть к русским обуяла все эти мелкие нации, кроме разве что белорусов. А ведь когда-то мы мечтали строить вместе коммунизм...

Данный итог вполне закономерен. Так всегда бывает, когда некая абстрактная, высосанная из пальца идея («братства народов») искусственно насаждается сверху. Только та идея имеет право на жизнь, которая прорастает из сердца.

* * *

Оказывается, у нас самые сильные в спорте — инвалиды. Мы больше всех взяли медалей на Паралимпийских играх в этом году. А вот американцы оказались в хвосте. Отчего бы это?

Ларчик просто открывается: у нас в стране 13 млн. инвалидов. По численности — среднее европейское государство. В Америке да и в Европе их намного меньше.

* * *

29 марта, четыре года спустя после нашумевших событий, начался суд над чеченскими головорезами, устроившими бойню в Кондопоге. Многие уже успели про них забыть. Но в этот же день последовал их ответ в Москве.

«Либеральные» СМИ волнуют только т.н. «скинхеды», «русские фашисты-экстремисты» и списки запрещенной патриотической литературы. Преступления кавказско-азиатских бандитских группировок, бессчетно орудующих в Москве, их не интересуют. Но кто готовит эти банды и кто их вооружает? Разве не страны НАТО, вояки которых приглашены 9 Мая помаршировать по Красной площади?..

О прежних взрывах в метро всех заставили благополучно позабыть, изо дня в день долдоня нам о разнообразной «стабилизации» (очень похожей на кладбищенскую). Ну что ж, вот и вновь получили мы то, за что *они* «боролись» — новые теракты в метро: 39 погибших и около ста раненых. Мэр в кепке в течение двух дней будет демонстрировать нам возмущенную физиономию, а другой метр с кепкой потребует от МВД и ФСБ принять меры... Но «богу в кепке» нужны еще 500 тысяч гастарбайтеров...

«Либеральные» СМИ и прикормленные властью говорящие головы станут долго и много рассуждать и спорить о том, кто бы это мог сделать... И споры эти будут перебиваться веселенькой рекламкой... Спорьте, господа, спорьте, аж до олимпиады в Сочи, когда авторы российского террора объявят о себе сами. Но мы-то, простые граждане, давно знаем ответ на сакраментальный вопрос: «Кто виноват?»

Мы знаем, кто **реально** убивает наших людей. И тут неуместен вопрос: сколько нужно еще трупов, чтобы власть очухалась? Количеством трупов ее волнение не измеряется.

«Либеральные» СМИ два-три дня погалдят и угомонятся. Власти кого-нибудь арестуют. Но для предотвращения подобных актов в наших городах, как и прежде, не будет сделано ничего серьезного. О чем я не раз писал в предыдущих «Протуберанцах».

* * *

Власть делает вид, будто воюет с террором. И одновременно она дает свободно разгуливать по стране и по столице кавказским бандитам. Не смешно ли это?..

Кавказско-азиатская мафия, как у себя дома хозяйничающая в Москве, давно скупила здесь абсолютно все рестораны, кафе, ночные клубы, рынки и магазины. А власти борются со «скинхедами», и время от времени энтэвэшники, самые отвязанные шавки режима, демонстрируют по ящику судебные процессы над этими «страшными экстремистами».

Черноглазые бородачи, сидящие в самых дорогих иномарках, вальяжно поглядывают на этот цирк и ехидно посмеиваются.

* * *

Уже двадцать лет живем в разгуле террора и бесконечных диверсий. А Госдума и Кремль решили отменить смертную казнь...

Кремлевская власть очень хочет выглядеть «цивилизованной». Как же, ей приходится встречаться с западными лидерами. Но если бы в Европе за один день убили в метро 40 человек, все разговоры о запрете смертной казни там сразу прекратились бы.

* * *

Нынешние московские теракты в первую очередь нужны Западу накануне подписания нового договора по СНВ и запланированной войны с Ираном.

Израиль давит на Америку, а Америка давит на Россию. На днях будет объявлено о введении санкций против Ирана, как перед войной с Ираком. Россия пока этому сопротивлялась. Теперь, напуганный терактами, Кремль согласится.

* * *

Как это обычно у нас бывает после терактов, милиция в течение недели будет толпами маячить на станциях метро. Но пройдет неделя, и ее здесь днем с огнем не найдешь.

Ну и, конечно же, все центральные СМИ срочно загалдели: «Нельзя обижать выходцев с Кавказа!.. Терроризм национальности не имеет!..» Терроризм, может, и не имеет. А вот террористы очень даже имеют. В основном одну и ту же — и национальность, и религию.

* * *

Только один из шести чеченских убийц, осужденных в Кондопоге, получил 22 года. Остальные — от трех до десяти лет. Некоторых освободили прямо в зале суда, т.к. истек трехлетний срок их заключения. И это на фоне того, что Медведев уже третий день грозит из телящика: «Будем ужесточать наказания экстремистам и террористам!»

Можно не сомневаться, против тех, кто пишет нелицеприятную правду, наказания действительно будут ужесточены.

* * *

Население, молчаливо вззирающее на все издевательства властей, будут и дальше душить ценами, грабить, взрывать в метро, в домах и в поездах. Многие из тех, кто погиб в московских терактах, жили по принципу «моя хата с краю...» Однако «хата с краю» очень часто оказывается в центре самых жестоких катаклизмов и трагедий.

* * *

На этот раз американская приемная «мать» не убила усыновленного ею русского семилетнего мальчика, а просто посадила в самолет и, как посылку, отправила в Россию. Мол, заберите назад, мне не подошло. Причем, штатовские авиаслужбы в нарушение всех законов пропустили малолетнего ребенка в самолет и в Москве без сопровождения выпустили из самолета. Вообще-то ребенку этому, можно сказать, повезло, т.к. у него были все шансы уйти на органы, как это нередко происходит с русскими детьми, проданными в США.

Американцы и впрямь превратились в каких-то бездушных монстров, для которых не имеют значения никакие человеческие и нравственные ограничения, если эти ограничения стоят на пути их личных интересов.

И вот только теперь, только после этого случая глава МИДа России Лавров решил наконец добиваться «приостановки» усыновления наших детей американцами. Скорее всего дальнейшие заявления дело не сдвинется, потому что в реальности тут происходит не усыновление, а выгодная всем сторонам купля-продажа.

Видимо, в данном случае у американской «матери» сорвалась какая-то коммерческая сделка, связанная с этим ребенком, и она за ненадобностью решила вернуть товар продавцам.

* * *

В XIX веке читающей публике был хорошо известен стихотворный сатирик, пародист и мистификатор Д.Д. Минаев (1835—1889). Он активно стряпал пародии не только на классиков русской поэзии: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Фета, Тютчева, Плещеева, но даже и на Толстого и Данте. Между прочим, накатал он почти не уступающий оригиналу по объему пародийный роман «Евгений Онегин наших дней».

В 1873 году этот разыгравшийся рифмоплет, ярый ненави-

стник монархической России, накропал пародию на стихотворение А.С. Пушкина «К морю», начинающееся всем известной строкой: «Прощай, свободная стихия!» Пародийный опус либерала Минаева для каждого нормального русского человека звучал кощунственно и отвратительно: «Прощай, немытая Россия, Страна рабов, страна господ. И вы, *мундиры голубые*, И ты, им преданный народ». Под своим именем опубликовать эту мерзость он не решился — видимо, из-за обычной демократической трусости. И анонимная дешевка долгое время просто гуляла по рукам. Но в 1887 году литературный историк П.А. Висковатов опубликовал ее в журнале «Русская старина» под... именем М.Ю. Лермонтова, а затем, в 1890 году, археограф П.И. Бартенев повторил эту публикацию в своем журнале «Русский архив». Имя великого поэта, на первый взгляд, и впрямь выглядело достоверно, т.к. пародия эта заканчивалась словами: «Быть может, за стеной Кавказа Сокроюся от твоих пашей, От их всевидящего глаза, От их всеслышащих ушей».

Излишне говорить, что не существует и не могло быть ни черновика, ни лермонтовского автографа этой пародийной дешевки. (Разве мог он, боготворивший Пушкина, так испохабить его строку «Прощай, свободная стихия!»?) Более того, в дальнейшем Минаевым была написана сатирическая поэма «Демон», пародирующая самого Лермонтова, в которой имеются такие строки: «Бес мчится. Никаких помех Не видит он в ночном эфире. *На голубом его мундире* Сверкают звезды рангов всех...» В ней Минаев как бы прокалывается, засвечивает свою руку — он повторяет понравившуюся ему метафору с «голубыми мундирами». В то время как в стихах Лермонтова эти пресловутые «голубые мундиры» отсутствуют начисто.

Бездарность и косноязычие всех русофобов — их родовое клеймо, которое рано или поздно проявляется сквозь их ехидные личины. Оно проявилось и здесь: «Прощай... мундиры голубые...»

Многие русские литературоведы возмущенно доказывали непричастность М.Ю. Лермонтова к данной фальшивке, и среди них — выдающийся современный ученый, пушкинист Н.Н. Скатов. Но несмотря ни на что, весь XX век всяческие коммуняки и демократические мерзавцы приписывали этот русофобский минаевский текст Лермонтову, неоднократно включая в его Собрание сочинений! Не говоря уже о том, что этот примитивный опус неизменно входил в школьную программу по изучению творчества Лермонтова. И продолжает входить!

* * *

Мистическая гибель польского руководства под Смоленском 10 апреля — президента с женой, военного командования и депутатов Сейма — это знак свыше или ответ с того света за семидесятилетнюю ложь о расстреле польских офицеров, захороненных в Катыни. Сама смоленская земля воспротивилась еще одному подлому камланию циничных русофобских политиканов из Варшавы, спасенной нами от полного уничтожения.

Польский президент Лех Качинский, нашедший тут свой логический конец, — это мелкая, вражеская вошь, с упоением покусывавшая ослабленную Россию по науськиванию Америки. Многие уже забыли, как два года назад он обнимался и целовался с Собакошвили после нападения на Южную Осетию. Именно он надумал установить на своей территории американские ракеты, чтобы держать нас под ближайшим прицелом.

Президентский самолет грохнулся из-за тумана под Смоленском, но в реальности абсолютно все, в том числе и сами поляки, увидели здесь Божью длань.

* * *

Это надо же было назначить в России траур по ничтожному Леху Качинскому (которого теперь впору называть Лёхой Катынским) на День космонавтики! Путинские медведи весь день не Юрия Гагарина славил, а плакали по уродливому русофобу и его подловатому окружению.

* * *

В №5-6 «Молодой гвардии» опубликована статья Павла Краснова «Операция «Немыслимое», в которой говорится о том, что англо-американцы весной 1945 года разработали план нанесения бомбовых ударов по основным городам СССР и оккупации его европейской части. Третью мировую войну эти «союзники» планировали начать 1 июля 1945 года. Но задуманное ими сорвал Сталин, приказав Жукову срочно взять Берлин. Что и было сделано, правда, ценой жизни 78 тысяч наших солдат.

И вот теперь, через 65 лет, Путин с Медведевым пригласили нынешние натовские войска поучаствовать в параде на Красной площади в качестве «союзников» в прошлой «общей», как нам внушают, войне. Чего тут больше, кретинизма или откровенного предательства?

* * *

В поселке Лесогорск Чунского района Иркутской области с 23 по 26 апреля в больницу был госпитализирован 41

воспитанник школы-интерната в возрасте от 8 до 17 лет. Все они отравились в столовой интерната.

В эти же дни в Улан-Удэ с признаками пищевого отравления госпитализированы 34 ребенка, отдохавших накануне в оздоровительном лагере «Эдельвейс» в Бурятии.

А Минздрав РФ в этом году отменил сертификацию всех продуктов питания. Вот и гадай, то ли это дурь чиновников, то ли вредительство.

* * *

В одном из районов Санкт-Петербурга накануне Дня Победы местная власть пригласила ветеранов для чествования в кафе под названием «Hende hoh!». Вот так нагло и ехидно они издеваются над победителями.

Там же, в Питере, по приказу властей покрасили краской автобус, на котором был изображен портрет Сталина. Ничтожные позорники.

* * *

Ни Абама (США), ни Браун (Англия), ни Саркози (Франция), ни Берлускони (Италия), хоть и были приглашены, не приехали на празднование 65-летия русской Победы. Это еще одно подтверждение тому, что ни Америке, ни Европе не нужна была наша Победа.

И хотя натовская солдатня, притащенная сюда за уши Медведевым, прошмыгала по Красной площади, всё же всем было видно, как разительно эти «войки» уступали нашим солдатам в выправке, строевом шаге, энергии и молодцеватости.

И вправду, нечего им тут было делать. А кремлевская камарилья долго не смоеет с себя позор натовского присутствия на Красной площади.

* * *

9 Мая страну оглушили два взрыва на шахте «Распадская» в Кемеровской обл. И ведь произошло это не 7-го, не 8-го, не 10-го, а ночью 9 Мая!.. Причем, второй взрыв, вероятнее всего, был «отложенным взрывом» — через четыре часа после первого, когда в шахту спустились спасатели. Уже привычный «почерк» терактов и диверсий... Всего погибло свыше ста человек. Я знал заранее: 9 Мая, на 65 лет Победы, не может не произойти чего-то непоправимо ужасного. Враги *обязаны* были омрачить нам этот день.

И опять без кремлевского цинизма эта трагедия не обошлась. Когда еще не была известна судьба более сорока

шахтеров, засыпанных под землей, Д.Медведев отправился с однодневным визитом в Дамаск — непонятно с какой целью, т.к. никаких договоров и никаких серьезных документов там подписано не было. (Не отложил и не перенес данный визит...) И лишь по завершении этой поездки просочилась информация о том, что он помимо президента Сирии встречался в Дамаске с лидерами Хамаса и обсуждал с ними вопрос возврата Израилю плененного палестинцами израильского солдата Гилада Шалита. Видимо, была очень большая необходимость сослужить службу своим хозяевам... Разве это не верх цинизма — договариваться о свободе иностранца, когда дома десятки русских горняков обречены на смерть во взорванной шахте?..

«Либеральная» пресса единогласно обвинила во всем самих шахтеров: мол, ради выработки и заработка они плюют на технику безопасности. «Распадская», как и все остальные шахты Кузбасса, принадлежит иностранным собственникам, в том числе и Р.Абрамовичу. Само собой, не их же обвинять в *этой* прессе...

Прибыль от продажи кузбасского угля идет в офшоры на Кипре, а шахтеры получают 20—25 тыс. рублей (зарплата секретарши маленькой фирмы). Шахтеры кемеровского региона — это смертники, безысходные рабы, потому что другой работы здесь нет. Всё это прекрасно знают и «либеральная» пресса, и Путин, с трагичным лицом приехавший в Кемерово, и тем более Аман Тулеев, засидевшийся на дармовом кузбасском угле. И потому в этой *тьме трагедий* просвета нет и долго не будет.

25 мая в Антали (Турция) автобус с российскими туристами, пробив ограждение, сорвался с моста и упал в реку. В результате — 16 погибших и 25 раненых. (Водитель-турок погиб.) «Маяк» и «Эхо Москвы» тут же загалдели о том, что водитель уснул за рулем, как будто их журналисты сидели рядом и видели, как он уснул. Надо же было так «уснуть» — прямо на мосту, ни раньше, ни позже...

Вечером 26 мая в Ставрополе произошел взрыв рядом с кафе и концертным залом Дома культуры. Семь погибших, около сорока раненых. «Эхо Москвы» мгновенно обвинило в этом неких «русских боевиков».

«Ситуация... что в огромном городе нельзя найти кафе, где не гремела бы музыка, — говорит лишь о том, что человечеству

страшно замолчать. Символ этого мира — монолог радиоведущего. Если вдуматься в смысл и ценность того, что говорит любовью попугай на круглосуточном развлекательном радио, перед вами откроется весь масштаб пропасти», — писал Селинджер в середине XX века. Интересно, что бы он сказал, живя сейчас?..

* * *

Нынешняя дем. Россия (как и Украина) — несостоявшееся государство. По лесам бегают какие-то «партизаны», менты превратились в узаконенную ОПГ, суды сплошь коррумпированы, собственное промышленное производство, необходимое для жизни населения, отсутствует, армия ежегодно сокращается и служить в ней никто не желает, диверсии и катастрофы стали обычным, чуть не ежедневным антуражем тупой и безнадежной действительности. А власти продолжают раздувать щеки и с улыбочивыми физиономиями рассказывать о «достижениях». Это призрачное государство сможет существовать лишь до того времени, пока его будет терпеть народ.

* * *

На экономическом саммите в Петербурге Д. Медведев заявил, что хочет сделать Россию «страной мечты»... Сидя в Кремле, конечно, можно мечтать о чем угодно. Собственно, Кремль — это для Медведева и есть «страна мечты», отгороженная от всего остального мира высокой «китайской» стеной. Почему бы за этой стеной и не помечтать?.. Там много было всяких мечтателей...

* * *

Мосгордума приняла закон, запрещающий правоохранительным и судебным органам указывать национальность преступников. Это понятно. Большинство преступлений в Москве и Московской области совершают выходцы из Азии и с Кавказа. Таким способом чужеродная власть, обосновавшаяся в Москве и ежегодно внедряющая сюда по 500 тысяч кавказско-азиатских мигрантов, пытается скрыть, чьими руками она уничтожает русских. Так этой властью создана еще одна, для нее очень удобная, форма геноцида.

* * *

Эта власть не только **отменила** национальность у всех нас, но и законодательно **запретила** о ней заикаться. Так она делает из нас манкуртов, не помнящих родства. При поголовном безразличии послушно-электоральных «россиян».

Очередной теракт на дороге. 24 июня под Омском «КамАЗ», груженный асфальтом, врезался в автобус, перевозящий детей. Погибли дети и взрослые, много детей ранены, причем тяжело. Рассчитано всё было точно. Спереди и сзади колонну из восьми автобусов с детьми сопровождали милицейские машины. Но «КамАЗ» со встречной полосы резко повернул влево и на всем ходу ударил в бок третьего по счету автобуса. Водитель грузовика остался жив. Национальность убийцы ни омские власти, ни российские СМИ не называют.

Д.Медведеву явно не дает покоя слава Ильфа и Петрова. Но Нью-Васюки ему переплюнуть вряд ли удастся... Даже в Сколково.

Уже никто не скрывает и никто не опровергает того факта, что Ельцин в 1996 году стал президентом незаконно — с помощью фальсификации выборов. Что это значит? А то, что Путин как его преемник тоже пришел к власти незаконно. И, следовательно, Медведев — тоже. То есть вся власть в России за последние 15 лет была и остается незаконной.

Так называемая «демократия», внедренная здесь, незаконна изначально, т.к. всякое ее действие и всякое ее слово зиждутся на обмане. В России это понимают почти все, в том числе и сами «демократы».

Советской власти история отпустила 70 лет. Для власти «демократов» она и этого срока не отпустит.

Все военные училища России по приказу министра обороны Сердюкова прекратили набор курсантов. Новые офицеры этой армии и *этой власти* больше не нужны. Это уже не глупость и не предательство. Власть прямо и откровенно показывает всему миру и всем нам, что она готовит Россию к сдаче. Видимо, по этим планам, командовать нашим пушечным мясом должны будут натовские офицеры. И армия, как всегда, проглотит очередное унижение.

Ни в какое другое время такой ненависти к власти со стороны народа в России не было. Эта власть может пересажать всех активных русских патриотов, может ликвидировать всю русскую прессу, но что она делает с ненавистью населения?

И надолго ли ей хватит сил и нервов пребывать в окружении всеобщего презрения?

Можно не обращать внимания на этот факт, но он уже говорит о многом: по всем радиоголосованиям, 80% позвонивших поддержали и оправдали т.н. «приморских партизан». А ведь года через два-три таковых будет 90%. И что, Путин с Медведевым собираются и дальше раздувать щеки в ненавидящей их стране? Или им очень нравится судьба Горбачева и Ельцина?

Эта власть, скорее всего, не понимает того, что творит. А творит она ту самую ненависть к себе, которая в конце концов ее уничтожит. Что бы эта власть ни делала — абсолютно всё вызывает недоверие, возмущение или презрительную усмешку со стороны равнодушных и думающих людей. И процесс этот уже необратим. Она уже не в состоянии сделать что-либо такое, что развернуло бы отношение к ней в противоположную сторону. Абсолютно каждый шаг этой власти приближает ее к самоубийству.

Вся т.н. «правозащитная» армия взъерепенилась после решения Таганского суда оштрафовать мерзких ублюдков Ю.Самодурова и А.Ерофеева — устроителей антихристианской выставки «Запретное искусство — 2006» в Центре им. Сахарова. Обвинение им было предъявлено по 282 ст. УК за возбуждение национальной и религиозной вражды. Между прочим, два месяца назад по этой самой статье Константин Душенов получил три года заключения. Причем срок он получил именно за произведение искусства — за документальный фильм «Россия с ножом в спине». И ни одна «правозащитная» гнида не пикнула.

Все публичные обещания Путина оказать материальную поддержку литературным журналам оказались пустой болтовней. Ни в прошлом, ни в этом году Минфин библиотекам не выделил ни копейки обещанных дополнительных средств на подписку.

Впрочем, эта власть по-своему права: зачем населению литературные журналы, когда есть тоталитарное радио и тоталитарный телевизор?

После того, как обнаглевшим чеченским отморозкам местные жители дали отпор в детском лагере под Туапсе, Ахмад

Кадыров предупредил Кремль, что Чечня сорвет Олимпийские игры в Сочи. Кто бы мог подумать?..

То, что зимняя Олимпиада в Сочи будет сорвана, даже излишне говорить. Медведев и Путин на шантаж Кадырова никак не отреагировали, отмолчались. И это тоже не удивляет.

* * *

Наивно и глупо думать, будто те, кто взрывал у нас метро, поезда и электростанции, не воспользовались ситуацией аномальной жары в России и не подключились к организации повсеместных лесных пожаров. Власти, похоже, об этом не догадываются, а российскому обывателю, как всегда, поверить в это очень трудно, почти невозможно, пока сам не сгорит в огне, хотя тут же, не моргнув глазом, он с удовольствием заглывает любое телевизионное вранье.

А «либеральные» журналюги придумали новый термин: «природные пожары»...

* * *

Лесные пожары лета 2010 года показали всю беспомощность и некомпетентность власти. Более того, они лишней раз выявили катастрофическую степень дезорганизации МЧС, МВД и армии. Жители сгоревших поселков и деревень оказались одни перед стеной огня, без оповещения об опасности и без организованной помощи. Им даже выехать было не на чем из окутанной дымом местности.

Два с лишним месяца в России стояло запредельно сухое пекло (на солнце до +45) и горели леса. И только в начале августа Медведев после своих июльских загранпоездов наконец проснулся и ввел режим чрезвычайной ситуации в объятых огнем регионах, когда сгорели тысячи домов и погибли люди. Что, разве в середине июля было непонятно, к чему дело идет? И впрямь каждый шаг *этой власти* увеличивает презрение к ней.

Кстати, лелеемые властью очень «русские» олигархи не дали погорельцам ни копейки...

* * *

В Интернете прошла информация о том, что американцы испытали над Россией климатическое оружие. Скептики, само собой, смеялись. Эти вечно смеющиеся скептики не верят ни во что и ничему. Им так проще жить на свете. Но пусть они хоть раз в жизни включат мозги и попытаются сами себе объяснить этот феноменальный факт: знойный, сухой антициклон стоял без движения над Центральной Россией в течение двух с лишним месяцев! На нашей территории тако-

го прежде не было никогда. В парках Москвы уже в июле земля была усыпана опавшими сухими листьями.

О том, что либеральная демократия преступна, лжива, депотична и антинародна, мы, русские патриоты, писали все последние 25 лет. Но чтобы она в России рухнула, это должны понять и в этом должны убедиться **абсолютно все**.

Москва, окруженная пожарами, задыхается в дыму. Беспомощность и бессмысленность власти видна как на ладони. Вот цена ее хваленной «модернизации», «национальных проектов» и «нанонизации».

Москвичи умирают от сердечных приступов и обострения астмы. А Лужков с Батуриной — в отпуске...

6 августа 2010 года в 9 часов вечера я подошел к плотно закрытому окну и увидел мертвую, объятую серым дымом улицу. Воздух был недвижим, и дым густой пеленой висел на всем пространстве за моим окном, скрыв дома и деревья. На улице образовалась мертвая тишина, какой я не слышал здесь никогда прежде, и весь город казался мертвым, как в каком-нибудь фильме ужасов. Я взглянул на градусник за моим окном, он показывал +32. В квартире нечем было дышать, пот тонкими струйками катился по моей груди, но открывать окно или форточку было нельзя — ядовитый смог тут же проникал в квартиру и заполнял ее едким запахом гари.

Когда-то я писал о неизбежных природных катаклизмах, ждущих нас впереди как наказание за безнравственную технологическую цивилизацию. Похоже, эти катаклизмы к нам приблизились. И человек перед ними оказался беззащитен. И ведь действительно — еще один месяц такого ада, и Москва просто-напросто вымрет.

Власть, демократия, реформы... — как же это всё смешно и ничтожно перед солнечными *протуберанцами!*..

Смог уплотняется. Москва и область задыхаются в дыму. Народ звереет. А власть отмалчивается, не зная, что делать. Она в полной растерянности. И именно сейчас, когда нужно обратиться к народу, успокоить его и мобилизовать население на борьбу с пожарами, Медведев вылез с дурацкой инициативой переименования милиции в полицию. Для него

это сейчас самое важное. Мало он насмешил мир сокращением часовых поясов. Нет, он так и не понял, в какой стране живет.

* * *

Осушение болот, «научно обоснованное» в советское время академиком Т.Заславской, аукнулось нам по полной программе.

* * *

Ну ладно бы только на окраине Москвы, где я живу, стояла вонища от дыма, но побывал я в центре — и там, возле Кремля, такая же вонь. Это и есть запах демократии. Теперь его **все** прочувствуют.

* * *

Вечером 9 августа серый дым вновь опустился на Москву. Полумертвые деревья стояли не шелохнувшись — воздух, как заговоренный, который уже день был недвижим. Предстояла еще одна мучительная, почти безвоздушная ночь с плотно закрытыми окнами.

Августовские тридцатиградусные ночи казались каким-то природным сумасшествием, колдовским наваждением, нереальным сном. И так изо дня в день. Не сбывались никакие прогнозы метеоцентра, бесконечно обещавшего то похолодание, то дожди, то грозу. Ничего не менялось в атмосфере, кроме всё более сгущавшегося смога.

Москва начала вымирать. По сообщению департамента здравоохранения столицы, смертность в Москве увеличилась в два раза, хотя власти попытались это скрыть, а потом опровергнуть. Но ее быстро поймали на вранье. Власть, как и прежде, врала, изворачивалась и пыталась застенчиво улыбаться: мол, так получилось, мы не виноваты, мол, это погода такая, мол, что поделаешь, «природные пожары»...

Россию подожгли. Это понятно любому здравомыслящему человеку. Каждый день по всей России возникают по двести—триста новых лесных пожаров. И нам хотят внушить, что это происходит само собой. Ну, как, например, «самовозгорания» в больницах, в прокуратурах, в детсадах, интернатах, в приютах для престарелых, в Манеже... Мол, «непотушенный окурок», «неосторожное обращение с огнем»... Подлость, лживость и беспомощность этой «либеральной» власти уже видна и понятна всем. Вот только пока еще не все способны сказать об этом вслух.

* * *

Суд присяжных вновь оправдал Владимира Квачкова и его товарищей, якобы покушавшихся на жизнь Чубайса. Это серьезная победа над антирусской властью.

Как судья ни изворачивалась, чтобы внушить присяжным заседателям виновность Квачкова, Найденова, Яшина и Ивана Миронова, все ее потуги пошли прахом. Мы научились защищаться. Но от защиты пора переходить к наступлению.

* * *

Подготовленный Кремлем законопроект о полиции — это еще один шаг *этой власти* к ужесточению террора по отношению к русскому населению. Пока еще ее сдерживают какие-то моральные и конституционные препоны, но после того, как данный законопроект будет утвержден, *эта власть* получит все атрибуты полицейского государства для самого бесперемонного подавления любого сопротивления, любого инакомыслия и любой критики в свой адрес. После введения в Уголовный кодекс 282-й статьи и после утверждения нескольких более жестких поправок к ней, данный закон для нынешней России был вполне ожидаем.

* * *

Эта власть допустила жуткие пожарища по всей стране. Дотла сгорели тысячи гектаров леса, десятки, если не сотни, поселков и деревень. (Кстати, точные цифры ни власти, ни подконтрольные им СМИ не озвучивают.) Мы пережили в прямом смысле этого слова экологическую катастрофу.

За последние годы были целенаправленно разрушены лесные хозяйства, и охранять лес, в первую очередь от пожаров, стало некому и нечем. Леса были отданы в полное распоряжение арендаторам, которые плевать хотели на противопожарную безопасность, для них чем больше освободится территорий под дачные и коттеджные застройки, тем лучше.

В Рязанской области — на сотни километров выжженная земля, как после страшной войны. И отвечать за это никто не собирается. Всё списывается на «аномально жаркое лето...»

* * *

В октябре 2001 года президент Путин на вопрос «Что будет с Россией в 2010 году?» ответил: «Мы все будем счастливы».

Впрочем, он-то знал, кого подразумевал под словом «мы»...

* * *

Эта власть по всей России, и прежде всего в столице, себе в помощь внедряет мусульман для морального и физического подавления русских.

* * *

В наших бесконечных бедах и трагедиях последнего двад-

цатилетия виновны все те, кто хоть раз голосовал за Ельцина... и т.н. «партию власти».

9 сентября исламисты опять взорвали христиан. На этот раз во Владикавказе. 19 погибших и 160 раненых.

Эта власть не способна и не желает ликвидировать мусульманский терроризм в России. Сделать это при желании, решимости и уме можно было максимум за месяц. Но у кремлевской власти нет ни того, ни другого, ни третьего.

Современный русский народ в подавляющем своем большинстве безрелигиозен (как и безнационален) и потому дезорганизован и беспомощен.

Всё лицемерие нынешнего режима проявилось в кампании поливания помоями мэра Лужкова. Беспринципная власть грязными методами душила своего оборзевшего и зарвавшегося однопартийца. Его гнали в шею, а он надувал пухлые щечки: «Ни хачу-у!..»

Через 18 лет своего московского всевластия мэр все-таки получил пинка. И вылетел отовсюду, как пробка, в том числе и из любимой «партии». Когда в 1993 году депутаты Верховного Совета попытались отрешить его от власти, он с самоуверенной усмешкой витийствовал с митинговой трибуны: «Ничего у вас не получится! Меня выбрал народ!» Где теперь этот народ? Помалкивает...

Тот «народ», который голосовал за Лужкова, — тоже получил заслуженного пинка под зад вместе с «великим хозяйственником».

А какие связи, какие кормушки при этом перекрываются! Для Батуриной, для Кобзона, для Церетели... Чтобы перечислить поименно всю эту кофлу, весь этот кучерявый «народ», — дня не хватит...

Бывшего мэрского ельциноида настигла пока еще предварительная расплата за октябрь 1993 года. Но кто выразит недоверие обитателям Кремля?..

Запустили козла в огород. Главный фальсификатор истории России Сванидзе поставлен Медведевым возглавлять

комиссию по противодействию фальсификации истории страны. Нет, это не театр абсурда. Это еще одна отвратная отрыжка «либерального» режима.

После терактов 11.09.2001 США разгромили Ирак (не имевший к этим терактам никакого отношения) и вторглись в Афганистан.

После Буденновска, Беслана, Норд-Оста, подрывов домов, самолетов и метро кремлевские сидельцы завалили Чечню деньгами.

Кремль присоединился к санкциям в отношении Ирана. Сразу после сентябрьского визита в США министра обороны Сердюкова прозвучало заявление президента Медведева о полном прекращении военных контрактов с Ираном. Отменены поставки в Иран всех видов вооружения — истребителей, танков и, самое важное, зенитно-ракетных комплексов С-300. И, естественно, тут же последовали бурные аплодисменты из Израиля и США. Этот акт государственной измены открывает дорогу агрессорам к новой кровавой бойне на всём Ближнем Востоке. Горбачевщина, как вирус, видимо, заразила поры и сам воздух Кремля. И теперь все его обитатели мгновенно поражаются буйствующей там эпидемией предательства и русофобии.

Страна, первой создавшая атомную бомбу и применившая ее, затем назвала Советский Союз империей зла. Чисто дьявольское лицемерие. Ядерное оружие в руках Америки — цель дьявола. Ядерное оружие в руках СССР — проявление Бога.

Предыдущая перепись населения РФ была в 2002 году. Но уже через 8 лет кремляне вдруг решили устроить новую. Им срочно понадобилось отчитаться перед хозяевами о проделанной работе — хозяевам не терпится узнать о темпах исчезновения русских.

Можно не сомневаться, что для населения итоги переписи будут искажены.

Слишком быстро подтвердились мои соображения по поводу прекращения набора в военные училища. Я говорил о

том, что в скором времени нашими солдатами будут командовать натовские офицеры. Но всё оказалось еще хитрее: оказывается, в российской армии **уже служат** офицеры из Израиля. Это те евреи, которые родились в России, хорошо усвоили русский язык, а потом эмигрировали в Израиль. Там они получили военное образование и теперь втихую внедряются сюда для службы в наших войсках. Мало того, что они — граждане другого государства, принявшие присягу на верность Израилю, но они находятся в тесном контакте с армией США и настроены враждебно к другим странам Ближнего Востока. (Действительно, зачем ждать вступления России в НАТО и зачем учить натовских офицеров русскому языку?.. Дьявольски гениальная идея!) Информация об этом просочилась в печать от самого израильского офицера, прибывшего на службу в российскую армию.

Теперь понятно, почему Кремль срочно отменил визовый режим с Израилем и разорвал военный контракт с Ираном на поставку оборонительного оружия.

* * *

Напрасно Сванидзе с Млечиным затеяли свою передачу на 5-м канале под названием «Суд времени». Для них напрасно. Как бы они ехидно ни ухмылялись, передача эта показала, что сплошная ложь, демагогия и подтасовка идут с их, с «либеральной» стороны. И наоборот, правота, честность, логика и точность — исходят с нашей стороны, с русской. Причем голосование, идущее в прямом эфире, ясно демонстрирует, что на их стороне — мизер, а на нашей — подавляющее большинство. Это видят все. И потому, какие бы цели ни преследовали авторы этой передачи, все видят главное — нас 90%, и правда — за нами. Но потому они (вроде бы) чувствуют себя в безопасности и могут безнаказанно столь нагло врать и издеваться над нашей историей, что у них — власть. Однако они всё же просчитались, эффект от передачи для них не тот, какого они ожидали. Все мы своими глазами увидели, **в каком они находятся разительном меньшинстве!** И эта ничтожная кучка лжецов, провокаторов и пустых болтунов занимает властные кресла в стране и контролирует электронные и печатные СМИ!..

* * *

Суд истории — процесс мистический и постоянный. Похоже, Сванидзе сам не понимает, кого судит своей передачей «Суд времени». А в реальности суд идет над антихристовой идеей демократии и либерализма. Передача эта всем разум-

ным людям ярчайшим образом демонстрирует подлейшую корневую сущность этой идеологии, основанной на лжи и предательстве и нацеленной на глобальное порабощение и глобальное уничтожение человечества.

Под видом «суда времени» идет клевета на русскую историю и попытка убийства истории. Что мы видели на экране? Умаление со стороны команды Сванидзе и Млечина исторической деятельности Александра Невского, Петра Первого, Ивана Грозного, Сталина, а также стремление возвысить над нами или хотя бы как-то оправдать Троцкого, Гитлера, Горбачева, Ельцина, Гайдара... Стремления и попытки эти, конечно же, с грохотом провалились, но само их наличие в мозгах сванидзевских клеветников говорит о том, что суд времени действительно жизненно необходим, причем — в постоянном, нескончаемом режиме. И он идет — суд мистический, высший. И на скамье подсудимых на самом-то деле — те, кто по своей подлой природе и под страхом иудейским берется судить историю. И судят они сами себя.

* * *

Фактически Россия уже находится в НАТО. Под прикрытием т.н. «саммита Россия—НАТО» на самом деле по указаниям натовского командования происходит стремительное «реформирование» российской армии в направлении военных целей Североатлантического блока. Хорошо видно, как Медведев торопится, суетится, чтобы срочно оформить это объединение в официальном порядке и поставить наше население перед свершившимся фактом. И действует он отработанными методами Горбачева.

* * *

В мае 2007 года принят Государственной думой и одобрен Советом Федерации, а в июне того же года подписан президентом В.Путиным Федеральный закон «О ратификации Соглашения между государствами — участниками Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе «Партнерство ради мира» («Завтра», 2010, №45). Согласно этому закону, войскам НАТО позволено присутствовать и предоставляется возможность проведения учений на территории Российской Федерации; Россия отказывается от всех претензий к любой другой стране, входящей в альянс НАТО, в случае нанесения вреда здоровью или смерти лица, входящего в состав ее Вооруженных сил; Россия разрешает ввоз и вывоз транспортных средств войск НАТО без взимания пошлин и сборов; Россия разрешает военно-

служащим НАТО владеть оружием и иметь его при себе; военнослужащие НАТО освобождаются от выполнения правил паспортного и визового режима, а также иммиграционного контроля при въезде на территорию Российской Федерации или выезде с нее.

Официальные российские власти оправдывают заключение данного Соглашения необходимостью более упрощенного транзита натовских войск через Россию в Афганистан, т.к. мы, по словам кремлевского руководства, заинтересованы в ликвидации «центра международного терроризма». Оно уже вовсю действует, и натовская военная техника свободно передвигается по нашей территории. Однако нам, «дорогие россияне», хорошо известно коварство как натовских заправил, так и доморощенной демвласти, кидавшей нас бесчисленное множество раз. В реальности мы не будем знать, хоть и можем догадываться, куда, как, с какой целью движутся натовские войска, где они останавливаются и дислоцируются. Возможно, Афганистан и не является их конечным пунктом назначения. Вполне возможно, войска эти уже размещены на нашей земле. Но даже если этого пока не случилось, то может случиться в любой момент, т.к. войска альянса на нашу территорию уже официально, гласно введены.

Интересна реакция на этот факт некоторых интернетресурсов. Так, электронная газета «Forum.msk.ru» 1 ноября 2010 года поместила сообщение: *«Путин в 2007 г. подписал договор №410940-4 с НАТО о том, что в случае народных волнений и техногенных катастроф войска НАТО могут беспрепятственно занимать территорию России и проводить на ней военные операции»*. Как знать, может, она ближе к истине...

Покушение на генерала Шаманова — это стопроцентный теракт на дороге, о которых я не раз писал прежде. «Обкуренный» таджик, сидевший за рулем «МАЗа», с точностью до секунды вывел грузовик на встречную полосу, чтобы безошибочно протаранить шамановскую иномарку. Шофер иномарки погиб. Данная система отработана до мелочей.

Как выяснилось, в кабине «МАЗа» сидели еще два человека, которые сбежали. Кто они — неизвестно. Скорее всего таджик был оставлен в качестве отмазки.

Ушел от народного возмездия еще один государственный преступник — Черномырдин. Жаль, конечно, что ушел. Но это означает, что он был лишен высшего прощения, и воз-

мездие посмертное будет для него неискупаемым и гораздо более жестоким, чем могло быть в земной жизни.

Либеральные словоблуды умиляются его т.н. «афоризмами». Но все эти «афоризмы» — не что иное, как дремучее косноязычие безграмотного невежды.

Этот закосневший в самодурстве безмозглый дуболом мог пролезть во власть только при наличии другого подобного дуболома, его закадычного поделщика по развалу страны.

Чубайсовские ваучеры, государственный переворот 1993 года, продажа (за бесценок) Америке российского урана, шантаж Милошевича — лишь часть бесконечной цепи преступлений этого трусовато-хамоватого ельцинского лизоблуда.

Ушел он, ни в чем не раскаявшись. Ни память народная, ни высший суд его уже не простят никогда.

Нет, не случайно Медведев с Путиным устроили ему похороны по первому разряду. Понимают: где бы они были и кто бы о них вообще слышал, когда бы в Кремль не прорвались эти дуболомные мастодонты.

Ельцин, Гайдар, Чубайс, Лужков, Черномырдин... Как бесы из преисподней, по грехам нашим, насланы они на Россию...

* * *

За годы правления «либеральной» власти вся Россия превращена в криминальное государство. Министр МВД Нургалиев, видимо, не понимая жуткой реальности этой цифры, с бодрой ретивостью заявил, что в 2010 году раскрыто **более миллиона преступлений...** А сколько не раскрыто? Наверняка не меньше. Если не брать во внимание малолетних детей, то получается, что в среднем в России каждый 50-й — преступник. Конечно, это не так, но общая цифра преступлений — ужасает. (По статистике МВД, большая часть из них совершена выходцами с Кавказа и из бывших советских республик.) Видимо, это то, чего и добивались «чикагские мальчики» с 1991 года...

* * *

Стремление лукавых российских демократов заменить советский социализм на «социализм с человеческим лицом» очень быстро привело к бесчеловечному издевательству над народом и низменному надругательству над моралью.

* * *

В Кабардино-Балкарии сожжены два православных храма. Либеральные кликуши по этому поводу не проронили ни слова. А если бы сожгли синагогу?..

* * *

За одну неделю ноября в Москве на пешеходных переходах иномарки сбили пять женщин с детскими колясками. Убийцы, сидевшие за рулем, скрылись с места преступления. Но один из них все же был пойман. Наверное, излишне называть его национальность.

* * *

Факт предательства полковника СВР Щербакова (настоящая фамилия: Потеев), сдавшего американцам всю нашу внешнюю разведку, говорит о том, что власть прогнила насквозь.

Лишний раз подтвердилась извечная закономерность: народ, армия, правоохранительные органы и спецслужбы, лишённые национальной, патриотической идеологии, превращаются в бессмысленное, гниющее болото, с которым можно делать всё что угодно. Без внятной общенациональной идеологии люди не будут знать другой цели своего существования, кроме личного обогащения и личной выгоды. Что, собственно, мы и видим вокруг себя во всех слоях общества, и спецслужбы — не исключение. Это общество лишается морали и тотально пронизывается коррупцией. Более того, при нынешней ситуации общей идеей становится **предательство**. И всё потому, что болезнь исходит сверху, от главной власти.

Ни Медведев, ни Путин, ни глава СВР Фрадков не дали объяснений того, как мог произойти такой провал, связанный с Щербаковым-Потеевым. Да, собственно, никто от них этих объяснений и не потребовал — ни Совет Федерации, ни Госдума, ни Общественная палата. Болото — оно и есть болото. Предательство в нем стало обычным, ординарным явлением.

* * *

Нам нередко приходилось читать воспоминания престарелых секретарей Союза писателей об их идеологической борьбе с космополитами, которую они вели в 60-е годы на страницах журнала «Молодая гвардия». По этим воспоминаниям нам хорошо известно, что за публикации в патриотическом журнале кое-кого из них лишали престижных должностей, правда, назначая на другие, не менее престижные, а кое-кого даже вызывали в ЦК «на ковер» для беседы. Но при этом они продолжали печататься в периодике, получая большие гонорары, издавали свои книги, отдыхали в Домах творчества, ездили в загранкомандировки за госсчет и т.д.

У нынешних авторов, воюющих в русских изданиях с современными космополитами, ничего этого нет. Их не вызывают на Старую площадь «на ковер» для беседы, потому что они там никому не нужны. Их вызывают в прокуратуру, против них заводят уголовные дела, их сажают в тюрьмы или просто мочат в подъезде — без шума в прессе и воплей по ящику.

Престарелых секретарей СП, написавших свои воспоминания о литературных баталиях 60—70-х годов, которые носили в основном историко-культурный характер, чествуют в Союзе писателей, награждают литературными премиями, ценят, почитают, помнят, уважают...

Но о сегодняшней непримиримой борьбе с врагами народа и предательской властью на страницах той же «Молодой гвардии» руководство Союза писателей знать и слышать ничего не желает...

* * *

В Германии врач еврейской национальности отказался заканчивать операцию молодому человеку, когда увидел на его плече татуировку со свастикой.

Во время войны советские врачи делали операции попавшим в плен раненым немецким солдатам и офицерам, не думая о том, что те были реальными нацистами.

А выводы пусть каждый делает самостоятельно.

* * *

26 ноября накануне визита в Польшу Д. Медведева Госдума сделала заявление, согласно которому всю вину за расстрел немцами польских офицеров в 1941 году она возлагает на Сталина и НКВД. Понятно, что Медведеву очень хотелось подыграть полякам и всей Европе перед этим своим пиар-визитом с дальним расчетом на президентские выборы 2012 года. Однако данный расчет может и не оправдаться. Курс на «десталинизацию», агрессивно и беспардонно навязываемый сверху нашему народу, может обернуться полным провалом для претендента на второй президентский срок.

Стремление любым способом понравиться Европе и Америке приводит в России к предательской горбачевщине и ельцинщине. Эти уроки истории слишком близки, чтобы о них легко забыть.

Здравомыслящим людям понятно судорожное желание ультралибералов демонизировать И.В. Сталина, дабы списать на него все преступления XX века — от троцкистско-свердловско-зиновьевских до гитлеровских. Однако народ

наш еще не настолько ими одурачен, чтобы не понимать всей подлости, лживости и всего цинизма этих озлобленных потуг.

Что же касается «Катынского дела», то в ряде изданий и в Интернете опубликован материал депутата Государственной думы Виктора Илюхина «О фальсификации исторических документов советского периода», в котором ясно показано и доказано, как при горбачевщине предшественники нынешних фальсификаторов истории готовили фальшивые документы этого «дела» с целью опять же понравиться Европе, оклеветать наш народ и отмыть себя, заклеив «сталинский режим». Но правда вскрылась. И бесполезно либеральным временщикам делать вид, будто ее нет. Как бы они ни злорадствовали и ни ухмылялись, никакая Европа не спасет их от клейма лжецов и клеветников, срощегося с ними навсегда.

Что в своей сути означают закодированные слова-символы нашего времени: «модернизация» и «десталинизация»? Под первым надо подразумевать ускоренный развал страны, а под вторым нужно понимать русофобию и антипатриотизм.

Сайт Викиликс опубликовал закрытые прежде документы Госдепартамента США. Более 250 тысяч материалов содержат переписку американских дипломатов с Вашингтоном. Среди них есть и документы, посвященные России. Наша страна, как указывается в них, фактически превратилась в мафиозное (дословно: в «бандитское») государство, в котором власть и спецслужбы используют лидеров преступного мира для криминальных операций. В другом материале говорится о беспрецедентном уровне коррупции в Российской Федерации.

Одним словом, эти секретные американские документы стопроцентно подтверждают то, что сказано мною в «Протуберанцах» о всех ветвях власти в РФ и о той преступной системе жизни, которая нам была силой навязана.

Теперь в Российской армии на законных основаниях могут служить наемники — граждане других государств. Дожили и до этого.

Разграбляемую страну обязали провести в 2018 году чемпионат мира по футболу. Более всего радовались главари

энциклопов. Через восемь лет оставшиеся пацаки будут до поселения дуть в бубузлы.

Да, у нас есть кому пилить бабло. Как уже сообщили, этот чемпионат потребует 300 миллиардов рублей. Надеяться на улучшение жизни оставшимся пацакам уже не придется. Стадионы и пятизвездочные отели будут построены за их счет, а не за счет Абрамовича.

Олимпиада и футбольный ЧМ — очень удобные прикрытия для окончательного разорения страны.

* * *

3 декабря в Саратовской области пассажирский автобус выскочил на встречную полосу и врезался в «КамАЗ». 9 погибших и 26 раненых. 7 декабря в Орловской области междугородный пассажирский автобус врезался в грузовую фуру. 20 раненых, из них 6 — тяжело. 8 декабря на федеральной трассе под Тулой маршрутка вылетела на встречную полосу и столкнулась с груженым «ЗИЛом». 8 погибших и двое тяжело раненых. О терактах на дорогах говорить уже бессмысленно — никто на них (как на теракты) не реагирует. Приходится просто констатировать происходящее, т.к. СМИ уже перестали реагировать на эти происшествия.

Война на дорогах не затихает ни на день.

И никто не утруждает себя вопросом: если может быть смертник со взрывчаткой, то почему не может быть смертник за рулем? Тем более что за рулем даже есть шанс остаться в живых.

* * *

10 июля в Москве выходцами с Кавказа убит журналист спортивной редакции телеканала «Россия» Юрий Волков. Убийцы не найдены. 27 ноября в Ростове-на-Дону ингушами убит студент РГСУ Максим Сычёв. Убийцы скрылись. 4 декабря в Москве убит Миша Антончик, студент медицинского университета. В этом убийстве принимало участие не менее восьми кавказцев. Никто из них не был задержан. 6 декабря жестоко избит и застрелен в затылок из травматического пистолета болельщик «Спартака» Егор Свиридов. По горячим следам милиция задержала шестерых уроженцев Дагестана и Кабардино-Балкарии, однако прокурорский следователь отпустил всех участников убийства, кроме неоднократно судимого Аслана Черкесова.

Вот уже 20 лет по всей территории России идет настоящий *черный террор*.

В субботу 11 декабря на Манежной площади Москвы, у самых стен Кремля, произошло восстание русской молодежи. Зверское убийство кавказцами болельщика «Спартака» Егора Свиридова прорвало терпение русских. Пять тысяч молодых людей пришли на Манеж, чтобы выразить свой протест. Центр Москвы был в дыму от файеров и петард. Лозунги, которые в один голос скандировали восставшие, печатно повторять не стоит...

Но власть еще раз показала русским: возмущаться — запрещено. Против молодых людей она бросила ОМОН с дубинками. В ответ полетели камни, бутылки и железные ограждения. Было много избитых и арестованных. Видя такой оборот, на переговоры с ними прибыл начальник ГУВД Москвы Колокольников. Несколько часов держалось это противостояние. Люди разошлись только когда стемнело.

Власть реально убедилась в том, что русские — не стадо молчаливых баранов, что не вся молодежь оболванена, и что она составляет немалую силу. А мы увидели страх этой власти — по испуганному лицу Нургалиева на экране ящика.

Это был очень важный момент современных событий: молодежь вышла на площадь не ради какого-то рок-концерта или футбольного матча, а для выражения ненависти к этой подлой и лживой системе и к этой антирусской власти — в самом центре столицы.

Кондопога пришла в Москву.

Без серьезных последствий день 11 декабря уже не останется.

Все последующие карательные действия власти в Москве после декабрьского события на Манеже говорили о ее бездарности и элементарной глупости. Вместо спокойного анализа этого события, вместо встречи и человеческого разговора с московской молодежью она нагнала сюда из разных городов тысячи омонцев, которые хватили на центральных улицах и площадях всех подозрительных и затаскивали в свои автобусы и автозаки. Так ее перепугали 11 декабря пять тысяч 16—20-летних парней, скандировавших «Русские — вперед!». А что с ней, властью, будет, когда соберется 50 тысяч?..

Мне всё это ясно напомнило 1993 год — тогда было то же самое. Тупые, жестокие и трусливые «либералы» всегда одинаковы. Тогда дело дошло до пулеметов, бэтээров и танков.

Кремлевские и телевизионные болтуны обозвали наших детей фашистами. Властный «тандем» настолько не осозна-

вал происходящего, что, глядя на эти натужные действия, любой нормальный человек невольно приходил к мысли, что власть эта вообще ни на что серьезное и умное не способна. Чего она добивалась? Еще большей ненависти к себе?

Какое жуткое непонимание народа, среди которого вынужден находиться этот «тандем»!

* * *

На следующий день после того, как Верховный суд РФ окончательно снял с отставного полковника В.В. Квачкова обвинение в мифическом покушении на Чубайса, Владимир Васильевич был арестован в связи с бредовым обвинением его в «подготовке вооруженного мятежа». Квачков сразу заявил, что этот арест — месть Чубайса. Но кроме прочего, это еще и первое следствие декабрьского события на Манеже.

Похоже, власть уже страшится собственной тени, если придумывает подобные поводы для ликвидации противников режима. Ее не пугают ни Цапки, ни Кадыровы, она судорожно боится воображаемого «мятежа» со стороны оскорбленных и униженных отставных пенсионеров...

* * *

Квачкову инкриминируют подготовку к «захвату Москвы». Идиоты, Москва уже давно захвачена Кавказом.

* * *

26 декабря в ответ на возмущение русской молодежи черным террором т.н. «либеральная интеллигенция» провела на Пушкинской площади столицы митинг под лозунгом: «Россия — для всех». Выступали весьма специфические лица: Виктор Шендерович, Дмитрий Быков, Лев Пономарев, Павел Лунгин, Мариэтта Чудакова, Максим Виторган и т.п. Вот кому нужно, чтобы страна и столица окончательно превратились в проходной двор, вот кому нужна здесь этническая преступность, вот кому нужны столкновения кавказцев и азиатов с русским населением.

* * *

Силловые ведомства, находящиеся под контролем и диктатом т.н. «демократической власти», по всей стране проводят обыски в квартирах русских патриотов с целью обнаружения запрещенной литературы, которую российские «поборники демократии» считают экстремистской. Эти «демократы» и «либералы» более всего на свете боятся **инакомыслия**, то есть того, на чем их предшественники строили свою борьбу с советским образом жизни.

* * *

«Патриот Москвы» и «большой хозяйственник» Лужков вместе с женой и детьми теперь живет в Лондоне... Более того — забрал с собой даже улья с пчелами. И правда, «большой хозяйственник»...

* * *

В августе 2011 года исполняется ровно 20 лет выхода в свет моей статьи «Откройте глаза!!!», напечатанной в №8 «Молодой гвардии» за 1991 год, — аккурат перед событиями 19—21 августа, стремительно обрушившими Советский Союз. В ней я одним из первых открыто сказал в печати о том, чего очень многие не понимали, а те, кто понимал, боялись сказать, — о грядущей фашистской иудедемократии и о вступлении страны в период разрушительной, грабительской, бандитской системы олигархического правления (тогда, когда все центральные СМИ пребывали в эйфории от «победы демократии и свободы над эпохой тоталитаризма»). Сейчас та статья даже мной самим читается с удивлением: настолько точно я всё в ней предсказал, объяснил и назвал вещи своими именами. Вот лишь одна небольшая цитата из нее: «Демократия и в самом деле не имеет никакого другого смысла, кроме несвободной, неравной, небратской власти торгашества и золотого тельца (*их* божества)». Помню, как мои знакомые шепотом мне говорили о том, что читали ее со страхом...»

«Протуберанцы», написанные с 2005-го по 2009 год, вошли в книгу прозы и публицистики Валерия Хатюшина «Не изменяй себе». Книгу можно приобрести в редакции журнала «Молодая гвардия».

СЫНКИ И ПАСЫНКИ

Впервые я попала в Чусовскую музей-деревню, созданную трудом и талантом Леонарда Дмитриевича Постникова, в 1999 году. Стояла поздняя осень, стойко держался туман — и вот в этом тумане передо мной появились вдруг купола старинных русских церквей. Потом я увидела избы, поленницы дров, колодец-журавель, стожки сена... Бегали собаки, бляла коза...

Я ничего не знала об этой «деревне» и восприняла ее как действительность. Передо мной была Россия — давно поруганная, затоптанная и в этом уголке земли вдруг оставшаяся прежней! Сердце забилось неопишуемой радостью. **Я дома!**

Меня провели к Леонарду Дмитриевичу в «контору». Директорский стол был завален бумагами, над столом — картины. Фисгармония у стены. И еще один стол, на котором богородские игрушки. Держишь такую в руках, шарик-маятник мерно раскачивается, и медведица шлепает медвежонка веником, заяц марширует под барабан, лиса стирает в корыте... — роскошна фантазия народа!

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Постников повел нас к себе домой — в небольшую крестьянскую избу. От натопленной печки было тепло и уютно. Казалось, мирская сутолока, рекламные ролики далеко за этими стенами, настолько здесь плавно перетекало время. И лишь телевизор да стопы периодики на стеллаже говорили о том, что хозяйева в курсе событий.

Зоя Михайловна Постникова собрала на стол. Угощение нехитрое, крестьянское, но вкусно и сытно. Я впервые ела редьку с квасом.

— Скоро ничего не будем знать своего, — посетовала хозяйка. — Леонард размышлялся завести половых в трактире (трактир в деревне тоже есть), да чтобы блюда только русские, чтобы не забывали люди родное свое... Да разве что тут сделаешь — все с боем.

О том, что Постников выпрашивает каждую доску, каждый гвоздь, где только может, я уже слышала.

— Что трактир, — нахмурился Леонард Дмитриевич. — Нет стабильного отопления в музее Ермака, портятся строгановского письма картины.

Завтрак не затянулся — здесь не бездельничают. Леонард Дмитриевич отправился в «контору», а я — осматривать музей-деревню. Как оказалось, тут каждый дом — отдельный музей. В одном представлен крестьянский быт, в другом — сельская лавка с огромным ассортиментом товаров, в третьем выставлены деревянные, глиняные, соломенные игрушки, в четвертом находится кузня, в пятом пожарные бочки, крючья, каски...

Зашла в музей Ермака. Из Нижне-Чусовских городков Ермак с дружиной уходил за Урал. Постников словно предвидел российский хаос, настырно собирая все, что способно этому хаосу противостоять. Я смотрела на могучего Ермака Тимофеевича и совершенно отчетливо ощутила, что за моей спиной незыблемая крепость, что мою землю никто не уничтожит!

Вдруг какой-то развязный шельмец подскочил. Затараторил:

— Мы хотим пригласить вас поучаствовать в предвыборной кампании, мы умеем делать деньги, мы спасем Россию! Наша цель дать людям шанс...

— А крышу на бане можете починить? — Леонард Дмитриевич охает: — Тесу нет.

Агитатор мгновенно куда-то исчез.

Вечером Зоя Михайловна, примостившись на сундуке, рассказала мне, что в «деревне» была чудная церковь XVII века. И крестились в ней, и венчались, переходя затем в тра-

пезную отметить событие. Сгорела по ротозейству сварщика. Леонард Дмитриевич строит на ее месте другую, хотя понимает, что это будет уже не то...

Поздно вечером, когда солнышко готово было закатиться за горизонт, поплыл над деревней колокольный звон — это Постников звонил с часовни, маленькой, старенькой, с покрытыми чешуйчатой дранью куполами.

Я спросила Зою Михайловну: как получилось, что Леонард Дмитриевич занялся воссозданием русской деревни?

— Он же работал директором школы Олимпийского резерва. Бывал по своим делам и в деревнях. Однажды увидел у дороги церквушку. Полуразрушенная, ни окон, ни дверей, но такая светлая, хрупкая! Леонард выпросил ее у председателя поссовета. Местный дед рассказал: «Стукнуло ей уже лет четыреста... Видишь, венцы топором рублены? Было на ее колокольне три колокола. Да три креста на маковках». С большой осторожностью церковку разобрали и перевезли сюда. Никакого проекта не было, но Леонард точно угадал, что без крестов она не оживет. Пенсионеры, которых он пригласил помочь, с радостью выточили деревянные кресты. Пока собирали саму церковку, главы куполов с крестами лежали на земле. В воскресный день их подняли. А в понедельник — звонок! Какой-то «уполномоченный» бухнул Леонарду: «Убрать кресты к чертовой матери!» — «Уберу, когда их уберут из Кремля и с Василия Блаженного». Через час — звонок секретаря горкома по идеологии. Этот уже вежливо, спокойно, как человек, имеющий власть: «Надо убрать. Уберите». — «Но тогда объясните мне, почему в Кремле, где находятся наши верховные идеологи, кресты до сих пор не сняты?» Через два дня по своим каким-то делам в Чусовой приехал первый секретарь Пермского обкома Борис Всеволодович Коноплев. Обошел церковку, издал на нее посмотрел... «Ну что, Леонард... — закурил. — Не останавливайся, продолжай дело». Вот так и пошло.

— А кузню Леонард Дмитриевич тоже перевез из деревни?

— Тоже. Он к тому времени уже много чего раздобыл для кузницы: щипцы, наковальню, молоты, а вот мехи нигде не мог отыскать. Уже кузница стоит, горн раздувают... Но тут один из чусовлян ему подсказал: «На Больничной горе должен быть мех». Леонард сразу поехал туда, увидел захудалую мастерскую, где рабочие что-то изготавливали для больницы. Там и нашли, на чердаке. Кузница заработала. Калилось железо, стучали молоты, сыпались искры, шипела и пузырилась вода в кадушке, и стоял ни с чем не сравнимый запах кованого металла! Кузнец с Чусовского металлургического завода при-

ходил сюда по воскресеньям. Для любого желающего ковал подкову на счастье. Городские власти с ужасом смотрели на Леонарда. «Кресты, кузня, колокола, дровяников понастроил!» Но мы-то с ним видели, как люди прилипают к стеклам вагонов! Вот же она, железная дорога, в полусотне метров от нас...

Железная дорога, которая огибает деревню-музей, тоже имеет свою историю; и одна из ее страниц связана с писателем Александром Грином. В 1900 году юный Саша Гриневский шагал по шпалам на золотые прииски графа Шувалова, где, как уверяла молва, люди быстро становятся богачами. Богачом Гриневский не стал, но познал всю тяжесть горных работ. Грина больше знают как писателя-романтика, но это еще и писатель-реалист. С потрясающей достоверностью Грин оставил потомкам картины жизни простых тружеников Чусовского уезда, никогда бы не напомнивших о себе, если бы не он. При въезде в музей стоит под железнодорожной аркой памятник Александру Грину. Это в России первый и единственный памятник ему во весь рост. Поставил памятник Леонард Дмитриевич, отдавая дань глубокого уважения писателю.

Мне не хотелось уезжать отсюда — настолько все было хорошо, умно, дорого сердцу. После этого раза я стала бывать здесь часто. Помню лето 2001 года. Жара, туристы из Германии босиком и с голыми торсами отдыхают в тени, устроившись на широких бревнах. Напротив них кружится деревенская карусель с лошадками, пищат ребятишки. Зазывает сфотографироваться расписанный под перовских охотников щит с дырками вместо лиц. Куры бродят, гуси, собаки, кошки... И как в любой деревне, щетинится всюду трава.

— В наш музей народ отовсюду едет, — говорит Зоя Михайловна. — Сколько тут перебывало артистов, писателей, общественных деятелей, сосчитать не смогу. Радуются, разглядывают все. На природу вокруг не могут налюбоваться. В бане по-черному любят париться. А вот сотрудников у нас — раз, два, и обчелся. Денег нет на сотрудников, да и не задерживаются они у нас из-за мизерной ставки. Недалеко отсюда есть музей политических репрессий — «Пермь-36». Бывшая лагерная зона. Вот на его содержание государство не жалеет средств.

Музей «Пермь-36» — изобретение западных стран вкуче с правительством России. В советское время здесь отбывали сроки террористы. Сколько их обезвредила группа «Альфа», защищая безопасность народа! Ее руководитель Геннадий

Николаевич Зайцев подробно рассказал об этом в своей книге «Альфа» — моя судьба». Он родом из Чусового, но в музей «Пермь-36» его, естественно, не приглашают, туда толпами возят иностранцев и поют террористам панегирик: «Здесь в годы советской власти содержались в тяжелейших условиях, страдали и погибали противники коммунистического режима, поборники национальной независимости поработенных народов, чьи идеи и усилия способствовали крушению человеконенавистнического режима». При этом ни одного «погибшего» не называют. И ни слова о том, сколько невинных жертв на счету каждого из «страдальцев». Отбывала сроки в «Перми-36» и всякая мелочь, вроде площадных кликуш. В царской России о таких не марались — секли розгами.

На «музей международного значения» кидают огромные деньги, а в «деревню» Постникова только в 2005 году провели отопление и воду. Были наконец реставрированы картины из музея Ермака. Появилась гончарня, где работает замечательный мастер Светлана Петровская. На всех краевых ярмарках ее изделия нарахват. Музей в основном живет на вырученные средства, хотя эта выручка для Постникова кость в горле. Он задумывал музей как подарок! Но что — Постников, если теперь платят даже за вход в Третьяковскую галерею. Павел Михайлович Третьяков оставил Москве столько средств на содержание галереи, что имел полное право заявить: «Галерея должна быть открыта **на вечное время для бесплатного обозрения** всеми желающими...» В «проклятое» советское время так и было, но сейчас наживаются и на святом.

Летом 2009 года к Постникову приехала группа преподавателей Пермского университета и несколько журналистов из Москвы. Провели «круглый стол». Обсуждались самые болезненные вопросы, связанные с жизнью музея. Казалось, люди серьезные, слушают с интересом, кивают согласно, готовы помочь. И вдруг в еженедельнике «Культура» выходит статья одной из участниц «круглого стола». Она называет музей Постникова шизофреничным, она крайне возмущена, что при въезде в музей стоит памятник Грину! Зато эту даму не возмутили флаги Англии и Германии над музеем «Пермь-36». Не возмутило, что терроризм, захлестнувший нашу страну, приветствуется в «Перми-36» как какое-то благо!

Летом 2010 года в «Перми-36» Франция поставила оперу Бетховена «Фиделио». Артисты пели, разгуливая по лагерьной зоне в эковских одёвках. Стены барачков обклеили выжимающими слезу плакатами. Естественно, привезли пуб-

лику на такое важное мероприятие. Сколько денег на это вбухали! И вот теперь «на базе Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36» начинается работу международная школа для преподавателей гуманитарного цикла «Формирование гражданственности на основе изучения ключевых проблем истории России XX века».

Значит, опять полетят миллионы рублей! Из карманов простых налогоплательщиков, которые и так еле сводят концы с концами и о которых международные «правозащитники» не желают слышать и знать...

Но нынче уже не девяностые годы, когда мы пребывали в шоке. И не начало двухтысячных, когда верили, что жизнь все-таки может наладиться. Сейчас хватит толчка, чтобы произошел взрыв.

Музей Постникова держится из последних сил. За два года едва смогли заменить колесо водяной мельницы и начать строительство необходимого хозяйственного помещения. А впереди еще так много дел! Реставрация обветшавших домов, бани, установка большой печи для обжига глины... Каждый день в этой «деревне» — подвиг.

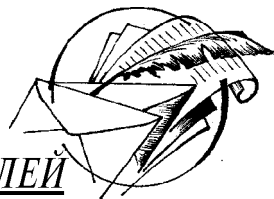
ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ДЖИХАД

Если бы Млечина не существовало, его следовало бы выдумать. Никто не обнажает суть «русского» либерализма лучше, чем он.

В телешоу «Суд времени» Млечин собрал в кулак весь авангард «демократии». Он дал ему слово. И мы увидели, что за четверть века эта публика со своих позиций не сдвинулась ни на миллиметр. Ни разрушение экономики, ни демографическая катастрофа, ни узаконенное беззаконие не сбили их с пути и даже не омрачили мыслей. Гвозди бы делать из этих людей...

Мы увидели ораторов, которые готовы бесконечно, в истерическом надрыве указывать на жертвы 30-х годов, но абсолютно равнодушны к жертвам 90-х. Мы увидели «гуманистов», по мнению которых, плата за Победу и спасение страны от уничтожения оказалась слишком высока, а за переход к дикому капитализму — не очень. А это сопоставимые цифры.

Мы услышали безумные заявления: что Невский, Грозный и Петр I вели страну к сталинизму, а советский человек, победивший фашизм,

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

вышедший в космос и создавший образцы высокой культуры, — это «антропологическая катастрофа». Нам сообщили, что всю советскую промышленность построили ээки, почти весь алюминий, производимый в стране, выбрасывался за ненадобностью, а сегодняшних олигархов воспитал Сталин (обучил их распиливать народное достояние и бабки вывозить за бугор).

Мы слышали шокирующие откровения: что миллионы погубленных в 90-е жизнью — это цена за право читать Пастернака, что в 93-м году «охлос» дернулся на новую власть и получил по заслугам, что парламент расстреляли правильно, потому что бунтовщики мешали смотреть футбол и пить пиво.

Отдельная песня — это либеральные байки об СССР. В советской стране, как нам сообщают, беспартийному нельзя было заниматься журналистикой и преподаванием, а с «пятым пунктом» нельзя было поступить в вуз. Там были ужасающая коррупция и аморалка.

Слушаешь и понимаешь: мы жили в разных странах. В СССР, который многие из нас помнят, было, конечно, немало дурного, но среди журналистов и преподавателей беспартийные составляли абсолютное большинство, студентов с «пятым пунктом» в университетах имелось хоть отбавляй, коррупция была смехотворна, а о морали советская власть пеклась как только могла.

Еще удивительнее то, что с либеральной скамеечки говорится о перестройке. Оказывается, она, родимая, «вернула нам национальное самосознание». Слышишь такое и вздрагиваешь. Что-то вернула перестроечка?.. А мы разве уже не помним, как в ту пору чудесную гнобили патриотизм? Не помним шквала издевательств над национальными чувствами? Не помним, как выдавливали с работы с клеймом «чернорубашечника»? И о либеральной цензуре мы тоже забыли?

«Свидетели» Млечина и он сам говорят так, будто их слушают люди без глаз, ушей, мозговых извилин и памяти. Слепые, глухие, тупые и вчера родившиеся. Мы видим каких-то шахидов либерализма, объявивших России джихад — войну до последнего «демократа». Каких-то маньяков-очернителей, которых совершенно не смущают сокрушительные результаты голосования, показывающие, что страну от них уже просто тошнит.

Но зачем им все это? Что заставляет их так усердно работать глубиной идеологии? Ради чего ребята стараются? Это становится ясно, когда понимаешь, к кому они адресуются.

Полуправда, откровенная ложь и доводы, оскорбляющие человеческий разум, — все это адресовано пришедшему хаму.

Именно он должен услышать их вопли. Услышать и затвердить. Либералы дают ему установку, как Кашпировский. Чтобы он и дальше шагал по жизни с тупой, сытой усмешкой и не пытался соображать.

Похоже, всегда будет существовать эта смычка — либерала и хама. Первый будет поддерживать своего агента в реальности — холить, нежить, множить, растить. В этом — дыхание российского либерализма, в этом — его надежда. Насаждать хамство — только так можно сохранить власть. Хам — это опора либеральной интеллигенции. Без хама все рушится. Без хама открывается поле национальной дискуссии и пробуждается страсть. Без него всю эту приклатненную публику сметает революция понимания.

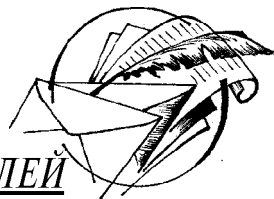
Хамское общество — социальный идеал «русского» либерализма, его новый уютный дом, где все прекрасно устроено. Наверху — они со своим примитивом, приспособленчеством, пещерной антисоветчиной и ненавистью к Истории. А внизу — бездумная маргинальная масса. Только в таком обществе они — авангард.

Раньше трудно было понять: какая идея на деле движет русофобским либерализмом? Но теперь — ясно некуда.

ЧТО ДЛЯ НАС ВАЖНЕЕ?

Нижняя Имеретинская низменность — это широкая приморская равнина между реками Мзымта и Псоу, здесь, на сочинском побережье, находится самая южная точка Краснодарского края. Протяжённость низменности составляет около 7,5 км в длину и более двух километров в ширину. С севера её территория ограничена железной дорогой, а с юга морем. По своему происхождению, составу отложений и размерам Имеретинская низменность и мыс Пицунда являются родственными геологическими формами.

Это место уникально, т.к. является орнитологической точкой международного значения и единственным пристанищем для птиц, зимующих здесь и отдыхающих во время более дальней миграции, а также для некоторых местных видов птиц, которые выводят здесь птенцов (гнездящихся). В сумме здесь всех видов птиц (зимующих, гнездящихся, перелётных) — 187! Среди них такие редкие виды птиц, как лебедь-кликун, лебедь-шипун, большая цапля, белолобый гусь, змеяяд, чёрный аист, дрофа (одна из самых тяжёлых летающих птиц), сапсан (одна из самых быстролетающих птиц) и многие другие.

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Миграционные пути у летающей фауны сложились в течение многих тысячелетий. Несмотря на то, что условия пребывания птиц на Имеретинской низменности из года в год становятся всё хуже и хуже, во-первых, из-за охоты, (особенно приобретшей катастрофический размах в связи со слухами о птичьем гриппе), во-вторых, из-за непрекращающегося освоения земель человеком. И тем не менее, птицы вынуждены снова и снова останавливаться на Имеретинской низменности, т.к. подобного места на побережье просто нет (даже в Абхазии). В период перелётов на одном кв. км можно встретить до трёх тысяч особей, птицами бывают покрыты не только озёра, но и поля.

Русским географическим обществом паспортизировано всего лишь три природных памятника на территории Имеретинки: это участок болота с двумя маленькими прудами, просто болото и часть пляжной полосы. Когда-то здесь было пятнадцать памятников природы, но, увы, к 2004 г. удалось паспортировать только три.

Нельзя не сказать, что Имеретинская низменность является самым северным вариантом колхидских болот (среднегодовая температура +13 градусов), а поэтому является местом жизнеобитания эндемичной и реликтовой флоры (меч-трава Мартиуса, папоротник королевский, папоротниковое дерево, обвойник греческий и мн. др. Здесь же обитают редкие виды рептилий, амфибий: уж колхидский — эндемик (существующий только в данной местности), реликт; черепаха болотная — реликт; жаба колхидская — эндемик, реликт; лягушка малоазиатская — эндемик, реликт; тритон Ланца — эндемик, реликт и др.

Надо сказать, что статус памятников природы — это, к большому сожалению, самый низкий статус по шкале охраняемости. Данное место на сочинском побережье давно должно было стать **заповедным**, однако ровный ландшафт местности, плодородная почва и, главное, близость моря делают его слишком лакомым куском для местных властей, поэтому всегда на него распространялись большие планы (грузовой и военный порты, парк Дисней-ленд), а теперь вот — громадное строительство олимпийской деревни. Строителей не пугает, что на территории Имеретинской низменности слишком высоко стоят грунтовые воды, они готовы вкладывать огромные средства для борьбы с ними, не думая о том, что тогда понизится водный уровень и в тех озёрах, которые они обещают не трогать. И смогут ли вообще птицы сосуществовать в соседстве с объектами, излучающими в таком количестве электрический свет?! Что уж говорить и об остальной

антропогенной нагрузке на местность! Власти готовы вкладывать огромные деньги на «освоение» природной среды и совсем не готовы думать о её сохранении. Похоже, менталитет чиновников на такие «мелочи» не рассчитан.

Красная книга почв России включает различные категории естественных почв, среди которых три — основные: эталонные, редкие и исчезающие почвы. Уникальность почвенного покрова Имеретинской низменности заключается в том, что она относится к объектам Красной книги почв по всем трём основным критериям! Однако площади этих зональных почв очень ограничены.

Старший научный сотрудник Почвенного института им. В.В. Докучаева, эксперт по почвам и земельным участкам Госстандарта, кандидат биологических наук Марина Скрипникова считает, что «наиболее рациональное использование почв Имеретинской низменности — придание им статуса первого почвенного заповедника России. Имеются также завершённые проекты орнитологического заказника краевого значения, разработанные ведущими специалистами Краснодарского края, но, как ни печально, не утверждённые вышестоящими организациями.

Данное место всегда привлекало взоры предпринимателей, пытающихся выгодно вложить сюда свой капитал, и это, к несчастью для всех нас, является доминирующим фактором в нынешней России. Все иные доводы и аргументы считаются для местных чиновников второстепенными. Но здесь нарушаются и государственные интересы. Например, при строительстве олимпийских объектов будут уничтожены природные лечебные грязи, находящиеся на Имеретинке (250 млн. тонн лечебных грязей, такова официальная цифра разведанного здесь месторождения). Подземные питьевые воды на территории 20 га в советское время считались стратегическими. Эта водяная «линза» тоже подвергнется или загрязнению, или уничтожению.

Строить здесь такие огромные бетонные сооружения, как, например, ледовый дворец на 12 тыс. мест, по показаниям геодезистов, нельзя — и абсурдно, и слишком дорого, и опасно. Но вот главный архитектор по олимпийским объектам господин Проценко не соизволил даже появиться на конференции архитекторов, проходившей в г. Сочи и посвященной данной проблеме. Есть также уникальные находки археологического значения на Имеретинке, которые также будут уничтожены. И это тоже никого не волнует.

На «круглом столе», проходившем еще в 2006 г. в г. Сочи, видные учёные и специалисты, а также представители обще-

ственных организаций Краснодарского края ясно выразили своё мнение: строить олимпийскую деревню в этом уникальном месте нельзя! Результатом этой дискуссии стало письменное воззвание, адресованное президенту Международного Олимпийского Комитета Жаку Рогге, президенту Владимиру Путину, премьер-министру Михаилу Фрадкову и губернатору Александру Ткачёву, однако никакой реакции с их стороны не последовало.

В последнее время, видимо, для успокоения общественности правительство не раз давало обещание, что на территории Имеретинской низменности будет сделан орнитологический заказник. Но, как стало известно, под него будет отведено всего 270 га земли. В то время как Имеретинская низменность — это 2100 га. И от ее осушения для дальнейшего возведения олимпийских объектов никто не собирается отказываться, что, несомненно, повлечет за собой понижение водного уровня или полное исчезновение ее озёр, не говоря уже о колхидских болотах, которые не менее важны для здешней флоры и фауны. К тому же какой тут может быть орнито-заказник при постоянном электрическом освещении и различного рода шумах? Но даже эти обещания правительства пока что остаются только словами, никакого воплощения их в жизнь пока не видно.

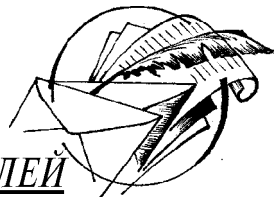
г. Сочи

ЛИШНИЕ УЧИТЕЛЯ...

Министр образования и науки Андрей Фурсенко занялся арифметическим подсчетом соотношения учитель — ученик, сложившегося в последние годы в нашей школе. И выяснил, что на одного учителя в России приходится не более 8—9 учеников.

При этом министр, ответственный за проведение важнейшей социальной политики государства в сфере образования, не просто удовольствовался констатацией данного факта, но и сделал вывод о необходимости сокращения численного состава учителей. Аж на 200 тысяч человек. Чтобы чисто механически довести его до соотношения, имеющегося в странах Европы.

И это очень удивляет. Потому что, во-первых, никто и никогда не делал анализа состояния кадровой политики в такой социальной сфере, как образование. А во-вторых, просто абсурдно проводить эту политику, основываясь на чисто арифметических показателях. А. Фурсенко, правда, оговорился, что решение конкретных кадровых вопросов на-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ходится в компетенции региональных органов управления образования. То есть он как бы не имеет прямого отношения к предстоящему процессу массового увольнения учителей. И тем не менее всем понятно, что из уст министра прозвучала команда «фас!». И некоторые региональные руководители восприняли заявление министра как руководство к действию.

Главный администратор в нашей системе образования предложил увольняемым из школы учителям переквалифицироваться в воспитателей детских садов. Но даже выпускник педвуза знает, что профессии школьного учителя и воспитателя детсада принципиально отличаются друг от друга, потому что специалист дошкольного образования — это особая категория педабработников, требующая специальной подготовки. Особенно в области психологии поведения детей дошкольного возраста.

Получается, что большая часть «лишних» учителей попросту покинет школьные стены. И скорее всего никогда туда уже не вернется. Поэтому дошколята, перейдя на школьную ступень, останутся без педагогических наставников. Пройдет всего 5—7 лет — и страну залихорадит от острой нехватки школьных педагогических кадров.

К тому же по инициативе Министерства образования и науки ежегодно происходит сокращение бюджетных мест в педагогических вузах. В среднем на 8—10 процентов. А представить себе, что выпускники общеобразовательной средней школы пойдут учиться на педагогические специальности на договорной основе, просто невысказано.

Что же сегодня реально происходит в системе российского образования, и действительно ли Россия захлебнулась от переизбытка учительских кадров? Если взять за основу чисто арифметический подход, сегодня соотношение учитель — ученик в нашей стране немного ниже, чем в странах Европы. Но при этом не стоит забывать, что дислокация и удаленность европейских школ от мест массового проживания граждан вовсе не такая, как в России. Как и хорошо функционирующая дорожная инфраструктура... Россия — страна огромных и порой очень сильно удаленных друг от друга территорий. Из 53 тысяч российских школ более 10 тысяч — это малокомплектные сельские школы.

Весной 2010 года в Орле под эгидой «Единой России» состоялся Первый Всероссийский форум глав сельских поселений. Проблем на нем обсуждалось великое множество. Но каждый выступающий неизменно начинал свой доклад с многострадальной сельской школы. Выходившие на трибу-

ну люди буквально кричали о том, что надо немедленно пре-
кратить «реструктуризацию». А кое-кто даже плакал. Не об-
разно, а натурально. И даже министр регионального разви-
тия Виктор Басаргин вынужден был начать свое заключи-
тельное выступление на форуме со слов о судьбе сельской
школы. И предложил главам сельских образований не идти
на закрытие малокомплектных школ ни при каких обстоя-
тельствах.

То есть проблема затронула всех за живое. А вот Минобра-
зования прислало на форум потрясающую справку, которая
гласила о том, что только за три года — с 2006-го по 2009-й —
в России было закрыто 3696 школ.

Много раз специалисты задавали вопрос: что это? Недо-
разумение, некомпетентность или чей-то злой умысел? Слу-
чайно или нет идет фактическая очистка территории Рос-
сийской Федерации от населения?

Сегодня мы имеем два важнейших фактора в этом процес-
се. Население России катастрофически уменьшается коли-
чественно (почти на 1 миллион человек в год) и значительно
ухудшается качественно. И это может стать для нашей стра-
ны настоящей национальной трагедией.

Как считают все квалифицированные эксперты, при та-
ких условиях к проблемам развития образования надо отно-
ситься особенно бережно. Ибо лишь система образования
может способствовать успешному преодолению нависшей
над страной опасности.

Итак, много или мало в России учителей? При той ситуа-
ции, которая сложилась сегодня в социальной сфере, у нас
наблюдается острая нехватка квалифицированных педаго-
гических кадров. Мы до сих пор не преодолели такое явле-
ние, как детская беспризорность. Одна из причин этого —
уничтожение малокомплектных сельских школ.

Сегодня Россия вышла на первое место в Европе по детс-
кой и подростковой преступности (особенно связанной с
насильственными действиями). И причина тому — резкое
ослабление роли и места школы и других воспитательных
институтов общества. В последние годы ощущается острая
нехватка педагогических работников, способных отвлечь
подростков от улицы и влияния организованных преступ-
ных группировок. Прекратили свое существование много-
численные в недавнем прошлом дома творчества, спортив-
ные и музыкальные школы, творческие студии и секции по
интересам. Им на смену пришли подворотни с клеем «Мо-
мент», «колесами» и шприцами. И никакими чисто мили-
цейскими мерами эту ситуацию не исправишь. Здесь нужна

квалифицированная работа огромной армии педагогов, которых, в свою очередь, должно поддержать государство — выделением необходимых помещений, материальным обеспечением и достойным финансированием. Именно в этом заключается эффективная образовательная политика. И именно этим должны заниматься все социальные ведомства, включая Минобразования.

Хроническое недофинансирование в системе российского образования (мы тратим на эти нужды не более 3,5 процента своего ВВП вместо необходимых 8—10 процентов) привело к резкому снижению качества получаемых учащимися знаний. Не спасает и новая игрушка — ЕГЭ, сегодня масштабы фальсификации результатов единого экзамена приняты в России устрашающие размеры.

Но самое страшное в этой губительной схеме заключается в том, что она больше всего ударила по учителю. Потому что учитель поставлен в унижительное положение репетитора, натаскивающего детей на тупые тесты для получения удобного для чиновников результата.

Видимо, заявление А.Фурсенко — вполне логичное продолжение разрушительных «либеральных реформ».

Лишние люди. Лишние школы. Лишние дети. Лишние учителя...

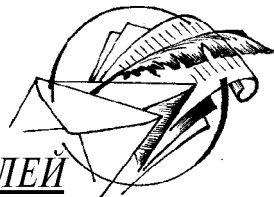
ВИРТУАЛЬНЫЙ НАРОД

В этом году Россия отметит юбилей реанимации. 20 лет она ни жива, ни мертва, а её состояние стабильно тяжёлое. Оппозиция борется не с властью, а за место во власти, народ разобщён, зато «элита» сжалась в кулак, установив в стране олигархический фашизм. В «верхах» один за всех — и все против народа.

А в «низах» — все против всех.

Соотечественники живут сериалами, а борются — с перхотью. Большого и не нужно! Идеологию сменила биология, общество потребления плодит самоуверенных недоучек, бездушных трудоголиков и невротичных потребителей с кошельком вместо сердца. Акции протеста собирают сотни активистов, а концерты поп-звёзд — многотысячные стадионы. Вымирать — так с музыкой!

Страна расколота на обывателей и обувателей. Оборотни в рясах призывают к смирению, так что в России глас народа — молчание ягнят. Кремль, как на трёх китах, стоит на дебилизации, бешеной

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

пропаганде и разобщённости народа. Столичная PR-компания решила на опрос «Поддерживаете ли Вы власть?», и в офис тут же явились сотрудники ФСБ, посоветовавшие не лезть в политику. Старый фокус с шарами: на столе два чёрных и один белый. Когда «подсадные утки» говорят, что на столе три белых шара, жертва эксперимента повторяет их ложь, хотя видит на столе два чёрных и один белый шар. Наверное, даже татаро-монголы были популярнее нынешних управленцев, но кругом твердят о высоких рейтингах власти, и обыватели, как заворожённые, повторяют: «Ничего, что тяжело, главное — стабильно».

Россия, которую мы видим по ТВ, — это виртуальная страна, которой нет на карте. Кремлёвские сценаристы и имиджмейкеры трудятся в поте лица: политика давно свелась к ток-шоу, а президентские полномочия — к лицедейству. Повторяя чудо умножения хлебов, российская власть кормит народ «завтраками».

И ведь насыщает!

Власть заговаривает народ, как больные зубы, суля модернизацию, инновацию и научный прорыв. При этом процветают только астрология и нумерология, а «Сколково» распилили так, что его пора переименовывать в «Осколково». Бешеные деньги вкладываются в экстрасенсорные военные исследования, в «прокачку» энергии и зарядку воды с помощью гипноза. Может, все беды России от того, что она лежит не по фэн-шую? СМИ то одевают нам «розовые» очки, то набрасывают петлю на шею, перемешивая глянцево-сплетни с «чернухой» и фальсифицируя историю. Нам внушают, что СССР — страна лагерей и очередей, а в России каждая кухарка может стать женой олигарха. Роскошно изданная «Чёрная книга коммунизма» есть в каждой библиотеке. Расстрелянные, замученные в застенках, высланные, переселённые, погибшие в войнах и революциях — «бесмысленные жертвы». Бесмысленными их сделал 91-й год, когда распалась страна, во имя которой они погибали! Семью моего деда раскулачили, сослав за Полярный круг. Дед получил высшее образование, квартиру, достойную должность. Лучше бы держал свиней? Неужели индустриализация страшнее дебилизации, а диктатура пролетариата — власти криминалитета? Почему экспроприация, когда всё стало общим, страшнее приватизации, когда богатства страны рассовала по карманам горстка избранных?

И не пора ли писать Чёрную книгу неофеодализма, превавшего Россию в лагерь смерти:

«С детства имел способности к математике. Мечтал стать учёным. Денег на поступление не было, забрали в армию. Работает охранником в магазине дамского белья».

«Мечтала стать певицей, приехала покорять Москву. Через несколько лет мечта сбылась: закончив карьеру проститутки, поёт в переходах».

«Раньше других детей заговорил, сделал первые шаги, взял в руки букварь. Раньше всех попробовал водку и перешёл на наркотики. Раньше всех умер».

«Шёл по улицы нетрезвым. Забрали в милицию, забили до смерти».

«Шёл по улице трезвым. Встретил нетрезвую компанию. Забили до смерти».

«После курса менеджеров пошёл в гору. Каждый год — повышение и отпуск на курорте, жена, машина, дети, ипотека, кредиты, транквилизаторы. Жизнь удалась, но быстро закончилась: на пятом десятке от сердечного приступа».

Сотни тысяч политзаключённых не стоили счастья миллионов? Тогда почему миллионы изломанных судеб стоят благополучия Рублёвки?

Апокалипсис — сегодня! Жизнь без воды, электричества и медицинской помощи — если не конец света, то уж точно приговор государству. Или Россия — это 62 долларовых миллиардера плюс деэлектрификация всей страны?

Словно в благополучной Европе, у оппозиции нет повода выйти на улицу, кроме как заступиться за деревья. Каждый день в России пропадает без вести 200—300 человек. Их убивают? Продают на органы? Угоняют в рабство? Им не посвящают песен, в их память не проводят митинги, и ни один рок-музыкант не поинтересовался у премьера, кто вырубает население страны, словно Химкинский лес?

Избитый журналист стал героем новостей, собрав толпы защитников. А провинциальный учитель остаётся один на один с копеечной зарплатой и модернизацией образовательной системы, закрывающей единственную школу в посёлке. Но «четвёртая» власть, как и кремлёвская — вещь в себе: пишет про себя или для себя. В глубинке зарплаты меньше, чем гонорар Кашина за статью, но, похоже, один битый стоит миллионов забитых.

Опального олигарха жалеют больше бомжей, которых такие, как Ходорковский, пустили по миру. «Интеллигентный, умный, образованный...» И среди бродяг встречаются доктора наук, полиглоты, ценители искусства: в Петербурге каж-

дый десятый бездомный — с высшим образованием! Но сегодня бедность — главный порок, и даже церковники брезгают мыть ноги нищим.

Индустрия новостей тиражирует «звёздные» сплетни и, придавая им всероссийскую значимость, прививает зависть к тем, кто наверху. И ненависть к ближним. Людям свойственно персонифицировать зло, а отсутствие воображения не позволяет искать виновных дальше вытянутой руки. Нам кажется, что корень всех бед — в приезжих торговцах овощами, а не торговцах ресурсами страны, превративших в овощи собственный народ. Поэтому на улицах бьют нищих гастарбайтеров, а не чиновников, торгующих гражданством, словно билетами в кино. Милиция-полиция вытряхивает деньги из нелегалов, а не из работодателей, за гроши нанимающих азиатов вместо соотечественников.

«Закрывайте дверь, патамушта холодна» — такими объявлениями пестрит столица, повсюду слышится чужая речь и восточная музыка. Приезжие не ассимилируются? Не учат язык? В России английский де-факто стал вторым государственным, а современный русский набит англицизмами, феней и матом, словно чучело опилками. Без знания английского языка не возьмут даже продавцом в супермаркет, в школах уроки родной речи почти факультативные, а майка «Russia» — высшее проявление патриотизма. Может, правы инородцы, не почитающие культуру, которую не почитает собственный народ? И зачем учить язык, который, как латынь, скоро станет мёртвым?

Рекламой борделей пестрят центральные газеты, «подпольные» казино и притоны работают на каждом углу, а сходки криминальных авторитетов анонсируются по телеканалам, словно встречи на высшем уровне. Зато протестные движения объявляются главной угрозой страны.

«Убийцы в белых халатах» лечат скальпелем и бадами: за рекламу пищевых добавок им платят фармацевтические компании, за операции идёт прибавка к зарплате, поэтому больных потрошат, как куриц, отправляя на хирургический конвейер. В 90-е, когда медики выходили на улицы, никто их не поддержал, ведь человеческие отношения свелись к рыночным: «Помоги себе сам!» А теперь «Лечи себя сам!» написано на лицах врачей. И мы достойны медицины, которую получили.

И сегодня выставки товаров в Манеже собирают больше зевак, чем акции на Манежной площади. И сегодня никто не выходит на улицу, чтобы заявить: на пенсию в 3000 рублей нельзя прожить! Никто не пишет на стене городской адми-

нистрации, что стыдно пухнуть от обжорства, когда народ умирает от голода. Никто не заступится за сирот, живущих в приютах, словно на зоне, за побирающихся старух, за учёных, которые сменили НИИ на офисы, чтобы прокормить семью. Каждый прячется, словно улитка, в своём домике, утешаясь, что другим ещё хуже.

Наших правителей, словно задержавшихся в развитии подростков, интересуют только развлечения. Временщики, от которых в истории не останется ни строчки, они лишены государственных амбиций и превратили интересы страны — в семейные. «Полей у нас много — приходите и играйте в футбол». А сколько россиян доживёт до чемпионата мира 2018?

Футбольная поговорка гласит: «Не забиваешь ты, забивают тебе». И сегодня она взывает к обобщению: «Когда право обращается бесправием, сопротивление становится долгом!»